

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОЦИОЛОГОВ
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ю. Р. ВИШНЕВСКИЙ, Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ

УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ:
ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

Екатеринбург
2015

УДК 316-047.37(470)
ББК 60.504л0(235.55)
И90

Издание подготовлено при финансовой поддержке Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (грант на издание коллективных монографий 2015 года)

Рецензенты:

доктор философских наук, Е. С. Барзгова
(профессор Уральского института управления - филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы)
доктор социологических наук Е. В. Прямикова
(Уральский государственный педагогический университет)

Вишневский Ю. Р.

И90 Уральские социологические чтения: историко-социологическое исследование: монография / Ю.Р. Вишневский, Г.Е. Зборовский / м-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 176 с.

ISBN 978-5-7996-1422-5

В книге исследуется история уникального феномена отечественной социологической жизни - Уральских социологических чтений - и анализируются материалы чтений от 1-х (Ижевск, 1976 г.) до XIX-х (Екатеринбург, 2013 г.). Книга выходит накануне юбилейных - XX-х - Уральских социологических чтений. В книге дополнены и развиты материалы, опубликованные в работе «Большой Урал - XXI век: Сборник материалов Всероссийской научно- практической конференции. Ч. 3: История Уральских социологических чтений: люди - идеи проблемы / Ред.-составители - Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский, В. Т. Шапко. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2001). Книга - на основе материалов 19 Чтений дает представление о том, как развивалась уральская социология, как менялась её проблематика, какова эффективность социологических исследований.

Сборник предназначен для социологов-исследователей, преподавателей и студентов вузов, всех, интересующихся социологией и историей социологической науки.

УДК 316-047.37(470)

ББК 60.504л0(235.55)

ISBN 978-5-7996-1422-5

© Уральский федеральный университет, 2015

© Вишневский Ю. Р., Зборовский Г. Е., 2015

ЧТЕНИЯ НАЧИНАЛИСЬ ТАК ...

К середине 1970-х гг. в Уральском регионе *сложилось несколько социологических центров*, представленных столицами республик и областей Урала – сначала *Свердловск, Пермь, Уфа, Челябинск*, чуть позднее – *Ижевск, Оренбург, Курган*. Постепенно социологическими центрами становились и крупные индустриальные города – *Нижний Тагил, Магнитогорск, Миасс, Златоуст*.

Коллективы социологов складывались в основном при общественно-научных кафедрах вузов, как подразделения академических институтов и социологические лаборатории на крупных предприятиях. Большинство социологов (и коллективов) занимались исследованием проблем отраслевого характера: социальная структура общества; социальные проблемы производственных коллективов; социальное планирование; социология культуры, социология образования; социология молодежи и др.

Проводилось множество прикладных конкретно-социологических исследований по широкой проблематике. Вместе с тем социологи работали *разобщенно*, нередко плохо представляя, чем заняты их коллеги не только в другой области, но и в своем городе. Проводилось множество сходных исследований по различным методикам, что мешало сопоставлению результатов, выявлению динамики социальных процессов. Порой исследователи занимались узкими, локальными темами.

Идея консолидации деятельности социологов в масштабах региона, что называется, витала в воздухе. Она находила реализацию в различных научных конференциях, проводившихся на базе сложившихся социологических центров. В то же время такие *тематические конференции* не могли показать всего спектра социологических исследований в регионе. Именно как ответ на этот запрос развивающейся науки и родилась идея «Уральских социологических чтений» – как своеобразного смотра состояния потенциала социологии в регионе.

У истоков самой идеи и ее реализации стояла группа видных советских социологов, среди которых необходимо выделить в первую очередь **Наримана Абдрахмановича Аитова, Льва Наумовича Когана, Захара Ильича Файнбурга**. Лев Наумович Коган многие годы возглавлял Уральское отделение Советской Социологической Ассоциации и был бессменным ответственным редактором сборников тезисов и докладов первых девяти социологических чтений.

Какой интерес могут представлять сегодня материалы прошлых социоло-

гических чтений, проходивших в 1970-1990-х гг. Особенно, если учесть деформирующий характер идеологического контроля, цензуру, невозможность исследовать многие реальные социальные процессы, высказать точку зрения, отчетливо не совпадающую с официальной, и т.д. Однако, при всем несовершенстве этих материалов, в них есть позитивное:

- Никаких других (альтернативных) материалов социологических исследований просто нет. В этом смысле они незаменимы и даже – в своем роде – уникальны.
- Социология по своей природе была одной из наименее идеологизированных общественных наук, и это поднимало планку ее объективности.
- Живая мысль, нестандартные идеи, некоторые реальные социальные проблемы все же прорывались в тексты докладов и выступлений (а особенно – в сами выступления). Это было не диссидентством, а попыткой в рамках «правил игры» максимально использовать эти правила или раздвинуть их.
- Наконец, нельзя не учитывать и того, что по этим докладам и выступлениям можно представить путь потерь и находок, исследовательских традиций и инноваций уральской социологии, одного из крупнейших регионов отечественной социологии. Это был путь творческого становления многих известных современных социологов.

Сохранился любопытнейший документ, раскрывающий предысторию Уральских социологических чтений, – письма **Льва Наумовича Когана** своему другу и коллеге **Захару Ильичу Файнбургу**.

23 сентября 1975 г. Л.Н. Коган пишет З.И. Файнбургу: «...Я хочу с тобой посоветоваться. Есть у меня идея проведения после XXV съезда где-то в мае «Уральских социологических чтений. Тема их может быть: «XXV съезд и культурно-технический подъем трудящихся» или «XXV съезд и проблемы социального планирования». Может быть ты что-либо широкое предложишь? Подумай над темой и напиши мне. Далее. Я хочу, чтобы чтения были не в Свердловске. Мы очень мало делаем для Урала. Где их провести? В Челябинске ... новый секретарь ОК [областной комитет КПСС] по идеологии только входит в курс дел. Остаются Пермь, Ижевск, Курган, Оренбург. Я написал Боре Родионову о возможности их провести в Ижевске. Но лучше бы в Перми! В университете, как ты знаешь, у вас заниматься этим некому. База – твоя лаборатория. Но согласишься ли ты на столь большие хлопоты? Подумай. Если да, то прозондируй предварительно мнение секретаря ОК по идеологии. ОК это было бы выгодно: лекции членов ССА [Советской Социологической Ассоциации] на всех предприятиях по съезду, коллективные выезды и прочее. Мы могли бы от бюро Отделения ССА обратиться прямо в ОК, но хотелось, чтобы ты прозондировал почву. Если энтузиазма с их стороны не будет, остановимся на Ижевске или другом центре. Что надо: 1 (Размещение minimum 100 чел. социологов из всех областей Урала (гостиница); 2) NB [Nota bene]!! Издание тезисов докладов (примерно 25 -27 п.л.); 3) Создание Оргкомитета во главе с секретарем ОК по идеологии. Печатанье пригл[асительных] билетов, программ и пр(очего). Пойдут ли они на это? Надо решать сейчас. Сообщи мне письмом или по телефону их мнение, а главное – настроение. Мы поможем максимально, но все же глав-

ная тяжесть работы падет на лабораторию. Это надо сознавать ясно. Жду, словом, твоего ответа. Только после предварительных переговоров я поставлю вопрос на бюро Отделения».

Мы не знаем, как разворачивались события, но зато очень хорошо знаем крайне негативное отношение Пермского ОК и к социологии в целом, и к Захару Ильичу лично. Так что совершенно не удивительно, что уже чуть позже (16 декабря 1975 г.) Лев Наумович пишет: «Тебе, вероятно, Слюсарянский докладывал, что в середине мая 1976 г. в Ижевске мы проводим первые Уральские социологические чтения. Мы просим тебя: 1 (выступить на пленарном заседании с докладом: «Социальные последствия НТР в условиях развитого социализма». Если хочешь уточнить темы – уточняй, но доклад надо об НТР! 2) возглавить секцию социального планирования. Немедленно напиши, согласен ли ты? Очень прошу тебя до 1.01 дать нам хотя бы примерный список докладов на чтениях от пермяков. Мы будем утверждать план чтений на бюро отделения в середине января. Тебя вызовем заблаговременно. Черкни немедленно ответ. Мне надо до бюро съездить в Ижевск и согласовать план пленарного заседания с Удмуртским ОК КПСС...».

Выступая в 1996 г. на X Уральских социологических чтениях, **Л. Н. Коган** – в связи с юбилейной датой – вновь вернулся к событиям 20-летней давности: «Социология – наука, обязанная держать руку на пульсе общественной жизни. В России задачи социологии особенно сложны и ответственны: дело не только в огромных масштабах нашей страны, но и в исключительной неравномерности экономического, социально-политического и культурного развития ее регионов. И победы, и вопиющие поражения нашей социологии в прогнозировании итогов выборов в последние годы еще раз подтвердили ту, в общем-то очевидную мысль, что без сильной профессиональной социологии в регионах нельзя говорить и об удовлетворительном состоянии российской социологии в целом. Между тем, долгие годы существования Советской социологической ассоциации все ее внимание было обращено на столичных социологов и их международные связи. Именно в этой обстановке Уральское отделение ассоциации в начале 1970-х гг. решило не ждать милостей от центра, а опираться главным образом на собственные силы. Почти без всякой финансовой помощи (60-70% собираемых Отделением членских взносов забирала Москва), в основном на бескорыстном энтузиазме актива в течение 15 лет Отделение добилось проведения целой серии тематических региональных семинаров и симпозиумов, школ молодых социологов, издания региональной социологической литературы. Однако главной особенностью нашего Отделения стало проведение в различных городах Урала (Ижевск, Курган, Оренбург, Пермь, Свердловск, Челябинск, Уфа) социологических чтений, являвшихся своеобразным отчетом вузовских, академических и заводских социологов Урала о проделанной ими работе. Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что именно эти чтения во многом способствовали появлению дружеских профессиональных связей между уральскими социологами, пробудили у многих из них стремление к повышению своей квалификации. Разумеется, далеко не все из поставленных нами задач удалось решить: в нашем регионе не сложилось современной со-

циологии села, социологии девиантного поведения, социологии религии и морали и т.д. До последнего времени сказывается несомненная недооценка математически-статистических методов. Однако при всех этих (и других) пробелах уральские социологи получили заслуженную известность и авторитет не только в стране, но и за ее пределами»¹.

I УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Они проходили весной 1976 г. в столице Удмуртии – Ижевске. Их название «XXV съезд КПСС и актуальные проблемы социального развития советского общества» и отражало тогдашнюю ситуацию идеологического контроля над общественными науками (в том числе и над социологией), и давало возможность наполнить содержание чтений самой разнообразной социологической проблематикой. Достаточно сказать, что по материалам пленарного заседания и работы 7 секций было опубликовано более 90 тезисов и сообщений. Уже в первых социологических чтениях отразилась довольно широкая география региона: Свердловск – 38, Ижевск – 25, Уфа – 6, Пермь – 5, Челябинск – 4, Н. Тагил – 3, Курган – 2, Оренбург – 1, Глазов – 1, Тюмень – 1. Характерно и представительство социологов из городов за пределами Урала – Ташкент (3), Рига (2), Горький (1). Какие же идеи и положения, высказанные в ходе обсуждений, давали пищу для размышлений в то время и интересны сегодня?

Одна из магистральных идей тогдашней социальной теории и практики – *идея социального планирования*. Не случайно эта тема нашла отражение в одном из пленарных докладов. При этом высказывались весьма оригинальные подходы к социальному планированию: «Социальное планирование – это важнейшее средство регулирования общественных отношений и определяемых ими социальных процессов. К числу регулируемых социальным планированием можно отнести отношения производственные, социально-классовые, политические, расселенческие, национальные, семейно-бытовые, идеологические. Но в состоянии ли мы *непосредственно* планировать общественные отношения и социальные процессы? На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Мы можем регулировать многие из этих отношений и процессов лишь *косвенным* путем, создавая определенные условия, при которых они развивались бы в направлении, желательном для общества» (Н. А. Аитов)².

Мысль о косвенном воздействии на условия, только при наличии которых могут быть получены желаемые результаты, весьма актуальна и сегодня. Более того, такой подход и сегодня с огромным трудом пробивает себе дорогу в социальную практику через привычные стереотипы мышления и поведения, в соответствии с которыми главное – определить непосредственные цели и задачи.

Общие проблемы социального планирования конкретизировались в ряде выступлений на секции. В частности, А. П. Кирсанов отмечал: «категории

¹ Молодежь - будущее России / Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. Екатеринбург. Ч. 1. 1996. С. 3.

² XXV съезд КПСС и актуальные проблемы социального развития советского общества. Ижевск, 1976. С. 17.

«комплексное планирование» и «социальное планирование» не всегда совпадают, они имеют самостоятельное значение. До недавнего времени планирование социального развития коллективов было нередко оторвано от экономического планирования. Но планирование экономики – ключ к управлению развитием социальных отношений. Все социальные мероприятия должны быть обоснованы экономически, иначе неизбежен волонтаризм, прожектерство»¹.

С точки зрения социального планирования рассматривался процесс *стабилизации трудовых коллективов*: «В каком же отношении находится оптимальное функционирование производственного коллектива и его стабильность? Какое воздействие на различные стороны его жизни оказывает текучесть кадров?». Поставив эти вопросы, **А. М. Розенберг** подчеркнул, что «неорганизованное движение кадров обычно приводит к нарушению внутренних связей в производственном коллективе, отрицательно сказывается на его сплоченности, резко снижает эффективность производства. Чем менее устойчив состав производственного коллектива, тем в большей мере проявляют себя отрицательные последствия текучести кадров во всех областях его жизнедеятельности». «В настоящее время на долю неорганизованного внепланового перемещения работников в структуре движения кадров в народном хозяйстве страны приходится до 80%», «Проведенное нами в 1967-1976 гг. комплексное социологическое исследование причин текучести кадров на 15 промышленных предприятиях Ижевска, анализ процесса социальной адаптации работников в производственных коллективах, – продолжил он, – убедительно показали, что в этой проблеме как бы фиксируется все многообразие сторон, связей и отношений, характеризующих социальную жизнь коллектива. Высокая текучесть кадров, недостаточная стабильность производственных коллективов связаны с различными сторонами условий труда и быта работников, отражают неуклонно растущие требования рабочих к условиям и, особенно, к содержанию труда»².

Проблемы культуры, духовной жизни, социологии личности занимали одно из ведущих мест в истории чтений. Один из пленарных докладов был посвящен *всестороннему развитию личности*. Но, если формулировка вполне совпадала с официальной пропагандистской установкой, то понимание, интерпретация всесторонности докладчиком (**Л. Н. Коганом**) предлагались нестандартные. «Краеугольный камень всестороннего развития – выполнение общественных функций как свободная самодеятельность личности, как самоцель, как творческое раскрытие сущностных сил индивида. В таком смысле мы и говорим о всестороннем развитии человека как развитии всех его сил и способностей – интеллектуальных, физических, моральных, эстетических». «Подчас в обыденном обиходе (а иногда и в научной литературе) всесторонность, – отмечал Коган, – понимается именно как бесконечное умножение видов занятий. Но всесторонность предполагает лишь участие человека в основных, всеобщих видах деятельности – труде, познании, общении, общественно-политической, ху-

¹ XXV съезд КПСС и актуальные проблемы социального развития советского общества. Ижевск, 1976. С. 104-105.

² Там же. С. 121-124.

дожественной, культурно-спортивной жизни. При этом личность отнюдь не старается охватить всю совокупность входящих в данную деятельность занятий и ее конкретных видов. Выбор круга знаний, специфического для каждой личности, и составляет ее индивидуальность, ее неповторимое «Я»¹. Существенно отличалось от традиционного понимания *культуры* (как совокупности ценностей) развиваемое в докладе Когана ее понимание: «Культура – не единственное условие всестороннего развития личности. Однако среди них она, бесспорно, занимает особое место. Являясь «сквозной» общественной системой, культура связана со всеми общественными подсистемами... Культуру в самом широком плане можно рассматривать как степень раскрытия сущностных сил человека во всех сферах его деятельности. Этим самым она характеризует способ человеческой деятельности, меру его свободы»; «культура – одновременно результат и средство развития личности»; «творческая деятельность по созданию тех или иных ценностей культуры – обязательный и важный показатель всестороннего развития личности»².

Такой концептуально новый и весьма плодотворный подход к анализу *явлений культуры* реализовался и при рассмотрении более конкретных, частных ее проявлений. Один из аспектов отношения к культуре выделил **В. И. Волков**: «Возможен ли оптимальный набор видов культурной деятельности применительно к *искусству*, который следует принять в качестве эталона? Ответ на этот вопрос не прост, и он еще не дан наукой. Ясно, что существует определенный минимум знаний, информированности в сфере культуры, необходимый уровень понимания языка различных видов искусств, который должен быть освоен гражданином». В выступлении Волкова была подчеркнута важная мысль: «Отношение к искусству, конечно, не исчерпывается только знанием. Многообразие индивидуальных, личностных склонностей человека проявляется, в частности, и в том, что у него могут быть свои любимые, наиболее близкие ему виды искусства, жанры, заторы и иные предпочтения, вызванные индивидуальными причинами – особенностями жизненного опыта, склада характера и т.д.». Ставится и вопрос о *массовой культуре*, о ее социологическом изучении: «Сложным представляется вопрос о тенденциях в изменении художественных ориентаций массовой аудитории искусства. Исследования показывают, что сегодня и установки, и отношение, и характер восприятия многих видов искусства формируются под огромным влиянием кинематографической и телевизионной культуры»³.

Интересный аспект анализа культурных процессов был связан с изучением *зависимости рождаемости от культурного уровня семей*. «На наш взгляд, – обосновывал эту идею **А. А. Петраков**, – решающей причиной того, что обследования влияния материальных факторов социальной микросреды на рождаемость не дали однозначных результатов, является отсутствие учета их взаимо-

¹ XXV съезд КПСС и актуальные проблемы социального развития советского общества. Ижевск, 1976. С. 23-24.

² Там же. С. 26-28.

³ Там же. С. 268-269.

связи с культурными факторами. Они проводились в среде супругов разных поколений, уровня образования, различных рабочих квалификаций; носили в общем-то одномоментный характер, в то время как требовалось долгосрочное наблюдение за воздействием разных моментов на продуктивность брачных пар. Одно из подобных изысканий было организовано нами в *Стерлитамаке*. Группа постоянно инструктируемых интервьюеров на протяжении 5 лет (1968-1972 гг.) наблюдала за влиянием материальных и культурных факторов на генеративное поведение 560 брачных пар»¹.

Получила отражение в материалах первых чтений и одна из пионерных – для того времени – тем социологического и политологического характера – «политическая культура». «Политическая культура, – отмечал **В. Т. Шапко**, – выступает как сложное синтетическое явление, характеризующее качественную сторону социально-политических процессов. Ее сущность – в познании и научном управлении социально-политическими отношениями с целью всестороннего развития общества и личности. Наиболее концентрированным выражением политической культуры личности является ее общественно-политическая деятельность, политическая активность»².

В рамках анализа духовной жизни **Л. П. Мальцевой** была высказана интересная идея о художественном прогнозировании: «Искусство уникально в том смысле, что его познавательный подход к будущему сочетается с аксиологическим и переплетается с ним. Эстетическое представление будущего требует его художественного прогнозирования. Искусство, познавая мир, позволяет человеку дополнить собственный опыт опытом многих, открывает возможность предвидеть будущее»³.

Большое внимание на первых чтениях было уделено *социальным проблемам развития производственных коллективов, различным аспектам его производственной и внепроизводственной деятельности, их взаимосвязи*: «Фактором, влияющим на воспитательный потенциал коллектива, является укрепление его демократических основ, а именно, привлечение каждого члена коллектива – в той или иной форме и степени – к управлению производством, всеми другими социальными процессами, совершенствование всей системы управленческих отношений. Воспитательная значимость этих сторон жизнедеятельности производственного коллектива определяется тем, что развитие и укрепление демократических основ коллектива, как основной ячейки нашего общества, существенным образом влияет на формирование советского образа жизни». «Данные конкретно-социологических исследований, – развивал этот подход **Ю. К. Еремин**, – говорят о том, что на ведущих промышленных предприятиях *Ижевска* немало делается для укрепления и расширения производственной демократии, для повышения производственной и общественно-политической активности членов коллектива... В то же время в некоторых коллективах этим вопросам не придается должного значения. Особенно настораживает медленное приобщение молодых рабочих к общественной жизни трудовых коллективов. Анкетирова-

¹ XXV съезд КПСС и актуальные проблемы социального развития советского общества. Ижевск, 1976. С. 280.

² Там же. С.291, 292.

³ Там же. С.229.

ние молодых рабочих, проработавших на заводе 4-5 месяцев после окончания средней школы или ПТУ, показало: абсолютное большинство их еще не приобщились к общественной работе, не принимает участия в управлении производством в какой-либо форме»¹.

В выступлении **Б. Ю. Берзина** отмечалось: исследования, проведенные на ряде крупных уральских предприятий, показали, что особо важное значение в организации культурно-массовой работы в производственных коллективах имеет *уровень развития коллектива*, мера его авторитетности для личности: «В коллективах с высокой трудовой активностью более высокая степень контактности между людьми – около 75% членов этих бригад встречаются после работы. Причем каждый четвертый вместе со своими товарищами бывает в кино или театре»².

Производственный коллектив рассматривался и в таком нетрадиционном аспекте как *фактор формирования деловитости*. «Испытанным средством воспитания деловитости является хозрасчет. Оперативно-хозяйственная самостоятельность производственного коллектива – необходимое условие хозяйствования, без нее нет ни чувства хозяина, ни достаточной инициативы и предприимчивости. Преимущества хозрасчета особенно видны при сравнении результатов работы предприятий, перешедших на хозрасчет, и тех, которые его не внедрили. Принцип материальной заинтересованности ведет к поиску возможностей постоянно изыскивать все новые резервы производства. Забота об экономии материальных средств приучает людей к экономическим расчетам, ведет к глубокому знакомству с хозяйством предприятия» (**В. А. Зайков, Л. А. Старцев**)³.

С другой стороны, в выступлении **Ю. П. Петрова** рассматривались *этические аспекты межличностных отношений в производственном коллективе*: «Межличностные отношения выступают одной из форм повседневного поведения членов коллектива и одновременно показателем характера его общественного мнения и уровня нравственной культуры. Нравственную культуру оценивают иногда поверхностно – по умению следовать этикету, оставляя в тени главное: глубинный пласт отношений по линии «личность – общество». Есть и другая крайность – признание грубости, бестактности в деловых отношениях признаком деловитости»⁴.

Предметом социологического анализа в выступлении **Б. А. Родионова** явились *коммуникации в производственном коллективе*: «Немаловажное значение для формирования коллективистских отношений имеет развитие общения, основанного на личных дружеских узах. Хотя эта форма является во многом производной от общения, основанного на производственных связях, однако она имеет определенную самостоятельность. К тому же, дружеское общение может основываться не только на совместном труде, но и на соседских отношениях,

¹ XXV съезд КПСС и актуальные проблемы социального развития советского общества. Ижевск, 1976. С.65.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 67.

⁴ Там же. С. 78.

общности интересов в сфере свободного времени и т.д.»¹.

В начале 1970-х гг. одна из самых обсуждаемых в обществоведческой (в том числе и в социологической) литературе тем – *образ жизни*. На первых чтениях обсуждение данной проблемы проводилось на самостоятельной секции. Обсуждение проходило как на уровне теоретического анализа (в частности, по поводу уточнения и конкретизации понятийного аппарата), так и на уровне эмпирических исследований.

В выступлении **Ф. С. Файзуллина** рассматривались *особенности городского образа жизни*, который определялся как «функция всей системы города», его «нельзя рассматривать лишь как производную от отдельных элементов города». Акцентировалась сложность городской среды жизнедеятельности, в ней выделялись: «комплекс естественно-природных условий»; «определенным образом организованные материально-технические условия жизнедеятельности»; «социальная среда в более узком значении – само население во всем количественном и качественном богатстве». Сельский и городской образ жизни «кристаллизировались на основе различных видов трудовой деятельности, на основе складывавшихся социально-экономических отношений». «В эмпирической интерпретации городской образ жизни выступает в качестве типичной трудовой общественно-политической, семейно-бытовой и культурно-образовательной деятельности горожан»².

Социологи отмечали, что можно говорить о серьезных успехах в исследованиях образа жизни. Вместе с тем выявился и ряд проблем, трудностей в дальнейшем изучении и анализе всего спектра образа жизни. Прежде всего, это задача перехода от уровня теоретического, методологического к операциональной характеристике социалистического образа жизни, без чего невозможны его изучение на уровне социальных групп и слоев, анализ образа жизни личности. С обоснованием такого подхода выступил на чтениях **Г. Е. Зборовский**: «Сегодня очевидно, что научный анализ социалистического образа жизни нельзя ограничить и сводить лишь к выявлению общих моментов, характерных черт. Его исследование должно быть конкретизировано в соответствии с определенной типологией, которая могла бы стать методологическим обоснованием для конкретных исследований». «Представляется, – отмечалось в его выступлении, – что при изучении образа жизни той или иной конкретной социальной группы условия, включаемые в его характеристику, должны быть определенным образом ограничены и сведены к непосредственным реальным предпосылкам формирования способа жизнедеятельности». Подчеркивалась этапность исследования образа жизни: «Для понимания специфики образа жизни условия играют отправную роль. Из них нужно исходить в исследовании. Следующий этап – определение ценностных ориентаций группы (личности) «... центральным звеном в исследовании образа жизни социальной группы (личности) является характеристика реальной, повседневной деятельности в основных сферах жизни. Анализ должен проводиться под углом зрения того, насколько деятельность

¹ Там же. С. 85.

² XXV съезд КПСС и актуальные проблемы социального развития советского общества. Ижевск, 1976. С.174-176.

этих субъектов отвечает коренным потребностям общества»¹.

Образ жизни личности, группы определяется содержанием и направленностью их трудовой деятельности. В этой связи представляют интерес исследования *образа жизни конкретных социально-профессиональных групп*, в частности, *учительства*. Об опыте таких исследований сообщили **С. Н. Айрапетова** и **В. Н. Кучкина**: «Говоря о педагогическом труде, обычно подчеркивают его сложность и многогранность. Эти факторы, безусловно, имеют объективные основания и проявляются в неисчерпаемом многообразии конкретных педагогических ситуаций. Временные рамки трудовой деятельности учителя не нормированы, не имеют жестких границ. Поэтому рабочее время в течение суток обычно бывает раздробленным, перемежается с элементами внерабочего. Как неотъемлемая черта учительского образа жизни выступает перегруженность различными обязанностями». «Более высокое качество работы учителя пока не стимулируется материально. Не исключено, что в силу этого обстоятельства школа теряет немало хороших педагогов, которые уходят в другие сферы народного хозяйства. Причем выявлена тенденция спада интереса к своей профессии у людей, проработавших в школе более 10 лет, имеющих высшее образование и достигших высокого профессионального мастерства». «Социологические исследования показывают: 70% опрошенных считают низким престиж учителя в обществе, хотя в большинстве они признают педагогическую работу творческой, позволяющей расширить кругозор. Только 35% учителей заявили, что вновь избрали бы эту профессию, лишь 13% пожелали видеть своих детей в роли педагога». «Трудно переоценить роль для учителя свободного времени. Между тем, как показывают данные исследования, величина свободного времени учителя невелика. Однако его роль определяется не только объемом, но и характером использования. В целом структура его отличается разнообразием, свидетельствует о сравнительно широких интересах учителей и определяется их профессиональной деятельностью»².

Другая группа, ставшая объектом изучения уральских социологов с точки зрения образа жизни, – *студенчество*. Наиболее перспективными в изучении студенческого образа жизни были комплексные исследования, охватившие разные стороны жизнедеятельности студентов. Интересен в этом плане материал, полученный в результате многолетних исследований проблем студенческой молодежи в вузах *Свердловска*, и материал *проекта «Высшая школа»*, осуществленного в 1973-1974 гг. под руководством *Института социологических исследований АН СССР* в ряде вузовских центров страны. Об их результатах рассказала активный участник исследовательской группы **Л. Я. Рубина**: «Наиболее удачным для исследования студенческого образа жизни является выявление типических, характерных особенностей отношения субъекта к отдельным видам деятельности – типология через ценностные ориентации. Типология важна потому, что, исследуя личность студента, формы его повседневного поведения, изменения, происходящие в студентах на разных этапах между

¹ Там же. С 214-215.

² XXV съезд КПСС и актуальные проблемы социального развития советского общества. Ижевск, 1976. С. 227-228.

«входом» и «выходом» из вуза, мы не можем этим ограничиться. Способы жизневыражения отдельной личности, слепок с ее жизни не позволяют непосредственно сравнивать ее с жизнью другого человека, судить об образе жизни студенчества в целом. Для сравнения с образом жизни – реальным или идеалом – всегда требуется редукция, обобщение, типизация. Поэтому уже в самом выборе системы показателей для этого исследования и описания каждого вида деятельности, для сравнения разных вариантов единого образа жизни или разных этапов его формирования, должна быть учтена необходимость выявления с их помощью наиболее устойчивых элементов сознания и деятельности студентов. Самая большая сложность – в репрезентативности этих показателей для каждого вида и деятельности в целом»¹.

Большинство авторов рассматривали образ жизни в связи с понятием *жизнедеятельности*. Образ жизни характеризовался как тип, способ, состояние жизнедеятельности населения. Однако ограниченность такого подхода состояла в недостаточном внимании к субъекту образа жизни. И поэтому столь важен был акцент в ряде выступлений на *структуру образа жизни, его субъективную сторону*. «Образ жизни, – отмечала **А. Ф. Шарова**, – может быть рассмотрен в виде системы, состоящей из трех элементов, субъект – его деятельность – личностная среда. Все они в совокупности характеризуют тип жизнедеятельности личности, группы, класса, что и составляет содержание понятия «образ жизни». В ее выступлении обращалось внимание, что личностно-предметная среда как атрибут образа жизни представляет собой непосредственные условия его функционирования, что «образ жизни как определенная жизнедеятельность социального субъекта является одновременно функцией этого субъекта, порождением социально-экономических условий, конкретной социальной средой функционирования субъекта». По мнению Шаровой, «безусловно, невозможно в жестких цифровых показателях спланировать развитие потребностей и различных видов деятельности человека, т.е. основные компоненты образа жизни. Но социально-экономические и материально-бытовые условия – важнейшая предпосылка образа жизни. Они могут быть подвергнуты непосредственному плановому регулированию. Спланировав определенным путем уровень жизни, мы тем самым в какой-то степени программируем и систему образа жизни. Однако на развитие последнего существенное влияние оказывают изменения в уровне образования, совершенствование потребностей, т.е. факторы, не имеющие материально-вещного выражения и развития. Следовательно, прогнозирование образа жизни имеет вероятностный характер и не всегда может выражаться в точных цифровых показателях»².

Конечно, выбрать из объемной публикации (более 300 страниц) что-то наиболее значимое, важное – задача исходно очень сложная, во многом дело субъективное. За рамками нашего обзора остались многие интереснейшие и сегодня актуальные идеи и факты. Приведем в заключение данные сравнительных исследований в 1970-1975 гг. *на Северском трубном заводе (А. В. Гриба-*

¹ XXV съезд КПСС и актуальные проблемы социального развития советского общества. Ижевск, 1976. С. 242-243.

² Там же. С. 247-248.

кин, Г.П. Орлов): за 5 лет уменьшилась доля общественно регулируемых занятий и возросла доля самостоятельно организуемых видов деятельности; в 1975 г. 25% свободного времени работников расходовалось на просмотр телепередач, 10% на пассивный отдых, 7% – на посещение кинотеатра, 9% - на прогулки по городу, 17% - на чтение газет, журналов, художественной литературы. Вот данные изучения (**В. И. Волков**) *культурных занятий жителей Н. Тагила* (20% ни разу не были в местном художественном музее, 21% – посетили его за 5 лет один раз) и Свердловска (только 10% рабочих выразили желание побывать на симфоническом концерте, за посещение эстрадного концерта высказалось более 50%; интерес к скульптуре как виду искусства проявили 3%, к архитектуре – 1%). Но нельзя «объять необъятное», если ты к этому и очень стремишься!

II УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Чтения состоялись 12 октября 1977 года в Свердловске и проходили – как было принято в те годы – в Доме политического просвещения. В ходе пленарного заседания и в процессе работы 9 секций было заслушано и обсуждено более 100 докладов и сообщений.

Традиционно одной из ведущих стала *секция социальной структуры советского общества*. Парадигма тогдашнего анализа социальной структуры – нарастание социальной однородности – реализовалась в концепции появления нового промежуточного (пограничного) слоя – *«рабочих-интеллигентов»*. Характеризуя этот процесс на основе социологических исследований, **Ф. С. Файзуллин** отмечал, что «этот слой, в производительной деятельности которого органически сочетается квалифицированный физический труд с квалифицированным умственным трудом», уже составляет в социально-классовой структуре советского города около 3,5% занятого населения. Была выражена уверенность, что этот слой «будет расти в дальнейшем еще более быстрыми темпами под влиянием современной НТР»¹.

По мнению **Я. П. Ладыжинского**, «к рабочим-интеллигентам, рабочим нового типа относится часть высококвалифицированных рабочих, занятых многофункциональными, широкими по своему профилю видами труда, в которых весьма значительны или преобладают функции умственной деятельности... Уже сегодня таких рабочих-интеллигентов (летчики, диспетчеры авиаотрядов, операторы прокатных станков, наладчики сложных приборов и систем, и многие другие представители новых рабочих профессий) у нас немало: от 5-7 до 10-12% к общей численности рабочих кадров»².

Ю. И. Дерябин обратил внимание на другой аспект проблемы: «Увеличение целеполагающей деятельности в труде, *рационализаторская и изобретательская деятельность* в свободное время значительно повышают интерес к знаниям, активизируют общественную деятельность рабочих. Так, около 30%

¹ Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С. 6.

² Там же. С. 12-13.

рабочих нового исторического типа труда повышают свою квалификацию в техникумах и вузах, а также регулярно занимаются общественной работой»¹.

В рамках анализа социальной структуры советского общества на первый план выходили исследования различных аспектов жизнедеятельности рабочего класса – *типы и факторы социального продвижения рабочего на социалистическом предприятии*: «В качестве самой общей теоретической посылки, – отмечал

В. В. Прокин, – было выдвинуто предположение о том, что продвижение рабочих внутри предприятия существенно дифференцируется по степени своей полноты или по количеству параметров продвижения. Вторым предположением было наличие существенной вариации в степени согласованности фактов продвижения при заданном количестве его параметров. Здесь были выделены группы согласованного и несогласованного продвижения. В качестве третьего предположения было принято, что согласованность параметров продвижения рабочего на предприятии имеет как внутреннюю, так и внешнюю природу. Внутренняя согласованность характеризует продвижение рабочего содержательно (здесь рассматривается взаимосвязь различных параметров образования и квалификации, содержания труда и содержания быта). Внешняя – характеризует продвижение рабочего со стороны его социальной формы»².

Специально изучалась *роль вечернего и заочного обучения в вузах и техникумах в социальных перемещениях рабочих*. По данным **П. М. Каталова**, «в Челябинской области за 25 лет (1950-1975 гг.) количество учащихся вечерних (сменных) школ выросло в 4,2 раза, студентов-заочников и вечерников – в 7 раз, учащихся вечерних и заочных отделений техникумов – в 10,7 раз. Система обучения без отрыва от производства в высших и средних специальных учебных заведениях играет большую роль в социальном росте рабочего класса, его сближении с интеллигенцией. Окончание техникума, а тем более института, в большинстве случаев вызывает повышение квалификации, смену профессии, социальное перемещение и продвижение. У рабочих, обучающихся в вузах и техникумах, на первом месте стоит стремление перейти в состав инженерно-технической интеллигенции. Исследования показывают: среди зачисленных на 1-й курс рабочие составляют 70-80%, к моменту окончания вуза доля ИТР уже составляет среди вечерников – 83%, среди заочников – 96%. Следовательно, подавляющая часть рабочих, обучающихся без отрыва от производства, переходит в состав ИТР. Наши исследования подтверждают и тот факт, что окончившие без отрыва от производства вузы или техникумы быстрее продвигаются по «служебной лестнице». Молодой специалист, пришедший на предприятие из дневного вуза, во многих вопросах уступает специалисту-производственнику»³.

Особое внимание уделяли социологи изучению *роли кадровых рабочих* в жизнедеятельности трудовых коллективов. По оценке **Ю. П. Петрова**, «выделение в типологии рабочего класса отряда кадровых рабочих выходит за рамки

¹ Там же. С.63.

² Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С. 7.

³ Там же. С.19-20.

узких методик социолога-практика. Именно кадровые рабочие обеспечивают ту стабильность, которая одновременно выступает показателем развития всего трудового коллектива. В типологии рабочих социологи часто выделяют показатели квалификации (низкая, средняя, высокая), образования, стажа, тот или иной блок профессиональной структуры (содержания труда). Выделение отряда кадровых рабочих носит интегративный характер, ибо вбирает в себя в комплексе и уровень квалификации, и образование, и стаж, и показатель политической зрелости. Операциональный индикатор «кадровый» выделить нелегко. Одним из наиболее интегративных индикаторов является качество *наставника*. Выделив в исследовании группу наставников, мы увидели, что в ней – по сравнению с остальными трудящимися – социальные и нравственные качества развиты значительно ярче. Так, положительные внутренние мотивы повышения квалификации называли в качестве преобладающих 90% наставников и 62% остальных; в подаче предложений по совершенствованию организации труда наставники активнее остальных – на 17%, в подаче рацпредложений – на 15%»¹.

Типична и характерна для тогдашних подходов оценка интеллигенции как элемента социальной структуры советского общества: «Интеллигенция, – отмечено в тезисах **С. П. Стадухина**, – общественная прослойка людей, профессионально творческого высококвалифицированного умственного труда, не представляющая исторически конкретного способа производства и духовно обслуживающая социально-классовые отношения с позиций класса, интересы которого она выражает». Соответственно, автором выделялись «признаки, присущие интеллигенции любой классовой формации»:

1. Главный из них – занятость интеллигенции *умственным трудом*. Умственный труд интеллигенции – высококвалифицированный, требующий для своего функционирования высшего или среднего специального образования.
2. Высококвалифицированной умственной деятельностью данная группа занята *профессионально*.
3. Профессиональный умственный труд – преимущественно *творческий*.
4. Интеллигенция *не представляет конкретного способа производства*.
5. Она занимает своеобразное место в социальной структуре общества – в виде *особой прослойки*.
6. Положение интеллигенции как прослойки предполагает ее *связь с классами*.
7. Критериями ее выделения является оказываемая обществу особая услуга, у интеллигенции любой классовой системы это – *духовные ценности*»².

С возрастанием роли *высшего образования* в формировании интеллигенции связан интерес социологов к проблемам его совершенствования и к *студенчеству* как группе, из которой «вырастает» интеллигенция, особенно – к *социальному составу студенчества*. Интересны в данном отношении материалы исследований, представленные в выступлении **Л. Я. Рубиной**: «В свердловских вузах, начиная с 1969 г., ежегодно проводились панельные опросы первых и

¹ Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С.29-30.

² Там же. С. 31-32.

выпускных курсов. Социальный состав вузовской молодежи рассматривался по ряду показателей: в зависимости от социального положения родителей, их профессионально - квалификационного и образовательного уровня; в зависимости от собственных довузовских путей (трудового стажа, типа полученного среднего образования, семейного статуса, материального положения и т.д.)». «Материалы исследования свидетельствуют о таких изменениях в составе студенчества, которые отражают общую тенденцию движения нашего общества в сторону социальной однородности и приводят к увеличению доли рабочих и детей рабочих в вузовском контингенте (в наборе 1975 г. она составляла 49% в сравнении с 43% в 1969 г.)». «Особую проблему формирования студенчества составляет участие в этом процессе городского и сельского населения. По нашим данным, общая численность выходцев из села среди поступивших в вуз за последние годы существенно не изменилась, а по ряду вузов сократилась. В 1969 г. их удельный вес составлял 16,5%, в 1971-1973 гг. он увеличился до 17,5%, а в 1975-1976 гг. снова уменьшился до 15%. Можно объяснить эти показатели влиянием общего процесса урбанизации в стране. В ориентациях сельских школьников на вуз, несомненно, отражаются и осознаваемые ими трудности адаптации к условиям городского образа жизни. По-разному влияют на их жизненные планы социальные перспективы выбираемой профессии. Для одних окончание вуза может означать возвращение в село уже в качестве специалиста, для других – это социальное перемещение не только в интеллигенцию, но и в городское население. В социологическом анализе оба эти аспекта необходимо учитывать»¹.

Широкий интерес обществоведов, в том числе и социологов, привлекали в 1970-е гг. проблемы и различные аспекты *социалистического образа жизни*: «Образ жизни, – обосновывал **Ф. Н. Рекунов**, – можно определить, как исторически обусловленную и реализуемую в деятельности форму отношения субъекта к окружающей его социальной и природной среде и к самому себе как объекту. Созданная человеком искусственная среда представляет собой реализованную в вещах, процессах, отношениях связь субъекта с объектом, связь свойств, законов, сил природы со свойствами и силами человека, общества. В деятельности приобретают реальность социальные отношения. Совокупность вещей, предметов, отношений и связей, служащих удовлетворению потребностей и интересов человека, составляют подвижную функциональную систему – систему ценностей. Связь субъекта с объектом выступает как отношение субъекта (человека, социальной группы, общества) к ценностям культуры, в том числе и к человеку. Образ жизни, поскольку он опирается на отношение как основной элемент его содержания, необходимо включает отношение субъекта к ценностям культуры. К культуре относятся не только те результаты человеческой деятельности, которые имеют предметную, вещную форму, но и общественные отношения и духовные ценности. Важнейшие ценности культуры представляют собой социально значимые результаты человеческой деятельности. Поэтому и

¹ Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С. 24-25.

образ жизни есть отношение к социально значимым ценностям культуры. Таким образом, для правильного понимания категории «образ жизни» необходимо исходить не только из понятий «жизнедеятельность», «поведение», но также учитывать культуру, ее ценности, ценностное отношение. Итак, образ жизни можно определить, как специфическую форму функционирования и развитая общества, объективным содержанием которой является деятельность, направленная ценностным отношением субъекта к миру, к социально значимым явлениям культуры»¹.

Один из аспектов анализа проблематики образа жизни – *исследование его доминант*. **А. Г. Пырин**, включаясь в дискуссию, отмечал: «Современный уровень познания и практики доказывает, что детерминантами образа жизни могут быть не только социальные факторы, но и *природные*, вплоть до космических процессов. Всякий этап взаимодействия общества с природой характеризует образ жизни конкретного общества, так как в данном взаимодействии главная, решающая творческая роль принадлежит воздействию общества на природные процессы. Как природная среда должна соответствовать жизнедеятельности людей, так и их образ жизни должен адаптивно соответствовать условиям природной среды. И нужно организовать такое взаимодействие природы и общества, которое оптимально соответствовало бы здоровому образу жизни»².

Исследования образа жизни осуществлялись и на более конкретном уровне, затрагивая те или иные социальные группы. *Особенностям образа жизни учителей* было посвящено выступление **В. Н. Кучкиной**. Отмечая «лейтмотивную, доминирующую роль трудовой деятельности в системе образа жизни учителя», она указала, что «важным фактором в профессиональной деятельности учителя является степень подготовки к ней. Этот фактор определяет не только социальную полезность учителя, но и его личную приспособленность к работе. Хотя в целом образовательно-квалификационный уровень учителей является высоким, в силу объективных условий (быстрое обновление знаний, изменение содержания образования, вызванное НТР и социальным прогрессом, рост потока информации и т.д.) для профессии учителя особый смысл приобретает понятие «повышение квалификации». Оно осуществляется в разных формах: по данным нашего исследования, проведенного в Свердловской области в 1976 г., 45% опрошенных учителей учились в вузах, 1% – в средних профессиональных учебных заведениях, 30% – в системе политехпросвещения, 4% – в народных университетах. Характерны мотивы продолжения образования. Около половины опрошенных считает, что выполняемая ими работа требует более высокого образования – по сравнению с имеющимся; 17% – учатся, чтобы не отстать от коллег; 9% – чтобы упрочить свое материальное положение. Однако около 1/5 учителей не была охвачена никакими формами повышения квалификации. Время, затраченное в целом на повышение квалификации, выделяемое в рамках свободного времени, пока еще незначительно (в среднем в течение недели – 73 мин.). Недостаток времени на самообразование вызван тем, что учи-

¹ Там же. С. 48-50.

² Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С. 47-48.

теля являются единственной категорией трудящихся, у которой за последние десятилетия общая продолжительность рабочей недели не уменьшилась, а возросла: в 1966-1968 гг. – 57,9 часа, в 1974 г. – на 5 часов больше»¹.

На вторых Чтениях была выделена секция, посвященная анализу *социальных проблем трудового коллектива*. Характерен перечень этих проблем: соцсоревнование и развитие способностей работников к труду (**Д. В. Нестерова**)², создание стабильных трудовых коллективов (**Я. Е. Стуль, Е. В. Миронов, Т. Г. Шестакова, В. К. Шрейбер**)³, мотивы участия в соцсоревновании, условия труда и культура производства, коллективные формы организации труда как фактор оптимизации социально-психологического климата производственного коллектива (**Т. Д. Ишутина**)⁴, социальная активность ИТР (**Е. П. Стародубцева, С. П. Тихонова**), мастер, его деловые и личностные качества (**Ю. А. Барклянский, О. Л. Березин**).

Рассмотрим некоторые из поднятых выступающими вопросов. Один из них – какова *мотивация участников соцсоревнования*? Материалы исследования

И. В. Сапожниковой показали, что преобладающими являются социально-психологические мотивы: стремление не подвести коллектив (46%), не отстать от других (42%), подтянуть отстающих (20%), обстановка трудового соперничества (10%). Менее значимы личностные мотивы: стремление укрепить свой авторитет (18%), превзойти в труде своих товарищей (19%), сравнить свои возможности с возможностями других⁵.

Представляет интерес и изучение *культуры производства*. Она понималась не столько как внешняя характеристика производства, но как качественная характеристика организации производственной деятельности. По данным анкетного *опроса рабочих и ИТР на 27 предприятиях Свердловской области в конце 1974 г.*, приведенным в сообщении **Р. М. Сырневой**, «рабочие заинтересованы в повышении технического уровня производства. Они считают, что за счет внедрения новой техники и совершенствования технологии (29%), реконструкции и модернизации (23%) можно повысить качество продукции. Вместе с ИТР они участвуют в модернизации производства (6% рабочих участвовали во внедрении плановых оргтехмероприятий). В результате реконструкции, отмечают рабочие, труд стал привлекательнее (11%), оздоровились условия труда (10%). Большое влияние на условия труда оказывает его организация. Основными причинами потерь рабочего времени рабочие считают несвоевременное обеспечение сырьем, материалами, заготовками (46%), волокиту при получении инструмента (11%), нечеткую, неоперативную выдачу заданий (6%)»⁶.

¹ Там же. С. 40-42.

² Там же. С. 54-56.

³ Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С. 56-59.

⁴ Там же. С. 68-71.

⁵ Там же. С. 60.

⁶ Там же. С. 64-65.

Предметом исследований становились не только *различные аспекты производственной деятельности*, но и ее разные субъекты – мастера, ИТР. В выступлении **Ю. А. Барклянского** и **О. Л. Березиной** обобщались результаты шести исследований, проведенных на *Норильском комбинате в 1971-1975 гг.*, в ходе которых были опрошены мастера основных служб и подразделений. Исследователи интересовались: обладают ли мастера такими качествами, как умение наладить и поддерживать трудовую дисциплину, добиваться от подчиненных своевременного и качественного выполнения заданий, умеют ли работать на перспективу? Причем, деловые качества оценивались как руководителями, так и рабочими. Максимально высоко руководители оценили такие качества мастеров: преданность интересам производства (83%), умение наладить и поддерживать трудовую дисциплину (79%), умение добиваться от подчиненных своевременного и качественного выполнения задания (69%). Несколько отличаются оценки деловых качеств мастеров рабочими. На первое место они ставят умение поддерживать трудовую дисциплину. У руководителей это качество занимало 5-6-е место. Это объясняется тем, что рабочий на себе ощущает, как мастер организует работу коллектива. 73% рабочих считает, что у мастеров можно получить деловые ответы по работе. Помимо деловых качеств в исследованиях оценивались личностные качества мастеров: умение ладить с людьми (77% рабочих считают, что мастера умеют это делать); справедливость, вежливость, тактичность в обращении. Это чуть ниже, чем по оценке руководителей, но, возможно, в данном случае оценка рабочих более объективна¹.

Социальная активность ИТР исследовалась не только как особая характеристика, но и в связи с изменением содержания и характера труда. Социологические исследования на промышленных предприятиях Урала подтвердили сложную структуру такой социальной активности: взаимосвязь различных ее форм и видов – рост творческой активности инженерного мышления, рационализация и изобретательство, организационно-управленческое новаторство, участие ИТР в различных общественных организациях и массовых творческих объединениях, разностороннее творческое содружество ИТР и рабочих. Социальная активность требует участия ИТР в различных сферах познавательной, профессиональной, научно-творческой, общественно-политической деятельности. Планирование и координация социальной активности ИТР имеют особое значение и должны включаться в планы социального развития коллектива промышленного предприятия, учитывать изменения содержания и характера труда ИТР².

Важнейший аспект социологического анализа производственного коллектива того времени – *социальное управление на уровне коллектива* и его формы «Наиболее массовой, прямой демократической формой участия трудящихся в управленческих процессах, – отмечала **Н. С. Вельская**, – являются рабочие, профсоюзные собрания. Они позволяют регулярно и оперативно обсуждать насущные вопросы производственной и общественно-политической жизни кол-

¹ Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С. 75-77.

² Там же. С. 79-81.

лектива, обладают обязательной силой принятых решений. Анализ протоколов собраний позволяет установить степень участия, активности трудящихся в решении различных вопросов деятельности трудовых коллективов. Внимание общественных организаций на предприятиях главным образом сосредоточено на производственно-хозяйственных проблемах. В целом на рабочих собраниях обсуждаются одни и те же вопросы. Выявляется своеобразная иерархия их обсуждения: *цеховой уровень* – круг обсуждения на рабочих собраниях уже, чем на партийных; *заводской уровень* – на заседаниях завкома рассматривается гораздо более широкий круг вопросов. Четко прослеживается обратная связь, развитие социальной активности трудящихся связано с активностью общественных организаций»¹.

Одно из важных направлений социологического анализа – *исследование жизни людей с точки зрения поселенческой структуры: город - деревня*. Наряду с традиционным в те времена ориентиром на преодоление существенных различий между городом и деревней рассматривались и особенности социальных процессов в каждом из этих типов поселений. В сообщении **Л. М. Сыромятниковой** и **Л. А. Копыловой** обобщались результаты исследования в селах Курганской области, проведенного в 1971-1974 гг. УНЦ АН СССР и лабораторией конкретно-социологических исследований Курганского ОК КПСС. Методом формализованного интервью было опрошено 1000 представителей различных социальных групп колхозного крестьянства. Целью исследования было изучение динамики духовных социальных процессов и систем духовных потребностей. Оно показало: особенности сельского типа межличностных контактов определяются положением социальных групп в сфере общественного производства, содержанием труда, уровнем образования, характером культурно-бытовой сферы. В свободное время поддерживают постоянные контакты (с менее чем 5 людьми) 70% сельских учителей, 57% специалистов высшего и среднего звена, 44% служащих, 40% животноводов, 28% механизаторов. В значительной мере это определяется возможностями культурно-бытовой среды. Житель села может посетить только те мероприятия, которые ему предлагает клуб, либо остаться дома у телевизора, пойти в гости к знакомым и друзьям. В силу этого для него характерен достаточно высокий уровень развития домашних форм культурной деятельности: 5% сельских механизаторов в свободное время читают художественную литературу, 68% – газеты, 72% – просматривают телепередачи, 40% – посещают кино, 20% – вечера отдыха в клубе. Ограниченность сферы межличностного общения сельского жителя компенсируется опосредованными формами духовного общения через СМИ².

В масштабе общества *миграция сельского населения* рассматривалась как объективный процесс, способствующий осуществлению полной занятости, более эффективному использованию трудовых ресурсов. Но применительно к отдельным регионам миграция часто – явление негативное. Анализ этой проблемы было посвящено сообщение **В. В. Никулина**. «В результате миграции, –

¹ Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С. 87-88.

² Там же. С. 104.

отмечал автор, – появляется нехватка рабочей силы для выполнения основных сельхозработ. Миграция молодежи из села обостряет демографическую ситуацию. Интенсивность миграционного потока определяется рядом факторов. Наиболее общей причиной является количественный и, главное, качественный рост потребностей и отставание возможностей их удовлетворения в условиях сельского образа жизни. Неудовлетворенность трудовых потребностей (в содержании, характере, условиях труда) – основная причина перемещений. Одной из существенных причин миграции является сложившаяся диспропорция в возрастной структуре, а отсюда – трудности в создании семьи, узость круга общения, неудовлетворенность социальными условиями для проведения досуга. Определенную сложность представляет вопрос о неудовлетворенности культурных потребностей как фактора миграции. Они выросли как количественно, так и качественно. Неудовлетворенность культурных потребностей называется как существенная причина переезда в город почти всеми мигрантами. Но изучение поведения недавних мигрантов в городе показывает, что уровень потребления культуры у этой группы вырос незначительно, а в некоторых моментах даже снизился. Здесь мы имеем дело скорее с общей неудовлетворенностью сельскими условиями жизни, которая (не всегда осознанно) опредмечивается людьми в неудовлетворенность духовных потребностей»¹.

Одним из массовых социологических увлечений 1970-х – начала 1980-х гг. была *проблематика социального планирования*. Возможности и процедуры планирования распространялись на все социальные процессы и сферы жизни общества. Особенно широкое распространение получили планы социального развития трудовых коллективов, районов, городов, отраслей производства.

В. И. Герчиков обратил внимание на *особенности отраслевого планирования*: «С точки зрения социального планирования отрасль промышленности представляет собой сложную иерархическую систему производственных коллективов, объединенных общностью решаемых народнохозяйственных задач. Отраслевая система социального планирования должна обеспечивать выполнение следующих основных требований:

- строгая взаимосвязанность и согласованность социально-экономических планов на всех уровнях отраслевой системы управления;
- целенаправленность планов;
- реализуемость планируемых показателей;
- оптимальное сочетание перспективности и оперативности;
- реализация полного планово-управленческого цикла;
- своевременность и регулярность работы по социальному планированию.

В выступлении **Герчикова** была поставлена теоретико-методологическая проблема разработки единой системы показателей планов социального развития. Эта система показателей, по его мнению, «должна быть максимально полной для нижнего уровня отраслевой структуры и при этом улавливать специфику каждого из типологических объектов. По мере перехода к более высоким

¹ Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С. 104.

уровням отраслевой структуры показатели укрупняются и приобретают комплексный характер. Такие комплексные показатели типа разработанного нами «уровня социального развития» позволяют не только решать задачи социального планирования в масштабе отрасли, но и обеспечивать его взаимосвязь с технико-экономическим планированием, а также вплотную подойти к оценке его эффективности. С проблемой показателей тесно связан и вопрос создания нормативной базы социального планирования, под которой понимается система конкретных числовых значений социальных показателей, дифференцированных по типам производственных коллективов, условиям их функционирования и периодом планирования»¹.

При анализе социального планирования обращалось внимание на его особенности применительно к городу или сельским районам. «Принципиально важно подходить к сельскому району не только как к административной единице в системе государственного управления, но и как к определенной экономической и социальной единице. Эта особенность определяет комплексный подход к социально-экономическому планированию района, что особенно важно для выработки правильных форм и методов идейно-политического, трудового и нравственного воспитания. Вторая особенность выступает как диалектическое соотношение развития производительных сил промышленного и сельскохозяйственного сектора. Социологические исследования показывают, что в аграрно-промышленных районах (АПР) механизация сельскохозяйственного труда в совхозах и колхозах выше, чем в «обычных» сельских районах, здесь быстрее развивается непроизводственная сфера, которая составляет примерно 23% от общего количества занятых в общественном производстве. Третья особенность состоит в том, что в рамках АПР выше уровень технической оснащенности. Здесь быстрее идет введение автоматических систем управления, совершенствуется планирование, глубже изучаются общественные потребности жителей района, теснее увязываются экономические мероприятия с социальными. Четвертая особенность состоит в том, что планирование социально-экономического развития АПР становится все более научным методом управления общественными процессами». В АПР совершенствуется экономическое стимулирование и растет общественная активность в управлении. «Исследования показывают, – отмечалось в сообщении **И. Г. Гвоздик**, – что в АПР повседневно занимаются управлением 22% респондентов, активно участвуют в обсуждении производственных вопросов на собраниях – 20%, в обсуждении плановых задач на производственных совещаниях – 14%, в управлении производством – 16%»².

Планирование рассматривалось применительно не только к производственным процессам, но и по отношению к явлениям и процессам духовной жизни. «Плановое воздействие на нравственную атмосферу, – отмечал **Л. А. Марголин**, – имеет ряд существенных особенностей в сравнении с планированием других сторон и видов деятельности производственных коллективов. Из-

¹ Там же. С. 106-107.

² Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С.122-124.

менение характера труда, улучшение бытовых условий, совершенствование системы зарплаты не всегда дают в полной мере ожидаемое воздействие на нравственную атмосферу в силу относительной самостоятельности последней. Громадную роль в анализе нравственной атмосферы коллектива играет изучение общественного мнения. Оно способствует планированию производственно-бытовых сторон жизни предприятия и – одновременно – позволяет судить о сложившихся нравственных нормах, ценностных ориентациях трудящихся. Самой непосредственной является связь между нравственной атмосферой коллектива и развитием в нем соцсоревнования». Ссылаясь на опыт социального планирования в *Нижнетагильском производственном объединении грузового автотранспорта*, **Марголин** подчеркивал влияние соцсоревнования на создание благоприятной нравственно-психологической атмосферы. Молодые рабочие, по его данным, предъявляют повышенные требования не только к условиям и содержанию труда, но и к характеру морально-психологических отношений в коллективе. Поэтому план социального развития должен включать целый ряд мероприятий нравственно-психологического порядка. В частности, громадную роль в закреплении молодых кадров, в формировании у них нравственно-психологических качеств играет развитие движения наставников. По плану социального развития объединения в течение 2 лет предполагается увеличить число наставников более чем в 2 раза за счет кадровых рабочих»¹.

Широкое распространение среди уральских социологов имели исследования духовной жизни, культуры. И на Вторых Уральских социологических чтениях секция, посвященная этой проблематике, была самой многочисленной по числу представленных докладов и сообщений. Следует отметить и широкий набор различных конкретных тем в рамках секции. Интересной была постановка **Н. С. Смольниковым** *проблемы художественной социализации личности*: она «осуществляется под воздействием художественной среды, которую образуют лишь те условия и факторы, которые участвуют в формировании художественной личности. Её воздействие можно представить в трёх формах – общественное, групповое и опосредованное микросредой личности»².

Особое внимание участников вызвала попытка теоретического анализа культуры как объекта социологического исследования. «Сущность культуры, – отмечалось в выступлении **Ю. Р. Вишневого**, – состоит в реализации человеком своих творческих сил и способностей. Характер культуры (ее тип) определяется тем, насколько полно, всеобъемлюще осуществляется эта реализация в определенных социально-экономических условиях. Существенен системный подход к культуре, охват исследованиями различных ее аспектов. Возросшее внимание социологов к таким недостаточно изученным видам культуры, как культура производства, политическая и правовая культура, позволяет более верно раскрыть природу культуры». На основе материалов *исследований в Нижнем Тагиле* в выступлении была показана растущая общность социальных групп по уровню общего образования, размерам расходов на культурные нуж-

¹ Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С.126-127.

² Там же. С. 137.

ды, частоте культурных занятий – чтение, посещение кино, просмотр телепередач, прослушивание радиопередач. В то же время выявились определенные различия в ориентациях на различные по уровню и содержанию ценности культуры, в степени участия в духовном производстве (особенно в сфере искусства). Сохраняются и культурные различия между группами, отличающимися по характеру и типу поселения, национальному и социально-демографическим признакам. В зависимости от характера труда различия в культуре проявляются, прежде всего, в разном уровне и характере участия в духовном производстве. Влияние профессиональных различий на другие сферы культуры осуществляется через различия в уровне и характере образования. Они в определенной мере сказываются и в культуре производства, что фиксируется специфическими нравственными и правовыми нормами. Влияние типов поселения проявляется, прежде всего, в разной концентрации средств духовного производства, насыщенности и уровне деятельности институтов культуры»¹.

В. И. Волков представил результаты *исследований культуры уральского села*: «Традиционные черты сельского быта и уклада жизни претерпевают изменения в двух направлениях – утрачивается прежняя привязанность к личному крестьянскому хозяйству; деревенский быт все более насыщается машинами и аппаратами, прежде считавшимися атрибутами городского образа жизни. Сегодня в уральской деревне все большее распространение получают такие формы расселения и бытоустройства, которые ранее внедрялись лишь в городе: коммунальные многоквартирные дома, общежития для специалистов и рабочих. В то же время происходят изменения и в самом сельском доме. По числу индивидуальных транспортных средств на семью уральское село идет в ряде отношений впереди города. Стремление устроить свой быт по-городскому, насыщение его техническими средствами потребления культуры ведет в конечном счете к увеличению объема свободного времени, имеющегося у жителей уральского села, вернее – той части свободного времени, которая посвящена досугу. Уральская деревня все больше сближается с городом и по основным элементам домашнего культурного обихода. Однако на периферии ведущей тенденции в духовной жизни сегодняшней деревни фиксируются новые противоречия. Самое существенное из них – между неразвитостью общественной сферы сельской культуры и интенсивностью ее «домашнего» потребления. Чрезмерная тенденция к «одомашниванию» сельского досуга и культурного потребления ведет к нежелательным последствиям: ослабляется социальный контроль в этой важной сфере духовной жизни, разрушаются или ослабляются и личностные контакты, и традиционно коллективные формы общения в селе, в том числе и по поводу культуры»².

Многие годы *сектор социологии культуры Института экономики УНЦ АН СССР проводил социологические исследования деятельности учреждений культуры*. Результаты этих исследований нашли широкое отражение в материалах Чтений. Особое внимание уделялось комплексному учреждению культуры

¹ Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С. 146-149.

² Там же. С. 162-164.

– клубу (Дворцу культуры). «Данные статистики и анкетного опроса позволяют определить современное состояние клубной практики и прогнозировать дальнейшее развитие клубной деятельности на перспективу» – отметила **Р. К. Шеметило**. Конкретизируя этот тезис, она говорила, что «подавляющее большинство городского населения (98%) высказывает единодушное мнение о необходимости дальнейшего интенсивного развития всей системы клубных учреждений. По мнению наиболее активной части посетителей клуба, интенсивное приобщение населения к клубным формам общения зависит от того, насколько формы и содержание клубной работы соответствуют духовным потребностям широких слоев населения, в том числе – его наиболее образованной части. В современных условиях в иерархии выполняемых клубами функций приобщение к творчеству и организация межличностного общения пока *еще* не находятся в центре внимания клубных работников. «Спрос» на формы клубной деятельности, реализующие эти функции, значительно превышает имеющиеся возможности. Значительный резерв клубной аудитории представляет так называемая «неорганизованная публика». Чаще всего это – молодежь, которая еще не нашла себе интересного занятия в сфере досуга». В зависимости от выявленных потребностей людей в выступлении прогнозировалось разнообразие организационной структуры клубов в разных типах поселений:

- клуб как *полифункциональное учреждение*. Такой тип останется доминирующим в среднем и малом городе, рабочем поселке;
- *специализированный* клуб. Этот тип должен развиваться в крупных городах;
- клуб – *центр культурного комплекса*. Наиболее типичным он станет в сельской местности, рабочих поселках, малых городах и в отдельных районах крупных городов¹.

Наряду с исследованиями прикладного характера в социологическом анализе культуры использовались и теоретические разработки. В частности, выступление **Н. И. Шаталовой** было посвящено конкретизации понятия «*самореализация*»: «Самореализация – вид творческой деятельности, присущий человеку на всем протяжении его жизни. Первоначальной формой самореализации можно считать адаптацию, приспособление человека к условиям внешнего мира. В этот период он устанавливает элементарные аналогии между вещами и явлениями, главным образом, случайно. Почти одновременно с этим происходит трансформация сущностных сил, их развитие – это более сложная форма самореализации, но в ней господствует еще и стихийность, неосознанность процесса. С возрастом у человека появляется потребность овладеть своими сущностными силами. Этот этап относится к зрелому периоду жизни человека. Потребность в самореализации объективна по своему содержанию. В принципе самореализация отражает определенную потребность общества. Самореализация – практическое отношение человека к собственной личности, к собственным сущностным силам. Это общественно значимое явление со следующими основными чертами:

¹ Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С. 168-169.

- свободным творческим раскрытием сущностных сил человека;
- конкретные виды деятельности, которые личность выбирает для самореализации, не регламентируются жестко обществом;
- утилитарность в процессе самореализации не отрицается, но она не является самоцелью;
- наличие самостоятельности в деятельности по самореализации порождает ее положительную эмоциональную окраску»¹.

Б. Ю. Берзин отмечал, что «*культурная деятельность* обладает рядом специфических черт. Эта специфика определяется теми функциями, которые данный вид деятельности выполняет в обществе. Культурная деятельность «пронизывает» все сферы жизни общества. Ее можно выделить в сфере быта и в сфере культуры. Она является необходимой стороной экономики, политики, права, нравственности и других областей жизни общества. Особенностью культурной деятельности является и ее своеобразный технологический характер по отношению к культуре как к целостной системе. Она выступает как совокупность средств и способов, как механизм функционирования культуры. Культурная деятельность непосредственно связана с деятельностью общения. Именно в процессе культурной деятельности субъект получает социальный опыт, входит в сложившуюся систему отношений между людьми. В процессе культурной деятельности проявляются способности, формируются индивидуальные способности индивида. Культурная деятельность носит нормативный характер, она является тем «инструментом», благодаря которому реализуются требования общества к личности, средствам согласования поступкам различных людей. Отличительная черта культурной деятельности – творчество, оно присутствует и в производстве, и в потреблении культурных ценностей, проявляется в функционировании всех институтов культуры»².

III УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Чтения проходили 26 января 1981 г. в Оренбурге под общим названием «Социологические проблемы развитого социализма». На пленарное заседание и к работе 7 секций было подготовлено 136 докладов и выступлений.

Продолжались исследования *социально-экономического планирования* на разных уровнях общества, применительно к различным субъектам этого процесса. Обсуждению этих проблем была посвящена работа *секции №1*.

«Опыт планирования регионального социального развития, имеющийся в нашей стране, показывает, – подчеркивал **Н. А. Аитов**, – что тем новым, что вносит социальное планирование во всю систему планирования, является принятие плановых решений с целью не только экономического, но и *социального* эффекта. Методами воздействия социально-экономического планирования на

¹ Там же. С. 171-172.

² Вторые Уральские социологические чтения. 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и актуальные социальные проблемы советского общества / Тезисы докладов. Свердловск, 1977. С. 181-182.

социальную жизнь являются:

- внесение коррективов в экономические планы для получения от них максимального социального результата, предотвращение случаев, когда наряду с экономическим эффектом мы получаем негативный социальный эффект;
- решения организационно - административного порядка;
- улучшение идеологической работы по тем или иным направлениям.

Поскольку второй метод частично, а третий полностью являются компетенцией не только государственных, но и партийных и других общественных организаций, то план социально-экономического развития региона является не только государственным, а *комплексным планом государственных и общественных организаций*. Этот комплексный план должен определять деятельность предприятий и организаций не только местного, но и центрального подчинения по следующим вопросам:

- экономически рациональное кооперирование предприятий;
- защита природной среды;
- использование отходов одного предприятия как источника сырья для другого;
- определение лимитов рабочей силы в случае напряженности её баланса в регионе;
- кооперирование средств предприятий для удовлетворения социально-бытовых и культурных нужд работников;
- создание филиалов объединений, предприятий в малых и средних городах, в селах;
- выпуск товаров народного потребления»¹.

Башкирские социологи традиционно исследовали *проблемы социальной структуры, в том числе поселенческой*. Обобщая их, **Ф. С. Файзуллин** отмечал: «Результаты конкретных социологических исследований, проведенных в Башкирии в 1970-1976 гг., показывают: в *социальной географии городов* ощутимо отражаются социально-классовые различия. Они находят свое проявление, прежде всего, в сохраняющейся до сих пор определенной неравномерности расселения основных социальных групп по районам, которые различаются по уровню культурно-бытового обслуживания, по степени жилищно-коммунального благоустройства и т. д.». «В социальной структуре городов имеются такие историко-социальные районы, в которых непропорционально расселены основные социальные группы». «В исторически сложившемся центре Уфы проживает около 19% населения города, в районах новой застройки – 50%, в окраинных районах – 31%. Среди населения, проживающего в настоящее время в центре Уфы, 34% – рабочие, 9% – служащие-неспециалисты, 44% – интеллигенция, 13% – пенсионеры. В районах новой застройки 47% проживающих – рабочие, 18% – служащие-неспециалисты, 26% – интеллигенция, 9% – пенсионеры». «Главная закономерность изменения социальной географии города наиболее зримо отражается в районах новой застройки, где проживает основная часть населения. Полученные данные свидетельствуют: в этих районах

¹ Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.1. Оренбург, 1980. С. 6-7.

удельный вес различных групп населения в основном совпадает с общей структурой населения города. В старом сложившемся центре города на каждого члена семьи приходится 7,6 кв. м. жилья, в районах новой застройки – 9,4, на окраине – 6,1. Основную часть районов новой застройки составляют государственные, многоквартирные благоустроенные дома, в центральной части их сравнительно меньше, а на окраинах – более половины опрошенных семей живут в своих домах, некоторые снимают частную квартиру. На окраине, несмотря на неблагоприятные условия жилья, плотность населения в квартирах является самой высокой». «Закономерности, присущие социальной географии крупного города, каким является Уфа, наблюдаются с определенной модификацией и в средних городах, к которым относятся Стерлитамак и Камышин»¹.

Выступление **В. И. Герчикова** было посвящено одной из центральных проблем социального планирования – *определению научно обоснованных критериев (нормативов) социального развития производственного коллектива*: «Анализ современной практики показывает, что многие планы социального развития составляются на относительно низком научном уровне. Например, практика планирования от достигнутого уровня приводит к недостаточной обоснованности планируемых показателей, к недоиспользованию имеющихся у коллективов резервов, к низкой реализуемости принимаемых планов и не мобилизует коллективы на разработку перспективных программ решения социально-экономических проблем. С 1977 г. группой сотрудников *Пермского филиала*

Центра

НОТиУ под руководством автора ведутся *работы по статистическому расчету отраслевых нормативов* и ориентиров для широкого круга социальных показателей, дифференцированных в зависимости от специфики условий функционирования и развития промышленных предприятий. Процедура расчета нормативных оценок состоит из 3 основных этапов:

- выбор и оценка факторов-условий деятельности производственных коллективов по степени их влияния на величину нормируемого показателя;
- проведение классификации предприятий отрасли по отобранным факторам;
- расчет оценочных нормативов и ориентиров для различных подгрупп каждого класса»².

На секции №2 рассматривались социологические проблемы труда и промышленного предприятия. «Разделение труда, – отмечал **М. А. Слюсарянский**, – с одной стороны, выступает как естественная дифференциация трудового процесса на отдельные виды и в этом своем качестве оно указывает на развитие человека как исполнителя конкретного вида труда, т.е. как *работника*. С другой стороны, разделение труда как дифференциация людей на социальные группы по их участию в разных видах труда выступает как производственное отношение. Оно определяет сферу социального общения человека, характер включения его в общую систему отношений в процессе труда и производства, возможности вне профессиональной деятельности. Иными словами, формирует

¹ Там же. С. 18-20.

² Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.2. Оренбург, 1980. С. 32-33.

те стороны, которые характеризуют человека как *субъекта* общественных отношений. Качественно новый этап в развитии разделения труда наступает с появлением автоматизированного производства. Так, по подсчетам экономистов, соотношение между числом наладчиков и операторов меняется: от 1:12 - 1:15 при действии неавтоматизированного оборудования, до 1:1 - 1:2 – при эксплуатации автоматов и до 1,6:1 – на автоматических линиях. Изменения, которые вносит автоматизация в содержание разделения труда, имеют принципиальное значение для развития работников: успешность участия в производственном процессе отдельного человека зависит отныне не столько от его физических способностей, сколько от уровня развития его как «общественного индивида»¹.

В выступлении **Б. С. Модель** было зафиксировано существенное отставание рабочих от ИТР по степени участия в управлении производственными делами коллектива: «По материалам исследования на предприятиях Златоуста, в различных общественных формах управления производством участвуют 73% ИТР (56% – постоянно, 17% – эпизодически) и 49% рабочих (соответственно – 25% и 24%). При этом анализ участия в управлении производством основных возрастных групп рабочих и ИТР обнаруживает одинаковые тенденции:

- отставание молодежи от рабочих и ИТР старших возрастных категорий;
- делегирование в органы управления предприятия и его структурные подразделения наиболее авторитетных, обладающих высокой квалификацией и знанием производства работников (что, как правило, приходит с возрастом и опытом). В управлении делами коллектива участвуют 37% рабочих 1-2-го разряда, 51% - 3-4-го, 60% - 5-6-го». «Исследование обнаружило различную интенсивность общественно-управленческой деятельности рабочих и ИТР. Так, постоянные поручения выполняют 12% рабочих и 24% ИТР»².

В выступлении **В. М. Быстрецких** отмечалось: «Влияние многих социальных показателей на показатели эффективности производства, как правило, опосредовано и не поддается хоть сколько-нибудь удовлетворительному измерению в экономических категориях. Однако среди социальных показателей есть несколько таких, которые занимают особое положение:

- результаты их изменения можно измерить экономически,
- они сами являются результатом изменения других социальных показателей, производны от них.

К таким особым показателям относятся, в первую очередь, уровень текучести кадров и дисциплина труда. Относительная стабильность коллектива – важнейшее условие повышения эффективности производства. Частая сменяемость кадров, а тем более их недостаток (неукомплектованность рабочих мест) вносит дезорганизацию в производство. Аналогичное положение в системе социальных показателей занимает и показатель дисциплинированности работников. Важнейшее значение приобретают следующие особенности этого показателя: уровень дисциплины тесно связан с уровнем текучести и является, в известном смысле, «спутником» текучести (коэффициент ранговой корреляции *на пред-*

¹ Там же. С. 47-48.

² Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.2. Оренбург, 1980. С. 8-10.

приятных Свердловска - 0,76). Чем выше текучесть, тем выше и число нарушений. Оба эти явления в немалой степени имеют общую социально-экономическую основу. И то, что одни работники увольняются по собственной инициативе и с соблюдением моральных и правовых норм, а другие эти нормы нарушают и их увольняет администрация, существа дела не меняет»¹.

Е. Ю. Антонова, Л. А. Дудник и А. М. Розенберг рассказали на секции о проведенном на предприятиях Ижевска исследовании различных сторон социальной жизни производственных коллективов. Оно показало: «возрастает роль благоприятного климата трудовых коллективов в решении стоящих перед ними экономических и нравственно-воспитательных задач. Особое значение благоприятный климат в коллективе имеет для молодежи, которая лишь начинает трудовую жизнь и сталкивается со сменой условий и норм школьного бытия новыми условиями жизни и деятельности. Само вхождение молодого рабочего в производственный коллектив – это весьма сложный процесс как в плане профессиональной адаптации, т.е. приспособления собственно к работе, к выполнению определенных профессиональных функций, так и в плане приспособления работника к личностной среде производственного коллектива, его официальной и неофициальной структурам на разных уровнях». По данным авторов, то, в какой мере удачно вступающий в трудовую жизнь молодой рабочий избрал свою профессию и насколько успешно он ее осваивает, во многом зависит и настроение, с каким он приходит на работу, его отношение к работе, к коллективу, его планы относительно дальнейшей работы в этом коллективе. В целом по группе молодых рабочих – недавних выпускников средних школ Ижевска (обследование проводилось спустя 5-6 месяцев после их поступления на завод) собираются работать на данном предприятии долго – около 10%, а каждый пятый – уже задумывается об увольнении. Среди тех, кому избранная профессия нравится, доля тех и других меняется: 30% и 5%. Совершенно иная картина в группе молодежи, которая не удовлетворена избранной профессией, – ни один из них не собирается работать долго, 47% подумывают об увольнении»².

Круг интересов участников секции №3 – развитие социальной структуры общества. На этот раз сказывалась специфика Оренбургской области, и основное внимание было уделено социальным проблемам села.

В. В. Никулин подчеркнул противоречивость процесса развития крестьянства как класса: «Под влиянием научно-технического прогресса изменяется содержание сельскохозяйственного труда, растет его профессионализация, расширяется круг общения крестьянина в противовес его прошлой замкнутости, а на этой основе меняется сам крестьянин, его потребности и интересы. Во всех сферах колхозной жизни обнаруживаются общесоциалистические тенденции, но их проявление может быть весьма своеобразным, так как сталкивается с определенным консерватизмом сельского уклада, оказавшимся в силу ряда причин более «живучим» в колхозном селе, чем в совхозном. Это новое и ста-

¹ Там же. С. 10-11.

² Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.2. Оренбург, 1980. С. 26-27.

рое находит свое отражение в быту и культуре крестьянина-колхозника. Бытовой уклад и специфика культуры выступают как факторы социальной дифференциации: появляются новые, опережающие группы, сохраняются типичные крестьяне и сформировался некоторый средний слой, сочетающий в себе и то, и другое. Опережающая группа (работники высококвалифицированного труда) невелика, их быт и культура соответствуют примерно среднему городскому типу. Наиболее многочисленна средняя группа. В организации быта и потреблении культуры для этой группы весьма характерны факторы «сравнения», «подражания», «престижности»: Жилище традиционное; пожелание жить в доме городского типа высказывается, но остается неизменным требование иметь подсобное хозяйство под рукой (огород, скот и т.д.). И, видимо, отвечая этим потребностям, новое строительство как индивидуальное, так и общественное ведется по старому принципу. Внутреннее убранство жилья своеобразно. Мебель городского стиля (собственного производства почти нет) сочетается со старыми факторами украшений: накидки, самодельные коврики, обилие подушек, занавески, фотографии и открытки в общих рамах, на кухне на стенах плакаты, вплоть до технологических». «Свой отпечаток на бытовой уклад накладывает домашнее хозяйство. Для большинства колхозников – это дополнительный источник дохода (от 1/4 до 1/3 натуральных и денежных доходов). Кроме того, оно выступает как фактор престижности, является основной сферой приложения труда для престарелых, своеобразной формой проведения досуга. В его организации сказывается и рыночная психология (хотя товарность домашнего производства низкая). Ведение домашнего хозяйства отражается на характере использования жилища (зимой в нем содержат теленка, поросенка, птицу, перерабатывают продукты впрок). Домашнее хозяйство отнимает 3 и более часов в день у 60% колхозников, особенно женщин». «Потребление культуры в первую очередь изменяется количественно. Кино, радио, телевидение, книга равнодоступны всем сельским жителям и потребляются достаточно активно, особенно кино и телевидение, меньше – радио и книга. Рост потребления сочетается почти с полной пассивностью для основной массы в производстве культурных ценностей. Затухают традиционные формы творчества, народные промыслы, фольклор. В художественной самодеятельности занято лишь 6-8% колхозников, в основном – молодежь. Для этой группы характерны некритическое восприятие произведений искусства, эстетическая неграмотность, отсутствие четко выраженных интересов к видам искусства»¹.

В выступлении **Ю. П. Петрова** была поставлена острая проблема *подготовки педагогических кадров для сельских школ*. «В укомплектованности кадрами с высшим образованием сельская школа еще значительно отстает от городской (По данным по РСФСР за 1976 г. по учителям 4-10 классов – 73% и 93%; по учителям 1-3 классов – 7% и 20%)», – отмечалось в его сообщении, – поэтому столь актуальна проблема преодоления и предупреждения миграции молодых учителей из села, особенно – в столь урбанизированном регионе, как

¹ Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.2. Оренбург, 1980. С. 65-66.

Урал». «Наше исследование проводилось в *Нижнетагильском пединституте*, поставляющем кадры учителей для северных районов Свердловской области, где миграционный процесс пока не уменьшается. Исследование показало: намерение работать на селе «достаточно долго» выразили 13-30% (на разных факультетах) опрошенных выпускников института, «только 3 года» – 56-65%, «не поедут в село» – 4-22%. Контингент будущей миграции налицо. Особенности молодости – устремленность в будущее. Однако городской студент не знает специфики жизни на селе, едет туда работать из чувства долга, часто с романтикой неизведанности. Сельские студенты, привыкая к городу, неохотно с ним расстаются. Уже на первом курсе треть их ориентируется на работу в городе. По мере приближения к выпуску число желающих работать на селе среди них постоянно сокращается. Чтобы реально планировать свою жизнь на селе, студент должен достаточно конкретно представлять свои перспективы в профессиональном становлении и росте, в развитии и удовлетворении научных интересов, в общественной работе, в организации быта, внеучебной деятельности и личной жизни»¹.

А. М. Баландин коснулся не менее острой проблемы – *неперспективных деревень*: «Концентрация и специализация сельскохозяйственного производства требует соответствующего типа расселения, сосредоточения населения в крупных населенных пунктах, в перспективе – в агрогородах. Поэтому уменьшается общая численность населенных пунктов (особенно мелких). Дальнейшее развитие сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР предусматривает процесс преобразования деревень в качестве одной из первоочередных мер. По данным В. И. Староверова, свыше 100 тыс. деревень (из 143 тыс.) подлежат ликвидации, а жители – переселению в перспективные поселки. Советские и хозяйственные органы на местах порой искусственно ускоряют процесс ликвидации неперспективных деревень. Так, согласно «*Комплексной схеме районной планировки Пермской области*» из 6000 деревень, которые значились на карте Западного Урала, к 2000 г. останется только 434. Остальные деревни отнесены в разряд так называемых неперспективных. Следовательно, для Пермской области, входящей в зону Нечерноземья, установлено другое соотношение между неперспективными и перспективными поселениями – 93% и 7% (в целом по зоне – 70% и 30%). Судьба неперспективных деревень, а вместе с ними их главного богатства – пригодных, если не для проживания, то для летнего отдыха, домов – предрешена: к 2000 г. они должны будут исчезнуть. Если учесть, что практически вместо 10 деревень будет 1 крупное, перспективное село, то в целом только по Пермской области окажутся заброшенными тысячи домов. При этом многие опустевшие деревни расположены в живописных, удобных для отдыха горожан местах (на берегах рек, озер, около лесов и т.д.). Отсюда вытекает, что даже с экономической точки зрения ликвидация неперспективных деревень (в том виде, как она сейчас осуществляется) представляется не всегда целесообразной и даже преждевременной»².

¹ Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.2. Оренбург, 1980. С. 78-79.

² Там же. С. 87-88.

Р. Б. Камаев привлек внимание участников Чтений к проблематике *новых городов*: «Появление новых городов и рост больших городов за последние годы носят буквально характер взрыва. Новые города в настоящее время составляют 60% всех советских городов. Известно, что новый город появляется не на пустом месте, а вырастает в заселенном месте, в системе других городов или системе сельского расселения. При этом новый город с промышленными и другими объектами активно вторгается в существующую систему, воздействует довольно существенным образом на эту систему, ее экономическую и социальную структуру. Появление города Набережные Челны – один из ярких примеров этому. Возникновение КамАЗа существенным образом изменило структуру земельных угодий и пашни, всю структуру экономики района. Под Камский автозавод и в целом под строящийся новый промышленный центр отводилась значительная часть земли, тем самым земельный фонд района за годы строительства КамАЗа и в целом нового города значительно сократился (за 1970-1976 гг. – на 4 тыс. га). Существенно изменилась поселенческая и социальная структура сельского населения. В 1970 г. она включала: колхозники – 63%, рабочие – 29%, служащие – 8%, в 1976 г. – соответственно – 30%, 59% и 11%. Сельское население сократилось почти вдвое, уменьшилось количество населенных пунктов. Все более уменьшается численность и доля работников сельского хозяйства. Половина сельского населения занята в сфере несельскохозяйственного производства, работая на предприятиях и в учреждениях города». «Появление нового города в единой системе расселения – сложный социально-экономический процесс, требующий:

- учета оптимального и рационального размещения производительных сил;
- планирования развития и размещения населенных пунктов как городских, так и сельских;
- прогнозирования изменений социальной и демографической структуры как городского, так и сельского населения,
- учета потребности людей в сфере культуры и быта, роста образовательного уровня;
- учета изменений образа жизни в целом – и горожан, и селян;
- учета изменений экологических проблем»¹.

По мнению **Г. Г. Бажутина**, «сегодня все актуальнее становится проблема *профориентации*. Целесообразно рассматривать профориентацию, определив ее место в системе всех ценностных ориентации, совокупность которых можно обозначить – социальная ориентация. Прослеживая структуру социальной ориентации личности, а стало быть, и одну из сторон диалектики профориентации, можно определить основные сферы ее проявления: политическая, социально-классовая, экономическая, профессиональная, этическая, эстетическая, семейно-бытовая. Взаимодействие всех сфер профориентации личности естественно, а поэтому при исследовании причин выбора профессии необходим учет каждой сферы, так как каждая из них вносит определенный вклад при выборе

¹ Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.2. Оренбург, 1980. С. 75-76.

индивидом профессии, при достижении индивидом желательной для него социальной позиции в системе общественных отношений. Другим аспектом диалектики профориентации является ее *двойственный характер*. С одной стороны, система ориентации рассматривается как непосредственная деятельность индивида, которая опирается на систему потребностей, интересов, установок, формирующихся в результате выработанных идеалов в сознании человека, в известной степени динамичных. С другой, – ориентация личности, включая и профориентацию, является частью определенного социального процесса, в который каждый индивид объективно включен на протяжении всей своей жизни. Именно эта сторона профориентации личности управляется со стороны общества через выработку у нее нужных ему потребностей, интересов, установок»¹.

В выступлении **Я. П. Ладыженского** рассматривались *глубокие качественные изменения в содержании и характере труда рабочих, сдвиги в профессиональной и квалификационной структуре рабочих кадров* под влиянием научно-технического прогресса. Особое внимание при этом уделялось проблеме *высвобождения рабочих со старых мест и трудоустройства на новых рабочих местах, их переподготовки, адаптации к новым условиям труда, к новой технике и т.д.* «Особенно отчетливо это прослеживается в жизнедеятельности рабочих нового типа (к которым можно отнести часть высококвалифицированных рабочих, занятых на своих рабочих местах многофункциональными, широкими по своему профилю видами труда, в которых весьма значительны или преобладают функции умственной деятельности)». В анализе влияния социальных последствий НТП на личность высвобождаемых рабочих мы опираемся на результаты конкретных исследований, проведенных в 1977 г. *социологической лабораторией Уфимского авиационного института*. «Процесс высвобождения рабочих в результате НТП во многом связан с задачей их трудоустройства на новых местах. Время перерыва при смене составило в среднем 13 дней, в широком «веере» в зависимости от квалификации, прохождения переподготовки, сроках ее и других причин. И хотя 61% высвободившихся рабочих трудоустраиваются в течение первых 5 дней, 27% – от 6 до 30 дней, для трудоустройства 12% рабочих потребовалось до 3 месяцев. Где устраиваются высвободившиеся рабочие? Две трети из них – на том же предприятии, причем четвертая часть – в том же цехе. 26% трудоустроились на других предприятиях, 7% – переехали в другой город. При этом наиболее квалифицированные рабочие (рабочие нового типа – 75% из общей численности данных групп) остаются на своем предприятии и связаны с обслуживанием новой, более совершенной техники. И, наоборот, более трети мало- и неквалифицированных рабочих уходят на другие предприятия. В ходе НТР высвобождаются в основном люди преимущественно молодые (средний возраст – 31 год), грамотные (средний уровень образования – 9,7 классов), имеющие стаж работы на прежнем месте (в среднем – 7 лет), мужчины (две трети). Исследования показывают: в результате технического прогресса в целом заметно повышается квалификационный уровень, содержание, условия труда высвобождаемых рабочих. Доля квалифицированных рабочих

¹ Там же. Вып.3. С. 8-9

возрастает на новом месте с 58% до 91%. Соответственно по группам: рабочие нового типа, рабочие наивысшей квалификации – с 5% до 7%, высококвалифицированные – с 8% до 38%, квалифицированные – остается практически неизменной (около 45%); доля мало- и неквалифицированных рабочих резко уменьшается – с 42% до 9%»¹.

Л. Л. Нерезова остановилась на общих проблемах социальной структуры и на конкретном изучении социальной структуры *новых городов*: «Исследование социальной структуры городского населения СССР – многогранная познавательная задача, вызванная сложностью объекта. В процессе решения этой задачи советская социология оперирует целым рядом методологических подходов. Один из них – это анализ потребностей, интересов, поведения жителей определенного города, что позволяет дать содержательный социальный «портрет» того или иного населенного пункта. Социальный портрет здесь является и результатом, и своеобразным приемом исследования. Смысл его в том, что в итоге создается относительно целостный образ объекта, данный под углом зрения важнейшей социальной функции города – быть местом жительства для многих людей, местом их воспроизводства. Именно здесь общество «поворачивается» к человеку реальными возможностями для развития своих членов. Главные операциональные категории такого анализа – категории «потребность» и «интерес». Потребности и интересы людей являются тем реальным мерилom, которое сосредоточивает в своем содержании и уровень объективных условий жизни, и отношение к ним потребителей этих условий, степень удовлетворенности ими. Через анализ потребностей и интересов людей можно составить также научное представление о действительных мотивах поведения социальных общностей и индивидов. В нашем исследовании предметом анализа стали Урай, Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск – города-новостройки Среднеобъя. Для создания постоянного контингента жителей важно знать, каких людей привлечет новый город. Опрос показал, что это выходцы из небольших поселений городского типа (поселков, малых и средних городов); но по мере становления новостроек растет доля мигрантов из крупных городов – в 500 тыс. и более (до 22% в 1974 г.). Чтобы люди надолго оставались в новом городе, важен рост семейного населения (за счет «одинок», доля которых составляет здесь 20%) и социально-экономические меры по закреплению семей. Семье в первую очередь нужна квартира; сегодня же население новых городов испытывает острый недостаток жилой площади (более 40% ответов), половина респондентов не имеет элементарных бытовых удобств, живет в домах, не соответствующих суровому климату края. Это серьезные мотивы для миграции. Кроме того, чтобы «осесть» в городе, молодые семьи – а их здесь большинство – действительно нуждаются в детских дошкольных учреждениях (тем более, что рождаемость в новых городах на 43-45% выше средней по РСФСР). Однако на начало 1974 г. по числу мест в детских садах и яслях было отставание даже от средних строительных норм: в Урае – на 12%, в Сургуте – на 35%. Удов-

¹ Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.3. Оренбург, 1980. С. 14-16.

летворение этой необходимой потребности вырастает в острую проблему, которая рождает целый ряд других. Это и вынужденный отрыв от общественного труда молодых матерей с высоким уровнем образования и квалификации, и отъезд из новостроек женщин, что усиливает непропорциональность половой структуры населения, и другие проблемы»¹.

И на данных Чтениях в центре внимания социологов оставалась проблематика *образа жизни*. В одних выступлениях (**Г. Е. Зборовский, С. М. Шалютин**) акцентировался теоретический аспект проблемы. По мнению **Шалютина**, «быстрое возрастание роли категории «образ жизни» в марксистской социологии обусловлено рядом обстоятельств и – особенно – потребностью в более детальном осмыслении механизма взаимодействия различных сторон общественной науки в условиях развитого социализма. Исходная категория исторического материализма – «общественное бытие». Формула «общественное бытие определяет общественное сознание» конституирует материалистическое понимание истории. «Образ жизни» и «общественное бытие» в работах прошлого периода применялись, как правило, как синонимы. Однако более конкретное понимание социальных механизмов, в частности, механизмов формирования и развития общественного сознания, требует их дифференциации. Общественное бытие, будучи независимым от сознания, определяет в конечном счете все его содержание. Но непосредственно ряд сторон общественного сознания определяется элементами реальной жизнедеятельности людей, которые формируются, проходя через сознание. Реальная жизнедеятельность людей включает в себя их политическую, военную, нравственную, религиозную и т.д. деятельность. Реальная жизнь людей не исчерпывается их материальной жизнью – общественным бытием. Различие между категориями «общественное бытие» и «образ жизни» заключается, прежде всего, в том, что вторая из этих категорий охватывает не только материальную жизнь, а всю жизнедеятельность, т.е. и практическую деятельность людей в любых сферах общественной жизни. Формула «образ жизни людей определяет их образ мыслей» не противоречит фундаментальной формуле исторического материализма об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, а лишь конкретизирует последнюю. Элементы образа жизни, не охватываемые категорией «общественное бытие», сами в конечном счете определяются общественным бытием»².

Для **Г. Е. Зборовского** важнее было выявить возможности эмпирического исследования образа жизни. «Обладая сложной структурой, – подчеркивал он, – социалистический образ жизни включает в себя в качестве неотъемлемого элемента *досуговую деятельность*. Осмысливая эту связь как соотношение целого и части, отметим необходимость такого подхода, обусловленную следующими обстоятельствами. Прежде всего, это новый уровень совершенствования социалистического образа жизни, который означает появление тенденций целостного

¹ Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.3. Оренбург, 1980. С. 25-27.

² Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.3. Оренбург, 1980. С. 37-38.

развития и гармонических пропорций основных форм жизнедеятельности. Другим обстоятельством является возрастающая значимость свободного времени, его роли в жизни общества и конкретных индивидов. Стремление к рациональному использованию свободного времени стало в условиях функционирования зрелого социализма одной из важнейших качественных характеристик социалистического образа жизни, для проявления которой общество создает надлежащие условия. Стало быть, сбалансированное развитие социалистического образа жизни создает необходимые предпосылки для позитивных изменений досуговой деятельности – одного из важнейших его элементов, а прогресс в использовании свободного времени способствует совершенствованию всей системы жизнедеятельности и личности, и общества в целом. В этом, по нашему мнению, проявляется сегодня сущность диалектики социалистического образа жизни и свободного времени». «Рассмотрение досуговой деятельности как элемента социалистического образа жизни предполагает выявление таких ее характеристик и параметров, которые дали бы возможность связать этот элемент с другими в способе жизнедеятельности. Не случайно, исследователи социалистического образа жизни считают одной из сложнейших проблем нахождение удобной и адекватно описывающей способ деятельности системы показателей. В изучении свободного времени такие комплексные показатели уже давно найдены, это – его величина, структура и содержание. Они выражают объективные характеристики свободного времени. Первые два показателя – величина и структура – могут быть достаточно четко выражены количественно, третий же показатель – содержание свободного времени – может быть лишь описан. С помощью всех трех показателей относительно полно выражается характеристика использования человеком (группой) свободного времени, что дает определенный материал для общественно регулирующего воздействия на эту сферу. Когда заходит разговор о результативности досуговой деятельности, очевидно, следует иметь в виду не только (и не столько) ее экономический аспект, заключающийся в обнаружении производственной эффективности того или иного способа использования свободного времени, хотя это и важно. Речь, по-видимому, должна идти о социальной эффективности досуговой деятельности, связанной с повышением общественной активности образованности, культуры личности и т. д. – того, что способствует всестороннему и гармоничному развитию личности, прогрессу социалистического образа жизни. Эффективность досуговой деятельности является комплексным, результирующим показателем структуры и содержания свободного времени. Она может быть выражена через определенные пропорции тех или иных видов времяиспользования и через их направленность. Введение этого показателя позволяет более органично включить досуговую деятельность в систему социалистического образа жизни и обнаружить пути их диалектического взаимовлияния»¹.

О многолетних исследованиях, проводимых сотрудниками сектора социологии культуры Института экономики УНЦ АН СССР на промышленных

¹ Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.3. Оренбург, 1980. С.39-42.

предприятиях Среднего Урала, рассказала на Чтениях **Л. И. Иванько**. Эти исследования позволяют сделать вывод, «что эффективность трудового вклада производственного коллектива в решающей степени зависит сегодня от его социальной зрелости, от совершенствования всех сторон его *образа жизни*»¹.

В выступлении **Л. Д. Митрофанова** и **И. Ш. Ослянского** проблематика образа жизни соотносилась с подготовкой молодых специалистов и их адаптацией в производственных коллективах: «Сущностные черты социалистического образа жизни проявляются на всех уровнях жизнедеятельности (личности, коллектива и общества) и являются едиными как для вуза, так и для производственного коллектива, в который распределяется молодой специалист. Адаптация молодых специалистов в производственном коллективе зависит от многих факторов. Один из них – степень соответствия полноты проявления сущностных черт социалистического образа жизни в вузовском и в производственном коллективе. Неотъемлемой чертой социалистического образа жизни является общественно-политическая активность. Ее более полному проявлению призвана способствовать функционирующая в вузах страны (с начала 1970-х гг.), система общественно-политической практики (ОПП). Проведенное авторами исследование на 25 промышленных предприятиях Свердловска и Свердловской области и на 9 предприятиях за ее пределами, в том числе на Волжском автозаводе (Тольятти), на Новолипецком металлургическом заводе и других, показало: выпускники Уральского политехнического института (УПИ) в основной своей массе активно приобщаются к общественной жизни. Обследовано было 7% молодых специалистов (402 чел.) из подготовленных в УПИ в 1974-1976 гг. Из общего числа молодых специалистов этих трех выпусков 85% участвуют в общественной жизни трудовых коллективов. Из них 83% и в вузе систематически выполняли общественную работу. Почти три четверти опрошенных молодых специалистов (73%) из числа занятых общественной работой мотивируют свое участие в ней возможностями оптимизации условий своей деятельности в трудовом коллективе. Так, в частности, 60% опрошенных считают, что участие в общественной работе помогает им лучше узнать людей, сблизиться с производственным коллективом; 35% связывают такое участие с совершенствованием стиля работы; 12% – с возможностями повышения своего личного авторитета; 10% – с идейным ростом; 8% – с нравственным совершенствованием»².

Исследованию студенческой молодежи было посвящено и выступление **Л. Я. Рубиной**. «Интерес к проблемам студенчества со стороны социологии и других общественных наук, – по ее мнению, – обусловлен возрастанием социальной роли и расширением функций этой части молодежи как одной из наиболее динамичных групп в социальной структуре развитого социалистического общества. Общей и важнейшей характеристикой молодежи, на которую обращено внимание исследователей, считается ее переходное состояние. На уровне социально-классовом эта «переходность» рассматривается с точки зрения под-

¹ Там же. С. 43-45.

² Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.3. Оренбург, 1980. С.53-55.

готовки молодежи к участию в основных сферах деятельности, к включению в ту или иную социальную общность. На уровне личностном – как промежуточный этап социального становления, нижней границей которого является физиологическая зрелость, и верхней – приобретение стабильной профессии, включение в сферу труда. И, наконец, на уровне сознания – как процесс его развития, формирования мировоззренческого ядра, усвоение различных ценностей, в том числе норм специализированного профессионального сознания. Период студенческой жизни – это период овладения полным комплексом социальных функций человека, включая гражданские, общественно-политические, профессионально-трудовые, нравственные, через переход к более развитой системе социальных связей, многообразие видов самостоятельной деятельности». «Точнее можно было бы определить студенчество как большую общественную группу, служащую источником пополнения основных отрядов интеллигенции, занятую деятельностью по подготовке к высококвалифицированному умственному труду. В этом случае можно терминологически подчеркнуть не только *возрастные*, но и *общественные черты* студенчества, сравнить с другими общественными группами и показать отличие от основных классов и социальных групп, из которых эта молодежь вышла, либо включение в которые ей предстоит. В социальной ориентации и жизненных планах молодежи, стремящейся получить высшее образование, отражаются объективные социальные различия – в социальном происхождении, довузовских жизненных путях. Они проявляются не только в выборе высшего образования вообще, но и в конкретных предпочтениях вуза, специальности. Имеется частичное несоответствие между объективными требованиями общества к специалистам и жизненными планами студентов, их качествами как будущих работников квалифицированного умственного труда»¹.

Выступление **А. В. Грибакина и Э. Н. Грибакиной** было посвящено итогам комплексного исследования свободного времени учащихся ПТУ, проводившегося в 1976-1978 гг. кафедрой философии Свердловского юридического института под руководством **Г. П. Орлова**. Актуальность исследования определялась резким ростом за последнее десятилетие в стране сети профессионально-технических училищ, ставших основной формой подготовки молодого поколения рабочего класса СССР, расширением сети ПТУ, дающих среднее образование. В итоге произошли значительные изменения в социально-классовом, демографическом составе учащихся, обуславливающие необходимость целенаправленной модификации средств и методов воспитательной работы. Анализ объективных данных, касающихся развития системы ПТО Свердловской области, показал, что устойчиво увеличивается средний возраст учащихся. Если в 1972 г. средний возраст учащихся равнялся 15,8 годам, то в 1977 г. – 16,4 лет. Сегодня средний возраст молодежи, обучающейся в ПТУ, на год выше, чем в 1972 г. Изменилось также соотношение юношей и девушек среди молодежи, поступающей в ПТУ. Если в 1971 г. соотношение между юношами и девушками

¹ Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.3. Оренбург, 1980. С. 48-49.

ми, принятыми в ПТУ, составляло соответственно 68:32, то в 1977 г. - 63:37. Среди молодежи, поступающей в училища профтехобразования, устойчиво возрастает удельный вес горожан. Только за истекшие 7 лет удельный вес сельской молодежи в ПТУ снизился с 37% до 32%, в том числе доля колхозной молодежи сократилась с 34% до 22%. В дневных училищах обучается 49% юношей и девушек из рабочих семей, 34% – из семей служащих и 17% – дети колхозников. Исследование показало, что юноши и девушки, обучающиеся в училищах ПТО, располагают достаточным количеством свободного времени. В будние дни они имеют от 4,5 до 5,5 часа, а в воскресные и праздничные дни от 8 до 10 часов свободного времени. Пребывание в училище дает молодежи не только специальные знания, навыки рабочей профессии, но и развивает общую культуру, расширяет кругозор. Структура свободного времени выпускников училищ богаче, разнообразнее, чем у первокурсников. Так, у учащихся 1 и 3 курсов распространенность чтения газет и журналов составляет соответственно 21% и 49%, художественной литературы – 36% и 42%, чтения дополнительной литературы, необходимой для работы и учебы, – 5% и 8%, просмотр телепередач – 56% и 83%, занятия любительским самостоятельным творчеством – 16% и 22%¹.

Традиционно серьезное внимание уральских социологов было приковано к *проблемам культуры и планирования культуры*. «Исследования показывают, – отмечалось в выступлении **А. Ф. Шаровой**, – что значительный объем нереализованных потребностей в клубной деятельности образовался вследствие недостатков в работе клубов, которые недостаточно заботятся о внедрении наиболее перспективных форм культурной деятельности, не учитывают изменение ориентации населения, формирующегося и интенсивно изменяющегося в условиях НТР. Планирование конструктивных изменений в деятельности клубов – главный путь повышения социальной эффективности их работы». По данным исследований автора, 40-50% из числа тех, кто в случае увеличения свободного времени предпочел бы участвовать в клубной деятельности, отметили желание посещать любительские объединения. Максимальная ориентация на интенсификацию посещения любительских объединений в наибольшей степени характерна для людей, вообще не посещающих клубы или посещающих их очень редко. Одна из причин этого – недостаточное развитие сети любительских объединений по интересам. Сравнение потенциальных возможностей *роста аудитории кино и клубов* показывает, что перспектива развития каждого из этих учреждений различна. За счет вовлечения групп населения, имеющих неудовлетворенные потребности в посещении кинематографа, его аудитория может быть увеличена максимум на 2-3%, а клубных учреждений – на 10-12%. Клубы имеют более значительные резервы для расширения своей аудитории. Их посещаемость в среднем на 1 жителя в год может быть увеличена в 24 раза»².

Изучение клубной аудитории получило развитие в выступлении **Р. К.**

¹ Там же. С. 53-55, 65-68.

² Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.3. Оренбург, 1980. С. 5-8.

Шеметило: «Клубные учреждения располагают значительным арсеналом средств идеологического и культурного воздействия на широкие слои населения. Но содержание и направленность деятельности большинства из них не всегда согласовываются с интересами отдельной личности. Определить степень соответствия потребностей в клубных формах деятельности реальному состоянию клубной практики позволяет метод *«проективной ситуации»*. Заданная нами идеальная ситуация: «какие клубные мероприятия Вы хотели бы посетить?» - находилась в пределах реального осуществления, строилась по аналогии с имеющейся структурой клубной деятельности. Анализ показал: в современных условиях в клубной практике преобладают традиционные формы клубной работы – кино, лекции, танцы. Их посещает более 80% посетителей клубов. Демонстрация кинофильмов, на наш взгляд, вообще не является имманентно присущей клубу функцией. Лекционная пропаганда, организация вечеров отдыха, танцев – сугубо клубная функция, но клубная практика не привнесла ничего нового в эти формы деятельности. В то же время формы клубной деятельности с высоким духовным потенциалом (диспуты, дискуссии, литературные обсуждения) не получили широкого распространения. Их посещает менее 6% клубной аудитории. Одна из важнейших функций клуба – приобщение к творчеству. Исследования выявили большой интерес горожан к различным видам художественного и технического творчества. Однако в современных условиях клубы реализуют лишь небольшую часть творческих запросов населения. В основном это виды искусства, наиболее популярные у молодежи, – танцы, игра на музыкальных инструментах, вокальное искусство. В меньшей степени удовлетворяются запросы людей в области литературного творчества, живописи. А интересы эти выявлены у сравнительно большой группы населения. Потребность в клубных формах общения выявлена у всех возрастных категорий населения, но особенно у молодежи. Так, у 48% молодых людей в крупном городе и у 43% – в небольшом городе, рабочем поселке один из основных мотивов посещения клуба – желание встретиться с друзьями, знакомыми, сотрудниками по работе в уютной, внедомашней обстановке. В настоящее время клубы утратили свое главное назначение – быть общественным домашним очагом. Это существенно повлияло на снижение популярности клубных форм деятельности у населения¹.

В выступлении **Т. И. Светловой** линия анализа функций *учреждений культуры* была продолжена: «Тезис о комплексном подходе к идейно-воспитательной работе в полной мере относится к деятельности учреждений культуры. Возрастающая интенсивность культурной деятельности человека, более широкий «набор» занятий различных слоев населения в сфере свободного времени требуют нового подхода к проблеме размещения учреждений культуры. Перспективная модель системы учреждений культуры должна учитывать обусловленность характера культурного потребления укладом жизни различных слоев и групп населения, их установками на комплексное удовле-

¹ Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.3. Оренбург, 1980. С. 13-15.

ние духовных потребностей. Поскольку эти варианты сочетаний видов деятельности в сфере свободного времени многообразны и дифференцированы, то и принципы проектирования новых типов культурных комплексов должны образовываться с этим многообразием. Социологическое исследование, проведенное сектором социологии культуры Института экономики УНЦ АН СССР, ставило целью выявить мнения людей о наиболее предпочтительных вариантах кооперирования кинотеатра с различными культурно-бытовыми учреждениями. Подтвердилась актуальность постановки и решения проблемы *комплексного размещения учреждений культуры*. Суммарно по массиву 99% высказались в поддержку идеи кооперирования кинотеатра. Если принять во внимание, что на каждую анкету (всего опрошено 2418 человек) приходится 2-3 варианта ответов, то можно заключить, что примерно 35-40% опрошенных испытывают потребность в сочетании кинопросмотра с другими видами деятельности (посещением кафе, магазина, получением той или иной информации и т. п.). Они составляют подавляющее большинство (72%), поскольку сюда можно отнести и тех сторонников изолированного типа кинотеатра, которые считают значимым наличие в кинотеатре особых комфортных условий (читального и игрового залов, детской комнаты, эстрадного оркестра и т. п.). Идея кооперирования различных учреждений культуры и искусства поддержана большинством участников опроса. Установлена связь между типами кооперирования и характеристиками актуальных зрительских потребностей. Разработка принципов кооперирования различных учреждений культуры должна в полной мере учитывать весь комплекс социально-культурных параметров различных типов городов¹.

В выступлении **В. Л. Барсука** рассматривались проблемы *доступности культуры*, понимаемой им как «совокупность усилий, которые должно предпринять население, чтобы принять участие в культурной деятельности». «Именно доступность, а не обеспеченность дает непосредственную характеристику условий культурной деятельности. Конечно, рост обеспеченности ведет к увеличению доступности, но полного соответствия между этими показателями нет, так как доступность зависит не только от обеспеченности, но и от внешних условий (характер расселения, транспорт и т. д.). Равная обеспеченность различных населенных пунктов может формировать совершенно различную доступность. Доступность означает для населения возможность выбора наиболее благоприятных условий культурной деятельности и выбора самой деятельности». По характеру этих показателей можно выделить три их типа:

- Выбор *наиболее удобного места культурной деятельности* (телевизор можно смотреть дома, кинотеатр может быть расположен ближе или дальше от места жительства и работы, оперный театр есть только в областном центре).
- Выбор *наиболее удобного времени* для участия в культурной деятельности (или частоты, интенсивности этой деятельности).
- Широта выбора типов и конкретных видов культурной деятельности в зависимости от культурных потребностей и интересов.

¹ Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.3. Оренбург, 1980. С.15-18.

Разработка и использование показателей доступности представляется важным элементом совершенствования методики культурного планирования»¹. «Целью планирования развития сети учреждений культуры и их функционирования, – развила эту идею **А. Э. Гущина**, – является наиболее полное удовлетворение духовных потребностей трудящихся. Решение этой задачи связано с расширением доступности учреждений культуры. Проблему территориальной доступности учреждений культуры мы рассматриваем на примере клуба. Поскольку клуб входит в систему учреждений культуры и в более широкую систему обслуживания, с которыми он находится в функциональной и пространственной связи, постольку дислокацию клубов на территории города необходимо рассматривать в связи с размещением других компонентов городской застройки других учреждений культуры (театры, кинотеатры, концертные залы), спортивных сооружений, транспортных узлов, места работы или учебы населения и, наконец, места жительства. Выбор места расположения клубного учреждения не может быть случайным, а должен, соответствовать реально существующим потокам посетителей и их ориентациям. В связи с этим встает задача выяснения «механизма» формирования основных потоков клубных посетителей и расстояния, которое способно преодолеть население». Результаты исследования аудитории клуба, проведенного сектором социологии культуры Института экономики УНЦ АН СССР, убеждают в том, что выбор населением того или иного клуба зависит от характера деятельности посетителя (т.е. от того, посещает ли он кружок и любительское объединение или массовое мероприятие). Выбор клуба для посетителей массового мероприятия оказывается более зависимым от внешних факторов функционирования клубных учреждений, особенно от их расположения, чем для членов клубных коллективов. Анализ «механизмов» формирования потоков клубных посетителей подтверждает существование «критического» расстояния доступности клубных учреждений. Пешеходная доступность клуба составляет расстояние 20-минутной ходьбы. Число людей, идущих в клуб пешком более 20 мин., резко сокращается (число посетителей, тратящих на дорогу до клуба до 20 мин., составляет 83% от всего их числа)»².

В выступлении **Б. Р. Кожуховой** была подчеркнута возрастающая воспитательно-образовательная роль средств массовой информации, особенно *телевидения*, обогнавшего другие виды средств информации по массовости аудитории, по объему времени, многообразию предлагаемых программ. Обобщая результаты социологических исследований, проведенных в Ижевске сектором социологии культуры Института экономики УНЦ АН СССР, она отметила: «Телевидение, как основной источник информации, выделили 51% опрошенных, более 30% отдали предпочтение прессе, и последнее место заняло радио – 19%». «Предпочтение телевидения объясняется его специфическими особенностями, которые проявляются в основных функциях. Условно выделяют четыре социальные функции телевидения. Исследование показало, что зрительские

¹ Там же. С. 18-20.

² Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.3. Оренбург, 1980. С. 27-29.

ориентации определяют такие факторы: квалифицированное и интересное ведение передач, выступление наиболее известных деятелей науки и культуры, участие в передачах знакомых коллективов, артистов и творческих работников, при одновременных передачах ЦТ и Удмуртской студии телевидения на близкую тему пользуется наибольшей популярностью ЦТ. Информационные передачи по ЦТ («Теленовости», «Сельский час») более престижны, чем аналогичные по УСТ («Теленовости», «Сельские встречи»). Эта зависимость выражается, как 76:24, и объясняется тем, что они в наибольшей степени отражают актуальные общественно-политические события, отличаются высоким уровнем подготовки и ведения»¹.

З. Г. Мешковая свое выступление посвятила анализу *телеаудитории*: «Исследуя интересы и установки телезрителей в процессе восприятия телевизионных передач, мы ввели понятия *«распределение интересов»* и *«распределение установок»*. Эти распределения можно определить как совокупность вероятностей, отражающих степень предпочтения телезрителями передач с определенной тематикой (общественно-политической, научно-познавательной, художественной, спортивной). Если в основе распределения предпочтений лежат интересы, то мы имеем распределение. В случае же, когда распределение предпочтений базируется на установках, речь идет о распределении установок. Вывить эти распределения можно путем анкетного опроса телезрителей». «В 1976 г. в Челябинске нами было проведено экспериментальное социологическое исследование. Было опрошено 3 группы телезрителей: инженеры-ремонтники сельского хозяйства (41 чел.), преподаватели техникумов (52 чел.), студенты 5-го курса (53 чел.). Сопоставление полученных в различных группах телезрителей распределений интересов и установок позволило выявить некоторые закономерности. Наиболее дисгармоничными оказались интересы телезрителей-студентов, они имеют самый большой разброс относительно идеального, равновероятного распределения. В группах преподавателей и инженеров интересы распределены более гармонично, здесь в сравнении с другими выделяется лишь интерес к научно-познавательным передачам. Что касается установок, то близкое к оптимальному распределение имеет место в группах преподавателей и инженеров. Здесь они наиболее близки к распределению качества рассматриваемых типов передач. Видимо, причина этого кроется в особенностях сельской жизни, когда телевизор на селе нередко заменяет и театр, и стадион, и лекторий, и выставку»².

В. С. Цукерман поставил важную проблему *изучения народной культуры*: «Народная художественная культура включает в себя не только художественно-творческую деятельность и ее результаты, но весь процесс социального функционирования народного искусства. Границы народной художественной культуры весьма относительны, ряд художественных явлений находится на грани народного и профессионального (академического) искусства, поэтому и выделение основных ее блоков весьма условно». К ним он относил:

¹ Там же. С. 33-35.

² Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.3. Оренбург, 1980. С. 13-16.

- Систему функционирования фольклора как традиционного народного словесно-поэтического и музыкально-хореографического искусства.
- Систему функционирования народного декоративно-изобразительного искусства, включающего в себя:
 - народные художественные промыслы как институционально организованную в рамках специальных предприятий профессиональную деятельность;
 - профессиональную, традиционную художественную деятельность кустарей-ремесленников;
 - непрофессиональную институционально не организованную, осуществляемую на досуге традиционную художественную деятельность народных мастеров.
- Систему функционирования художественной самодеятельности как непрофессиональной институционально организованной художественной деятельности во всех видах и жанрах искусства.
- Систему функционирования неорганизованного любительства во всех видах и жанрах искусства»¹.

Конкретизируя этот подход, **С. И. Глущенко** отмечала: «В числе многих сфер творческой активности советских людей важное место занимает массовая художественно-творческая деятельность. Формы участия в ней весьма разнообразны. Помимо художественной самодеятельности, в котором участвует 25 млн. человек, художественным творчеством занимается большое число неорганизованных, не учтенных в официальной статистике самодеятельных художников, поэтов, литераторов, композиторов, любителей прикладного искусства. Так, среди опрошенных нами на предприятиях Челябинской области трудящихся (опрашивались только не участвующие в организованных формах самодеятельности) 18% самостоятельно занимаются художественной фотографией и киносъемкой, 9% – живописью, графикой, 7% – литературным творчеством, 4% – лепкой, резьбой, чеканкой»².

И вновь мы должны остановиться, пожертвовав своими тезисами (о типе культуры – **Ю. Р. Вишневский**, о политической культуре – **В. Т. Шапко**) и «оставив за кадром» многие интереснейшие выступления. Отметим хотя бы некоторые из них – *о сущности и структуре культуры* (**Л.А. Кленов**), *о диалектике культуры и творчества* (**Н. В. Мартынова**), *о мотивации творческой деятельности* (**Л. В. Бурцева**), *о формировании духовных потребностей личности* (**Н. Н. Михайлов**), *о «критике современной буржуазной социологии» (только так тогда можно было изучать зарубежную социологию)* (**Е. С. Барзгова**,

О. Н. Жеманов, С. Г. Коростылева, С. В. Корнилова и др.), *о «комплексном подходе к коммунистическому воспитанию» (что фактически охватывало целый комплекс серьезных исследований, которые сегодня назвали бы «социология личности»)* (**А. И. Кузьмин, А. В. Меренков, В. Г. Нестеров, В. И. Орлова, А. Г. Пырин, В. Н. Ушаков и др.**).

¹ Там же. С. 34-36.

² Третьи Уральские социологические чтения. Социологические проблемы развитого социализма. Вып.3. Оренбург, 1980. С. 36.

IV УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Они проходили 16-17 ноября 1982 г. в Перми. К этому времени Пермь стала заметным социологическим центром Урала, да и страны в целом, прежде всего, в результате активной творческой деятельности **З. И. Файнбурга** и его коллег по кафедре и лаборатории. На проводимые в Перми семинары и конференции приезжали многие видные социологи из Москвы и других научных центров. Как отмечал **Г. З. Файнбург**: «Только через семь лет после письма Л.Н. Когана с идеей провести первые Чтения в Перми, они состоялись как Четвертые Уральские социологические чтения «XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы социальной политики партии». Но и тогда выступлению З.И. Файнбурга не нашлось место на пленарном заседании: два доклада сделали свердловчане, два – москвичи, а Захар Ильич вместе с Ю. Р. Вишневым, но под присмотром зав. отделом культуры Пермского ОК КПСС (третий руководитель), руководил работой секции: «Методологические и социологические проблемы развития социалистической культуры». В докладе **З. И. Файнбурга** выделялись *ключевые проблемы анализа культуры*:

- категориальный статус понятия «культура», ее многомерность, соотношение с понятием «деятельность»;
- структура культуры – через призму культуры могут быть пропущены все сферы жизни общества;
- методология и методика конкретных социологических исследований в социологии культуры – региональные различия, выделение субкультур, новые формы культурной дифференциации;
- управление культурой – идея «планомерного» развития культуры личности – с акцентом на ее потребности и интересы.

С созвучными идеями выступил **Л. Н. Коган**, давший общий обзор *исследований социологии культуры* на Урале: «С 1962 г. на Урале начались интенсивные исследования проблем социалистической культуры. Основу этих исследований заложил в 1950-х гг. М. Т. Иовчук. Они в последние годы шли в двух взаимосвязанных направлениях:

- а) изучение теории социалистической культуры (культуры как общественного явления),
- б) социологические исследования культурного уровня, культурной деятельности и культурных потребностей трудящихся. В рамках второго направления с 1967-1968 гг. стали интенсивно разрабатываться проблемы планирования и прогнозирования культуры предприятия, района, города, области. Сегодня важно сосредоточить внимание на недостатках этих исследований и дальнейших перспективах их развития.

До сих пор нет единства между двумя указанными направлениями. Уральские социологи одними из первых поставили задачу изучения социалистической культуры во всем ее объеме как человекотворческого содержания любой человеческой деятельности. Между тем, социологические исследования главным образом ограничиваются лишь сферой духовной культуры. Этот разрыв ярко

проявился и в последней коллективной монографии «Культурная деятельность» (М., 1981). Изучение проблем культуры производства, культуры быта, экологической и физической культуры, нравственной культуры и т. д. только начинается и не вышло из стадии первоначальных поисков. Многие теоретические разработки проблем культуры (понятия и структуры культуры, культурного уровня, культурной деятельности и т. д.) еще не вышли на Операциональный уровень и не могут использоваться в эмпирических исследованиях.

- Исследования проблем культуры на Урале традиционно замыкались главным образом на изучении социальных институтов культуры и планировании их развития. Крайне мало внимания уделялось человеку, особенностям его культурной деятельности в современный период. Лишь недавно этот недостаток стал преодолеваться.
- Уральские исследователи проблем культуры в основном занимались проблемами культуры города. Между тем ныне особенно актуальными являются проблемы интенсификации культурной жизни сельского населения, тем более что значительная часть региона относится к Нечерноземью.
- Далеко не все исследования, проведенные уральскими социологами культуры, стали достоянием широкой научной общественности страны. Огромное количество материалов «осело» в отчетах, справках и не получило выхода в широкую научную печать.
- Крайне недостаточно выявлены особенности развития культуры в регионе, причины отставания Урала по ряду важных показателей от других регионов страны. Очень редко анализируются социальные различия в культуре в территориальном аспекте.
- Исследования в области культуры ведутся на Урале весьма неравномерно. Они сосредоточены в двух центрах – Свердловске и Перми, причем оба эти центра работают без должной связи друг с другом. В последнее время исследования по проблемам культуры стали развиваться в Челябинске и Н. Тагиле. В Курганской, Оренбургской областях и в Удмуртской АССР такие исследования развиты пока еще очень слабо»¹.

Проблемам *культурного наследия* посвятил свое выступление **Э. А. Баллер**: «Одним из важнейших компонентов культурно-исторического процесса как составной части социального прогресса является *культурное наследие*, которое можно определить в широком смысле – как совокупность связей, отношений и результатов материального и духовного производства прошлых эпох – и в более узком смысле – как сумму ранее созданных культурных ценностей, подлежащих критической оценке и пересмотру, использованию и дальнейшему развитию в соответствии с конкретно-историческими задачами современности, в контексте объективных критериев общественного прогресса. Человек всегда был и является субъектом культурно-исторического процесса, творцом мировой КУЛЬТУРЫ во всех ее многочисленных формах и проявлениях: без деятельности человека, без ее воплощения в универсальном процессе освоения и переустройства действительности нет и не может быть культуры. Но человек не

¹ Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция культуры. Пермь, 1982. С. 3-4.

только субъект, он и объект культурно-исторического процесса, ибо то, что создается обществом, должно служить человеку: каждый человек должен иметь возможность (не абстрактную, а реальную) свободно пользоваться культурными благами, созданными человечеством на протяжении веков, и в полную меру участвовать в дальнейшем развитии культуры. Однако один из парадоксов всемирной истории состоит в том, что культура и человек, казалось бы, настолько органически взаимосвязанные, что само их существование друг без друга невозможно, в реальном историческом процессе оказались в состоянии разъединения»¹.

Е. Н. Зиновьев поставил вопрос о *взаимосвязи культуры и деятельности*: «Как осуществляется процесс «приобщения» индивида к «совокупному опыту человечества»? Через деятельность, и не просто деятельность, а обмен деятельностями. Культура же в этом плане выступает как система, обеспечивающая передачу от индивида к индивиду деятельностных способностей или «сущностных сил». Но обмен такой деятельностью, которая в глазах людей приобретает какое-то значение и смысл, далее, передача этих сущностных сил осуществляется через процессы принятия и непринятия тех ценностей, которые осваивает человек в процессе окультуривания. Предполагаем, что должен существовать какой-то интеграционный механизм, обеспечивающий приобщение к социуму и овладение индивидом культурными ценностями, принятыми в обществе. Таким механизмом является идентификация. Идентификация – есть процесс интериоризации стереотипов деятельности и мышления, принятых в обществе на определенном этапе общественно-исторического развития»².

Развивая этот подход, **Л. И. Любченко** отмечал: «Связь Деятельности и Культуры опосредуется введением категории сущностных сил человека. Такой подход представляется методологически более правильным, чем прямое отождествление культуры и деятельности. Но и на этом пути возникают определенные теоретические трудности. Во-первых, возникает вопрос: почему связь деятельности и культуры опосредуется только лишь одним звеном – сущностными силами человека? Возможно ли введение еще и других звеньев? Например, общественных отношений, которые также как и сущностные силы человека неотделимы от человеческой деятельности. Далее возникает более конкретный вопрос, относящийся уже к применению в этой концепции категории «мера». Он может быть сформулирован в следующем виде: что собой по содержанию представляет культура как мера реализации сущностных сил человека? Мера в теории материалистической диалектики выступает единством качественной и количественной определенности предмета. Единством каких же количественных и качественных параметров сущностных сил человека выступает культура? При такой постановке вопроса мы выходим уже на иные горизонты исследования культуры, важнейшим из которых является развитие представлений о системности и целостности количественных и качественных сторон сущностных сил человека. Но пока такие представления не развиты в определен-

¹ Там же. С. 7-8.

² Там же. С. 11.

ную теорию, понятие «мера» не имеет полного категориального статуса. И тут предстоит проделать еще большую работу»¹.

Ряд выступавших рассматривали особенности конкретных видов культуры. **В. Ю. Сморгунова** характеризовала *политическую культуру* как «качественную характеристику политической деятельности, которая объективируется в реальном участии человека в политической жизни. Политическая культура, являясь способом осуществления политической деятельности, выраженном в уровне практического и теоретического освоения человеком политической реальности, представляет собой единство политических знаний, способа политического мышления, политических чувств и оценок, политических норм, традиций и обычаев, а также основанных на них стереотипов политического поведения, установок на политическую деятельность, моделей политической активности. Политическая культура общества существует в формах политической деятельности людей, в типах политического мышления, в функционирующих в обществе политических институтах. В связи с этим требуется отметить, что правомерно исключение из содержания политической культуры самого политического действия, конкретного политического поведения, поскольку не действие, а его модель, способ, навык по его реализации входит в политико-культурную сферу. Политическая культура, таким образом, не включает в свою содержательную структуру политическую деятельность, а находит в ней свое реальное воплощение, опредмечивается в ее результатах, реализуется в конкретных ее формах. Политическая культура как сложное структурное образование реализует в процессе своего существования ряд присущих ей функций. Роль центрального звена в системе функций политической культуры выполняет нормативная функция – функция стабилизации политической системы, элементом которой и является политическая культура»².

Л. А. Кленов уточнил трактовку *материальной культуры*, которая «представляет собой человеческое содержание материально-преобразующей деятельности общества, а в качестве сердцевины материальной культуры можно рассматривать развитие человека как главной производительной силы и прежде всего развитие его производительных способностей. Материальное производство является основной, но не единственной сферой существования материальной культуры. Не менее важную роль в жизни общества играет материальная культура непродуцированной сферы человеческой деятельности – материальная культура быта, физическая культура и т. д. Представляя собой человеческое содержание материально-преобразующей деятельности, материальная культура является объективной основой прогресса всей культуры общества»³.

Выступление **В. С. Цукермана** было посвящено проблематике *художественной культуры*. Она определялась им как «система социального бытия искусства, характеризующая степень формирования и реализации сущностных сил социального субъекта (личности, группы, класса, общества) в художе-

¹ Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция культуры. Пермь, 1982. С. 13.

² Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция культуры. Пермь, 1982. С. 21-23.

³ Там же. С. 24-26.

ственном освоении действительности». «В этом определении мы попытались выявить её сущностные характеристики:

- а) она представляет собой определенную систему общественных связей, концентрирующихся вокруг и по поводу искусства;
- б) художественная культура, как и культура в целом, представляет собой процесс и результат формирования и реализации человеческих сущностных сил;
- в) этот процесс осуществляется как художественное освоение действительности».

«В самом общем виде структуру художественной культуры общества можно представить как единство следующих блоков:

1. Субъект художественной деятельности.
2. Художественная деятельность.
3. Результаты художественной деятельности.
4. Условия и факторы осуществления художественной деятельности. Последние, впрочем, лишь частично относятся к художественной культуре, будучи объективными условиями ее функционирования и развития»¹.

По мнению **Д. А. Лалетина**, *«эмпирические социологические исследования культуры* должны раскрывать именно социальность любого исследуемого феномена, выявлять культурный, человекотворческий аспект действительности общества. Они должны быть направлены на выявление меры раскрытия социальных сил человека в рассматриваемых явлениях, влияние этих явлений на человека, на формирование личности, их значения для функционирования и развития социальности и социума. Проводимые в настоящее время конкретные исследования культуры чаще всего направлены на изучение одного из двух обобщенных объектов: либо личности в ее взаимодействии с различными институтами общества, либо самих этих институтов, сфер деятельности и т. п. В первом случае выясняются количественные показатели потребления духовной культуры – частоты и длительности контактов людей с носителями, продуктами духовной культуры: посещение кино, театров и концертов, число книговыдач, приобретенных для личных библиотек книг. Во втором случае речь идет об исследовании культуры производства, труда, быта, поведения, общения, управления, торговли, обслуживания. Однако в первом случае исследуют, строго говоря, не культуру, а лишь некоторые условия ее проявления – приобретение книг далеко не всегда осуществляется для удовлетворения высоких духовных, культурных потребностей; факт прочтения определенной книги или посещения концерта, кино, спектакля еще не показывает, каков культурный результат, культурный, человекотворческий эффект данного факта. Что и как воспринято личностью в результате ее контакта с книгой, спектаклем, кинофильмом, телепередачей? Как раскрываются и развиваются социальные силы человека в процессе и в результате таких контактов? Эти вопросы только намечаются, хотя именно они и составляют задачи исследования культуры»².

¹ Там же. С. 46-47.

² Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция культуры. Пермь, 1982. С. 26 -27.

«Социологический анализ культуры, – подчеркнул **В. Л. Соболев**, – требует инструментального подхода к ней, для чего необходимо выделить социологическую «клеточку», смысловой (неделимый) «атом» культуры как основу этого анализа. Этих «клеточек» может быть несколько, но они должны быть сводимы друг к другу. В анализе процесса производства культуры такой «клеточкой» является *потребность*. Потребности делятся на две категории: материальные и мотивационные. Первые определяют условия бытия индивида и общества, создают фон для развития культуры, вторые определяют направление развития культуры, развитие тех или иных ценностей. Потребности изменяются объективно, независимо от человека, но предметно воздействуют на него. Поскольку потребности легко фиксируются, то по их содержанию и направленности можно определить направленность культурного производства. Клеточкой функционального момента культуры является единичный акт общения. Только общение научает человека тому, что есть вещи, которые не принадлежат его опыту, но существуют в опыте других, что есть переживания, которые он не испытывал, которые, однако, «реальны», поскольку существуют в сознании других людей»¹.

В трактовке **А. Г. Маслеева** *экологическая культура* не должна рассматриваться лишь «как определенное средство, механизм оптимизации и регулирования взаимодействия производительной деятельности человека и окружающей его природы». При таком подходе, по его мнению, «имеет место неоправданное сужение рамок экологической культуры – в своей конечной направленности она имеет целью не только сохранение природы, но и развитие самой личности, создание предпосылок для ее всестороннего и гармоничного развития. Первое предполагает второе, является средством его осуществления. Поэтому нельзя сводить экологическую культуру лишь к сфере материально-практического взаимодействия с природой. Экологическая культура не может быть ограничена только материальной или же только духовной сферами проявления: она представляет собою сквозной срез культуры в целом. Задача развития экологической культуры в социалистическом обществе предполагает поэтому учет диалектической взаимосвязи ее духовных и материальных элементов при определяющей роли последних. К духовным элементам экологической культуры общества следует отнести:

- а) формирование у каждого человека высоконравственного, бережного отношения к природе;
- б) эстетическое восприятие окружающей природы;
- в) мировоззренческую оценку взаимодействия общества и природы;
- г) построение научно обоснованного социально-экологического идеала»².

В выступлении **С. И. Глущенко** обобщались результаты исследований *самодетельного художественного творчества*. Оно рассматривалось ею как «один из наиболее распространенных видов деятельности масс в свободное время – характеризуется особой вариативностью форм соотношения коллек-

¹ Там же. С. 51.

² Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция культуры. Пермь, 1982. С. 53.

тивного и индивидуального начал: от наибольшей степени проявлений коллективности, объединения усилий в деятельности различных коллективов художественной самодеятельности до наименьшей степени проявления коллективного момента в творчестве представителей «неорганизованного» или «индивидуального» художественного любительства. Результаты опроса около 500 любителей демонстрирует богатое разнообразие форм соотношения в любительстве индивидуальных и коллективных проявлений. Для него характерно индивидуальное, единоличное осуществление творческого процесса (64% респондентов занимаются в одиночку). Но 36% работает совместно с членами семьи, друзьями, коллегами по трудовому или творческому объединению; 32% являются членами различных творческих объединений, которые, отличаясь от кружков, коллективов художественной самодеятельности степенью самоуправляемости, содержанием и организацией деятельности, оказывают интегрирующее, направляющее воздействие на своих членов. 42% опрошенных предпочитают заниматься в одиночку, но столько же приняли бы участие в работе творческого коллектива при условии создания такового. Своеобразное сочетание коллективных и индивидуальных моментов проявляется и в мотивационной структуре любительских занятий, стимулируются они и соображениями более внутреннего, личностного порядка. Стремление раскрыть свои способности отметили 30% опрошенных, желание отдохнуть, сменить вид деятельности – 35%, добиться успеха, выделиться среди окружающих – 8%. Симптоматичной оказывается оценка любителями направленности и значимости творческих занятий: по мнению 9% респондентов, они ведутся только для удовлетворения собственных интересов, потребностей; 65% считают, что и для других, и для себя; 10% – «чаще всего для других»¹.

Л. А. Марголин – на основе материалов социологических исследований, проведенных в учебных заведениях Н. Тагила – выявил «противоречие между значительными возможностями использования кинематографа, телевидения, радио, периодической печати и сравнительно небольшим коэффициентом их использования в учебно-воспитательном процессе. Особенно это противоречие видно в характере использования *учебных программ телевидения*. Хотя их качественный уровень высок и проводят их наиболее квалифицированные специалисты, используя большие иллюстративные возможности телевидения, лишь 12% опрошенных учащихся школ, ГПТУ и студентов-заочников педагогического института в какой-то мере обращаются к ним»².

В выступлении **Ю. П. Петрова** рассматривалась возникшая на основе роста материального благосостояния трудящихся и перехода к всеобщему среднему образованию новая социально-образовательная ситуация, к которой далеко не каждая семья оказалась подготовленной. На основе исследования 10%-й выборки родителей старшеклассников школ Нижнего Тагила были выявлены следующие проблемы *в развитии социально-педагогической культуры городской семьи*:

¹ Там же. С. 56-57.

² Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция культуры. Пермь, 1982. С. 67.

1. Всеобщее среднее образование «наступает» сегодня на молодые возрастные слои (родителей дошкольников), среди родителей старшеклассников имеют полное среднее образование и выше только 58% (родители юношей) и 50% (родители девушек): создалась полярность в уровне образования «отцов и детей». Только 4% опрошенных родителей могут разобраться в учебной программе своих детей по всем предметам. На вопрос «Как развиваете вы у сына интерес к учению?» 12% ответили: «никак, пусть сам», 50% – «слежу за дневником», 36% – «кое-что советую». Ориентацию на самообразование мы обнаружили только у 55% родителей юношей и у 42% родителей девушек, познавательный тонус остальных семей не может стимулировать непрерывное образование, стремление к которому должно стать единым и у детей, и у отцов.

2. Высокая обеспеченность детей в современной семье (60% старшеклассников по нашей выборке бывали с родителями на отдыхе в южных курортных городах, половина – в Москве, четверть – в Ленинграде) ориентирует их более на потребление, чем на созидание. Этот «перехлест» характеризует сегодня снижение социально-педагогической культуры семьи (своеобразное стремление родителей за неимением педагогических умений «откупиться» от трудных проблем воспитания): сыновьям-старшеклассникам на карманные расходы четверть опрошенных родителей дает 4-10 руб. в неделю; в каждой четвертой семье стоимость подарка сыну к дню рождения составляет 20-100 руб., причем подарок по своему содержанию ориентирует не на развитие познавательных интересов, а преследует чаще всего престижно-потребительские цели подростка. 45% мальчиков-старшеклассников имеют музыкальные инструменты, но умеют играть на них лишь 9% всех опрошенных, зато у 45% есть магнитофон, у 56% – проигрыватель, заменяющие им «активную» музыку. У 50% есть фотоаппараты, но на развитие художественной или юнкорской фотографии они не «работают». Морально-трудовая компенсация потребленного подростком благо организуется родителями неумело. Только о 28% сыновей и о 52% дочерей родители говорят как о помогающих в домашнем хозяйстве по собственной инициативе (4% сыновей не помогают даже по просьбе). Только в 1/5 семей юношей и в 1/4 семей девушек обязанности по домашнему хозяйству четко распределены между членами семьи»¹.

С. Г. Панова и А. Ф. Шарова предложили разрабатывать по трем блокам *«проект культурно-просветительной деятельности»*:

- дислокация в пространственной системе мест сосредоточения населения. Звеньями такой системы являются: место работы, жительства, общественный центр;
- особенности формирования социально-демографической структуры территориальных общностей и групп людей, образующихся на основе совместного участия в том или ином виде культурно-просветительной деятельности. Здесь возможны различные типы классификации общностей;
- функциональная специфика различных территориальных зон в составе городов и районов, формирующаяся в результате развертывания в пространстве го-

¹ Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция культуры. Пермь, 1982. С. 69-70.

родской культурной среды различных видов культурно-просветительной деятельности. Важная проблема – изучение моделей культурной деятельности поселений с разным уровнем урбанизированности городской среды»¹.

Р. К. Шеметило познакомила участников Чтений с результатами исследований, проведенных сектором социологии культуры Института экономики УНЦ АН СССР в 1976-1981 гг. в городах Свердловской области и некоторых других регионах страны. Трудящиеся Северского трубного завода (г. Полевской Свердловской области) так оценили роль своего Дворца культуры в организации их досуга: 36% посещают клуб наравне с остальными учреждениями культуры, 30% отдают предпочтение другим очагам культуры и лишь 16% реципиентов считают клуб излюбленным местом проведения досуга. Наивысшая ориентация на клуб отмечена у молодых рабочих. 60% из них посещают клуб чаще других учреждений культуры или наравне с ними. Среди молодых ИТР и служащих-специалистов людей, отдающих предпочтение клубным формам общения, почти в 2 раза меньше (37%). Анкета «Ваш досуг и учреждения культуры» позволила определить место клуба в структуре досуга трудящихся предприятий на перспективу. Трудящимся предприятий Свердловска, Каменск-Уральского, Невьянска, Качканара, Верхотурья, Ивделя был задан вопрос, как они хотели бы использовать дополнительное свободное время, если бы оно у них появилось. Полученные ответы позволили сделать вывод: значительного повышения активности посещения клубных мероприятий не предвидится².

Н. И. Шаталова исследовала *роль телевидения в семейном досуге*. Ею было выявлено противоречие: с одной стороны, в семьях отсутствует регулирование телепросмотра, с другой стороны, – до 13% опрошенных указали на тот факт, что они видят моменты отрицательного влияния телевидения на человека. Объяснение этому таково – телевизор в современной семье уже не является дорогостоящим предметом культуры, а вошел в ее повседневный быт и воспринимается как необходимое условие существования. Во многих современных семьях телевидение является «фоном» других видов внерабочей деятельности. Так, в 18% семьях опрошенных нами телезрителей часто складывается ситуация, когда телевизор включен, но специально его никто не смотрит. Только 39% указали, что телевизор в таких случаях обязательно выключается. По ответам опрошенных, с телесмотрением обычно совмещают приготовление еды, шитье, вязание, утюжку белья и т. п., т. е. типично «женские» домашние дела. Следовательно, недостаточное количество свободного времени у женщин компенсируется новым, бытовым положением телевизора в доме, когда он сопровождает их домашнюю работу. Потому время просмотра телевизора среди женщин практически равно этому времени у мужчин, несмотря на то, что период женского досуга на 1,5-2 часа меньше мужского»³.

Ряд интересных идей был обоснован на *Секции социологии личности*. Так, по мнению **А. М. Бекарева**, «чтобы правильно представить соотношение между личностью и обществом, необходимо признать относительность разли-

¹ Там же. С. 74-75.

² Там же. С. 78-79.

³ Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция культуры. Пермь, 1982. С. 81.

чия между системностью общества и элементарностью личности. Личность есть не только элемент общества, но и относительно самостоятельная система, взаимодействующая с обществом. К. Маркс отстаивал идею тождества индивида и общества. Эта идея может быть истолкована и как конкретное тождество систем личности и общества»¹.

Развивая данный подход, **А. Л. Ильин** отмечал: «*Единство социальной сущности личности и общества* определяет принадлежность личности к социальной системе. Однако, сущность личности как элемента общественной системы не является абсолютно тождественной сущности общества. Сущность системы представляет «совокупность», «единство», «тотальность» сущностей ее элементов, образующую «органический ряд звеньев», где сущность каждого элемента выступает производной от сущности системы, и чем больше развит элемент, тем более развита его сущность, тем полнее она выражает субстанциальную сущность системы. «Стремление» элемента к полному выражению сущности системы не приводит к идентификации элемента с ней. Его развитие предполагает и совершенствование его особенностей, своеобразия. Элемент выражает системную сущность в специфической форме. Так, сущность личности, будучи определена сущностью общества, по необходимости является либо более особенным, либо более всеобщим проявлением последней. Не случайно поэтому при выявлении сущности личности К. Маркс указывал на ее (только ей присущее) «социальное качество». Таким образом, рассмотренная в качестве элемента системы общества, личность обладает особой, специфической сущностью, которая заключается в индивидуализированной социальности, в общественных отношениях, существующих между ней и обществом»².

Выступление **Т. А. Ветошкиной** было посвящено анализу понятия «сущностные силы»: «Сущностные силы человека формируются, проявляются и развиваются только в деятельности. Деятельность – это процесс, способ реального бытия сущностных сил человека. В процессе деятельности по преобразованию предметного мира человек раскрывает все богатство своих сущностных сил. Благодаря им он реализует и утверждает себя в объективном мире. Всесторонняя самореализация личности происходит в процессе самодеятельности – свободной, сознательной творческой деятельности по внутренней потребности человека. Конечно, не всякая человеческая деятельность есть самодеятельность. Деятельность становится самодеятельностью лишь тогда, когда человек в ней и посредством ее раскрывает и утверждает себя как личность. Следовательно, всестороннее и целостное развертывание вовне, опредмечивание сущностных сил человека, богатства его способностей, потребностей, средств потребления, индивидуальных производительных сил происходит в процессе самодеятельности. Но понимание самореализации как процесса объективации (опредмечивания) человеческих сущностных сил в процессе самодеятельности, на наш взгляд, недостаточно. Нельзя сводить самореализацию только к процессу объективации сущностных сил человека, как это делают некоторые авторы. Сущ-

¹ Там же. Секция социологии личности. С. 5.

² Там же. С. 6-7.

ностные силы человека формируются и реализуются и в процессе опредмечивания, и в процессе распредмечивания, присвоения личностью общественных отношений. Единство опредмечивания и распредмечивания – диалектический процесс бытия сущностных сил человека. В труде человек объективирует присущие ему сущностные силы и тем самым утверждает себя в предметном мире. Одновременно происходит обратное превращение свойств предметов в деятельные способности человека. Всякий акт опредмечивания представляет собой одновременно и распредмечивание сущностных сил человека – в этом одно из непрерывно возникающих и разрешающихся противоречий процесса труда. Личность объективирует (реализует) себя в процессе субъективации общественных отношений, ценностей культуры. Однако самореализация личности есть не только диалектическое единство объективного и субъективного, но также и единство общего и отдельного. Человек осуществляет свою родовую сущность в своей индивидуальной жизнедеятельности. Самореализация всегда несет на себе печать индивидуальности личности. Поэтому самореализация есть осуществление родовой сущности человека в индивидуальной форме. Необходимо отметить и то, что самореализация – индивидуальный по форме, но общественный по содержанию процесс»¹.

А. В. Вехов подчеркнул важность «определения основных аспектов анализа человеческой деятельности, которые имеют решающее значение для раскрытия содержания и изучения культурного уровня». По его мнению, «раскрытие понятия «культурный уровень» должно идти не по пути отождествления с той или иной деятельностью или с ее отдельными элементами, а через рассмотрение любой деятельности как процесса и результата *реализации человеческой свободы*». Особое значение при этом должно придаваться характеру деятельности, выражающемуся в содержании, способах, направленности, результативности деятельности. Исходя из этого, важное значение для определения культурного уровня имеют два основных аспекта анализа деятельности. Первый – выявление социальной направленности деятельности человека, гармоничности сочетания различных видов деятельности, их взаимосвязи и взаимообусловленности. Этот подход позволяет ответить на вопрос, чем занимается субъект культуры, как его деятельность соотносится с системой деятельности общества, насколько она соответствует этой системе, и тем самым, насколько соответствует культуре общества. Понятно, что исторически-определенный тип культуры отнюдь не обуславливает инвариантности структуры и содержания культурного уровня всех субъектов. Каждый человек при наличии общих черт данного типа культуры обладает особенностями, определяемыми различиями социально-классовой среды, в которой происходит его становление и развитие, различиями видов деятельности, с которыми он наиболее тесно связан, различиями в степени активности»².

«Общественные потребности человека, в отличие от его физических потребностей, – подчеркнула **Н. А. Скоробогатская**, – даны ему не непосред-

¹ Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция социологии личности. Пермь, 1982. С. 6-7.

² Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция социологии личности. Пермь, 1982. С. 19-20.

ственно, а предметно, будучи воплощены в предметной среде, составляющей «неорганическое тело человека». В предметной, внешней по отношению к человеку, форме своего существования, общественные потребности кристаллизуются в виде *ценностей культуры*. Ценности культуры носят нормативный характер, вследствие чего они выступают своеобразным «алфавитом» деятельности человека. Построенная в соответствии с требованиями культурных норм, деятельность человека является способом реализации его сущностных сил, формой осуществления общественных потребностей. Усвоение человеком ценностей культуры в зависимости от общественных условий и уровня сознательности субъекта носит двоякий характер. Оно может выступать в виде простого тиражирования культурной ценности в массе индивидов, примером чего является массовая культура. Культурный прогресс выражает процесс гуманизации человека, но, с другой стороны, культуре присуща и тенденция к ритуализации, вследствие чего она может сыграть и консервативную роль. Но усвоение может носить и творческий характер»¹.

В. Н. Вьюжанин в своем выступлении обратился к *проблематике цели жизни*: «Рассматривая цель как идеальный образ будущего результата определенной активности личности, по его мнению, важно выделять наряду с целью действия (действий) и целью деятельности *цель жизни*. В ней личность как бы самопроецирует себя в будущее, включает это будущее и возможность его достижения в свое настоящее бытие. Жизненная цель, цель-план является интегрированным идеальным выражением определенной совокупности личных потребностей и интересов. Она как бы снимает их, одновременно подчиняя себе, выстраивая в некоторый иерархизированный ряд. Предпочтение и реализация одних, отбрасывание или временное игнорирование других осуществляется в соответствии с тем, насколько их реализация способствует исполнению жизненной цели. При этом она не только отражает в себе потребности и интересы личности, но в определенной степени (как осуществляющаяся цель) и порождает новые. Отдельные формы социальной активности приобретают единый смысл и оцениваются как средства достижения этой цели, оказываются подчиненными этой «сквозной» детерминанте, благодаря чему жизнедеятельность личности приобретает целенаправленность и, значит, качество целостности»².

А. М. Баландин и М. А. Слюсарянский, конкретизируя социологию личности, рассмотрели *проблемы ценностных ориентаций*: «Человек всегда совершает выбор между различными вариантами поведения и тем самым управляет своими действиями. Действие совершается под влиянием ситуации на основе внутреннего механизма выбора. Составной частью этого механизма являются ценностные ориентации личности. Они тесным образом связаны с престижем профессий и, в частности, оказывают значительное воздействие на профессиональную ориентацию. Ценностные ориентации личности имеют сложную структуру. Различные ценности образуют более-менее целостную систему, где ее части составляют единое целое. Но в системе ценностей определенные ее ча-

¹ Там же. С. 23-24.

² Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция социологии личности. Пермь, 1982. С.31.

сти могут составлять более или менее самостоятельные звенья и противоречить друг другу». На основе данных проведенного *лабораторией социологии Пермского политехнического института* исследования авторы отметили «глубокую связь структуры ценностей и престижа профессий. Выявленная в результате исследования связь между ценностными ориентациями и престижем профессий школьников позволяет через формирование тех или иных ценностей, изменение их структуры в определенной степени управлять профессиональной ориентацией выпускников»¹.

Проблемы образа жизни обсуждались на Чтениях на самостоятельной секции. **Г. В. Мокроносов** и **С.И. Минеева** отметили значимость понятия «образ жизни» «для характеристики содержания и способов, форм организации совместной жизнедеятельности людей – народов, наций, классов, групп, личностей – во всех сферах их реального бытия». Несмотря на абстрактность, по их мнению, «именно эта категория позволяет включить в объект научного анализа реальный процесс жизни людей»².

Целый ряд теоретических проблем «образа жизни» были рассмотрены в выступлении **Г. Е. Зборовского**: «Целостность социалистического образа жизни – одна из основных качественных характеристик, которая может быть рассмотрена на уровне любого субъекта способа деятельности, будь то личность, социальная группа или общество. Под целостностью образа жизни личности понимается: а) «представительство» в нем всех основных форм и видов деятельности, б) наличие разумных пропорций между ними, в) реальное существование взаимосвязей и взаимозависимостей между основными формами и видами деятельности, г) направленность социалистического образа жизни на прогрессирующее развитие личности, что дает целостность социалистического образа жизни для развития личности? Во-первых, она обеспечивает единство всех основных форм и видов деятельности. Во-вторых, предполагает наличие доминанты – в структуре способа деятельности в виде такой деятельности, которая имеет ведущее значение не только объективно (например, производственный труд для рабочего или учеба для школьника), но и субъективно выделяется человеком как наиболее предпочтительная среди других. Здесь оптимальный вариант – совпадение объективно и субъективно значимых видов деятельности как доминант образа жизни при социализме. В-третьих, целостность социалистического образа жизни предполагает включение личности в многообразную и социально полезную и значимую деятельность, в которой реализуется связь личных и общественных интересов. Достижение целостности социалистического образа жизни связано с преодолением ряда противоречий, носящих по отношению к личности как внешний, так и внутренний характер. Внутрличностные противоречия проявляются в известном «расколе» способа деятельности на малосвязанные, иногда автономные и относительно изолированные виды и формы деятельности. Значимость этих видов и форм деятельности для человека оказывается весьма разнородной, так что он сам явственно ощущает «водораз-

¹ Там же. С. 41-43.

² Там же. Секция социалистического образа жизни. С. 3.

делах» в своей жизни и обособленность ее отдельных сфер и областей. Внутриличностные противоречия могут иметь место в результате «разрыва» ценностных ориентаций, установок, ожиданий и т. д. Иными словами, отсутствие «слитности» в состоянии сознания и конкретных поведенческих ситуациях, как результат расчлененности образа жизни личности, как следствие присущих ему внутренних противоречий может быть «снято» лишь на пути создания целостного способа свободной деятельности человека во всех его основных жизненных проявлениях»¹.

В выступлении **Б. А. Родионова** отмечалось, что «*культура общения* претерпевает ныне большие изменения. Стиль общения, а с ним и его стилистика, как верно отмечает известный драматург А. А. Арбузов, стали иными. Из обихода стали уходить беседы как соучастие в разговоре. Мало пишется писем: телеграммы заменяют письма, телефоны заменяют письма, нет больше понятия «речевой этикет». Много говорят сегодня и о дефиците общения. Но резонно спросить: какого общения – утилитарного, делового или творческого? Большое влияние на развитие общения оказывает современный размах жилищного строительства, переселение людей в отдельные, благоустроенные квартиры. Все это, с одной стороны, создает лучшие условия для внутрисемейного общения, но, вместе с тем, снижает в известном смысле межсемейное общение. Высокий темп жизни в городе, строгий режим, дефицит свободного времени, жесткое расписание дня, в которое приходится порой «вписываться», помимо ситуативного интереса, часто заставляют человека отгораживаться от решения нравственных конфликтов, свидетелем которых ему доводится бывать. Постепенно ссылки на занятость, на необходимость выполнения более важных задач могут привести к моральному равнодушию»².

Развитием данного подхода стало выступление **Э. В. Проворовой** – о *функциях общения*: «В структуре жизнедеятельности трудового коллектива общение, выступая в его наиболее «естественной» форме – в форме межличностных контактов – выполняет ряд функций, среди которых с известной долей условности можно выделить:

- *интегративно-коммуникативная функция* характеризует межличностное общение в коллективе с позиции способности к своеобразному «умножению» духовного потенциала отдельной личности посредством взаимобмена информацией, взаимовосполнения индивидуально-личностного опыта. По каналам межличностного общения циркулируют самые разнообразные сведения: производственно-технологические, друг о друге, о событиях внутри и вне коллектива и т. д., но в любом виде общение в коллективе выступает не столько как обмен информацией, сколько как процесс взаимного воздействия и влияния;
- *регулятивно-коммуникативная функция* общения тесно соотносится с организационно-управленческой структурой коллективной деятельности. Рассматриваемое с этих позиций общение выступает в системе социалистического образа жизни тем «живым» механизмом, посредством которого реализуются про-

¹ Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция социалистического образа жизни. Пермь, 1982. С. 11-12.

² Там же. С.22-23.

цессы согласования, координации и оптимизации коллективного взаимодействия, происходит становление и утверждение общественной направленности личностных интересов и потребностей, ценностно-ориентационных установок;

- *экспрессивно-коммуникативная функция* межличностного общения включает в себя такую его интимно-личностную разновидность, как дружеские и товарищеские связи членов производственного коллектива в сфере их свободного времени. Характеристиками этой функции общения выступают диапазон, интенсивность, направленность, а также ценностные ориентации участников общения, проявляющиеся в мотивах выбора друзей и др.»¹.

Л. Я. Рубина посвятила свое выступление *образу жизни студенчества*: «Специфика образа жизни студенческой молодежи определяется ее положением в социальной структуре общества, т. е. тем, что эта группа: а) *социально-демографическая* (часть молодежи); б) *общественная* (со своими формами организации жизни и способами проявления активности, отличающими ее от основных классов и социальных групп); в) *переходная* (находящаяся в стадии становления, нацеленная на включение в систему социалистических общественных отношений через «вхождение» в конкретные отряды интеллигенции). Важнейшей особенностью вузовской молодежи является высокий динамизм; интенсивность всех социальных процессов как результат изменяющихся объективных условий образа жизни студенчества в развитом социалистическом обществе и роста активности самой молодежи, ее непосредственного участия в многогранной общественной жизни. Социологический подход к анализу образа жизни студенчества предполагает выявление этих особенностей через механизм деятельности, в котором объективное (положение и организация вузовской молодежи, условия ее жизни) как бы преломляется в субъективном (потребностях, интересах, планах, ориентациях и других элементах сознания, играющих регулятивную роль в реальном поведении)»².

Важный аспект анализа – может быть, в сегодняшних условиях наиболее устаревший, – *формирование научно-материалистического, атеистического мировоззрения*. Но нельзя не упомянуть о некоторых посвященных этой проблеме докладах на Чтениях: религиозность как предмет социологического исследования (**М. Ф. Калашников, В. Г. Попов**), этико-эстетические аспекты атеистической работы (**Б. А. Юферов, В. А. Капранов**), социальная функция религии (**Е. А. Карповский**).

Заметное место, как и на предыдущих Чтениях, занимала – на специальной секции – *проблематика социального планирования региона, города, предприятия*.

«Объектом социально-экономического планирования в регионе, – отмечал **Ю. М. Вассерман**, – являются социальные отношения, носителями которых выступает население данного региона. Эти отношения изменяются в результате деятельности людей, протекающей как в пределах данного региона, так и вне его. Поэтому предметом регионального социально-экономического

¹ Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция социалистического образа жизни. Пермь, 1982. С. 27-29.

² Там же. С. 42-43.

планирования становится система деятельности, протекающей в данном регионе. В существующих условиях субъектами социально-экономического планирования в регионе выступают различные органы государственного управления, целенаправленно воздействующие на условия деятельности в различных сферах деятельности. Это и находящиеся вне региона законодательные органы, и органы отраслевого управления, и административные органы территориального управления более высокого ранга, и находящиеся в регионе органы управления различными сферами деятельности (торговлей, здравоохранением, охраной окружающей среды и т. д.). Региональное социально-экономическое планирование должно строиться на основе согласования интересов и деятельности всех многочисленных субъектов социально-экономического планирования с тем, чтобы все изменения, которые вносят субъекты социально-экономического планирования в условия деятельности, приводили к такому протеканию деятельности, которое давало бы желательное протекание социальных процессов. Повышение комплексности планирования постоянно расширяет круг контролируемых социальных отношений. Увеличивается и число параметров социальных процессов в регионе, удерживать которые в нужных пределах должно региональное социально-экономическое планирование»¹.

С. И. Кордон поставил вопрос о *своеобразном переломном моменте в развитии теории социального планирования* (что выражается в заметном уменьшении числа публикаций по этой тематике). Его суть, по мнению автора, – «в переносе фокуса внимания исследователей с теоретических и методологических проблем на более узкие вопросы методического и технического характера. Среди них центральным оказался вопрос о подходах к разработке планов социального развития. Некоторые исследователи пытаются применить в социальном планировании программно-целевой подход, поскольку он положительно зарекомендовал себя в других сферах планирования и управления народным хозяйством. При этом в план социального развития включаются целевые показатели, которые должны быть достигнуты в плановом периоде, ресурсы, выделяемые на достижение цели, показатели результатов, достигнутых в плановом периоде, а также контрольные показатели, подтверждающие достоверность результатов. Существенный момент – предположение о существовании некоторой заданной цели, а именно: фундаментальной структуры функциональных потребностей. Тогда целевые показатели и показатели результатов описывают уровень удовлетворения данной потребности, а контрольные показатели – субъективную удовлетворенность населения степенью удовлетворения этой потребности. Большое распространение в последнее время получил нормативный подход к социальному планированию. Суть его – в создании нормативной базы для социального планирования. Эта база представляет собой систему существующих государственных нормативов (например, СНиПов), специально созданных социальных нормативов, а также ориентиров, касающихся уровня и темпов социального развития и индикаторов удовлетворенности. Достоинства этого подхода – прекращается практика планирования «от достигнутого», кол-

¹ Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция социального планирования. Пермь, 1982. С. 34-35.

лективы ориентируются на наиболее передовые уровни и достижения в данной области, руководители получают возможность сравнивать и оценивать свои успехи в области социальной политики, а коллективы ориентируются на мобилизацию своих ресурсов и внутренних возможностей. В качестве альтернативного (но не единственного) подхода к социальному планированию может быть предложен *проблемный* подход. Его суть: исходный пункт работы по составлению плана социального развития – диагностический анализ сложившейся социальной ситуации и выявление основных социальных проблем коллектива или общности – объекта социального планирования. Каждая социальная проблема представляет собой описание некоторой социальной задачи, которая может быть развернута в группу плановых задач. При этом существенно уточняются условия задач и процесса их решения на основе методов и приемов нормативного и «потребностного» (целевого) подходов»¹.

Ю. С. Петухов отметил *позитивное значение социального планирования*: «Совокупность всех факторов производственной среды, в которой трудится человек, определяют условия его труда. Отсюда понятно, что люди трудятся производительнее там, где они ощущают постоянную заботу об улучшении условий их работы, быта, чувствуют внимание к своим нуждам и запросам. Большая роль в решении данных задач принадлежит планам социально-экономического развития предприятий (объединений). На основе осуществления мероприятий такого плана на Уфимском нефтеперерабатывающем заводе в 1976-1980 гг. удалось сократить удельный вес работников, занятых на тяжелых и вредных работах. Улучшилось и санитарно-бытовое обеспечение работников завода»².

М. П. Кузьмина отметила важность *учета в социальном планировании подготовки квалифицированных кадров*: «Реально складывающаяся обстановка с трудовыми ресурсами, требования НТР ведут к тому, что в ближайшей перспективе в целом по народному хозяйству удельный вес квалифицированных рабочих должен составить 89% от общего числа занятых против 69% в 1980 г. Уже в настоящее время 60% профессий потребуют длительного стационарного обучения в объеме среднего ПТУ или технического училища и длительной (6-12 месяцев) специализации в условиях современного производства. В этих условиях необходимо исключительно бережное и продуманное планирование и распределение кадров по отраслям народного хозяйства, а, следовательно, и формам обучения. Вместе с тем, обобщение и анализ практики показывают: мы еще не всегда бережно и целенаправленно планируем подготовку трудовых ресурсов и не всегда точно реализуем планы в жизнь, слабо ведем воспитательную и профориентационную работу. Так, в 1981 г. в Свердловске поступили в вузы 40% всех окончивших школу, в техникумы -15%, что было выше плановых показателей; в учебные заведения ПТО – в 5 раз меньше, чем планировалось; пошли прямо работать без достаточной подготовки почти вдвое больше, чем намечалось»³.

Проблемам *воспроизводства населения* было посвящено выступление

¹ Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция социального планирования. Пермь, 1982. С. 35-37.

² Там же. С. 48-49.

³ Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция социального планирования. Пермь, 1982. С. 61-62.

Б. И. Говако: «Социологический подход к изучению воспроизводства населения, в отличие от экономического и демографического, заключается в рассмотрении этого явления сквозь призму процесса общественного воспроизводства, в ходе которого осуществляется постоянное воссоздание условий и образа жизни, общественных отношений и форм общественного сознания. Воспроизводство населения как момент, как сторона воспроизводства общества включает в себе не только повторяющуюся смену поколений в результате смертности и рождаемости, но и воссоздание и изменение социальных отношений, существующих по поводу семьи и брака, деторождения, пространственных перемещений; возобновление социально-демографических групп и отношений между ними по поводу «производства чужой жизни». В процессе социального воспроизводства населения происходят также изменения и трансформации в общественном сознании, прежде всего в общественной психологии (например, изменения в групповых психологических установках на желаемое число детей в семье, на предпочтительное место проживания и т. п.). Особенностью современного этапа воспроизводства населения является возрастание его относительной самостоятельности от влияния экономических и политических факторов. Это проявляется в ослаблении связей между социальным положением и уровнем смертности, местом проживания, материальным положением и уровнем рождаемости и т. д. Безусловно, что это вовсе не говорит о полном отсутствии экономических детерминант, общие закономерности развития населения были и остаются производными от экономических законов развития общества. Речь идет лишь об усилении тенденции возрастания субъективно-психологических и социально-культурных факторов, воздействующих на режим воспроизводства населения»¹.

В. И. Герчиков вновь обратился к проблематике *отраслевого социального планирования*: «Социальное планирование в масштабе отраслевых систем относительно молодое явление. К началу 1980-х гг. сформировался ряд отраслевых социологических служб, была создана отраслевая методическая база и накоплен опыт социальной паспортизации предприятий. Началось отраслевое социальное планирование. В основу структурирования социальных показателей была положена концептуальная схема, разработанная социологами Пермского филиала Центра НОТиУ под руководством автора»².

Социология труда, социальные проблемы трудового коллектива и на IV Уральских социологических чтениях привлекали немалое внимание участников. В выступлениях **Н. С. Новоселова, В. А. Мальцева, А. П. Парсиева** и др. раскрывались методологические вопросы сущности труда в социалистическом обществе, отношения в нем к труду. Особый акцент делался на роли руководителя, мастера, ИТР в трудовом коллективе (**Б. С. Модель, Э. П. Овчинникова, В. Г. Орлова, Н. Н. Маликова**). Как веяние времени можно отметить большой интерес социологов к всестороннему анализу коллективных форм организации и стимулирования труда (**Т. С. Банных, В. Е. Обухов, Н. В. Вялова, А. В. Ме-**

¹ Там же. С. 76.

² Тезисы к IV Уральским социологическим чтениям. Секция социологических проблем труда и трудового коллектива. Пермь, 1982. С. 15.

V УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Они состоялись 5-7 декабря 1984 г. в Уфе. С докладами на пленарном заседании выступили профессоры **Н. А. Аитов, С. С. Батенин, Л. Н. Коган, В. Г. Нестеров, Г. П. Орлов, Ф. С. Файзуллин, З. И. Файнбург, Ф. Р. Филиппов**. Чтения – по традиции – проходили в Доме политпросвещения Башкирского ОК КПСС.

Доклад **Н. А. Аитова** был посвящен малоизученной теме – *отношениям по расселению*. «Задача научного управления социальными процессами не может быть успешно решена без управления всеми без исключения видами социальных процессов и общественных отношений. Одним из важных видов общественных отношений, на которых до сих пор обращалось очень мало внимания, являются отношения по расселению. Это – объективно складывающиеся между регионами и поселениями как определенными социальными общностями отношения. Отношения по расселению есть вторичные, определяемые характером производственных отношений. В содержание этих отношений включаются:

- Разделенность системы поселений на дихотомию «город—деревня».
- Специфические местные интересы такой социальной общности как население региона и поселения, вызванные локализацией всех видов общественных отношений, присущих данному обществу.
- Разная степень социально-экономического развития регионов и поселений.
- Наличие между регионами и поселениями связей – политических, экономических, демографических, культурных, бытовых.
- Системный характер региона и поселения; в наибольшей мере системным характером обладает поселение. Чем выше ранг региона, тем менее в нем системных связей.
- Наличие социальной географии городов и социальной географии сельского расселения (неравномерность распределения социальных групп по различным типам сельских поселений — центрам районов, центрам колхозов и совхозов, центрам бригад, участков и отделений, периферийным поселкам).

Многие исследования (социологов Москвы, Уфы, Таллина и др.) показали, что в настоящее время для практической повседневной жизни людей принадлежность к данной территориальной общности имеет даже большее значение, чем принадлежность к какой-то социально-классовой группе. Это легко проявляется в таких явлениях, как фактический уровень дохода (определяемый, в отличие от номинального, в весьма большой степени возможностями реализации денег), возможности получения качественного образования в школе, поступления в вузы, социального продвижения и социальных перемещений, степень социального неравенства между мужчиной и женщиной, возможности всестороннего развития личности и т. д. С другой стороны, в современных условиях возрастает роль регионов и поселений даже в управлении экономикой. Это, во-первых,

связано с демографической ситуацией и дефицитом рабочей силы, что заставляет повышать значимость региона в ее распределении и воспроизводстве. Во-вторых, это связано с усложнением экологической обстановки, которая неизбежно заставляет переходить к безотходной технологии, когда одно производство будет использовать отходы другого в качестве сырья. Но это означает превращение города в своеобразный межотраслевой комбинат. Следовательно, необходимо внимательно изучить и вопросы оптимального сочетания ведомственного и регионального управления»¹.

В выступлении **О. Н. Жеманова** рассматривалась одна из наиболее характерных тенденций в современной науке – *междисциплинарные исследования*. Проблемы их организации, формулировки гносеологических и методологических выводов на основе обобщения их опыта, поиска возможностей повышения эффективности научных исследований в сотрудничестве представителей разных отраслей знания в возрастающей степени привлекают внимание специалистов – философов, социологов, науковедов. «Но к настоящему времени большинство предложений и рекомендаций об эвристическом значении междисциплинарных исследований, встречающихся в научной литературе, строятся на базе анализа процессов развития главным образом естественных и в какой-то мере еще и технических наук. Совершенно недостаточно разрабатывается проблематика междисциплинарных исследований в общественных науках, что вызывает уже негативные последствия в их развитии. Социальная политика представляет настолько сложный объект, что объединение в ее исследованиях представителей разных общественных наук является закономерным фактом. Можно вести речь и о значении междисциплинарных исследований социальной политики в определении инвариантных структур научного социального знания, применимых не в одной лишь данной области, но и в анализе других социальных явлений и процессов, в установлении логико-методологических норм и регулятивов, действующих в разных ситуациях социального познания, в выделении некоторых типологических способов мысли. Применение в междисциплинарных исследованиях социальной политики методов эмпирических исследований ведет к созданию такой ситуации, когда наблюдается «сглаживание» специфики подхода к выделяемому объекту познания у ученых разных общественных наук. Использование эмпирических методов (а это действительно возможно и интенсивно происходит в разных общественных науках на современном этапе) как бы уравнивает общественные науки, их представители занимаются одними проблемами, делают сходные выводы, даже говорят по существу на одном языке. Далеко зашедшее сотрудничество в исследованиях социальной политики полезно во многих отношениях. Но на практике приходится сталкиваться и с известными издержками отмечаемого явления»².

Н. С. Кузнецов акцентировал внимание на *совершенствовании распределительных отношений*: «Значимость этой стороны социальной политики вытекает из факта взаимосвязи экономического и социального, из обратного влия-

¹ Пятые Уральские социологические чтения. Тезисы докладов. Вып. 1. Уфа, 1984. С.3-5.

² Пятые Уральские социологические чтения. Тезисы докладов. Вып. 1. Уфа, 1984. С. 49-51.

ния удовлетворения потребностей трудящихся на экономическое развитие. В рамках распределительных отношений формируется определенное отношение человека к труду. Гораздо реже отмечается, что характер распределительных отношений оказывает существенное воздействие и на нравственное сознание личности. Применение к распределительным отношениям понятия *справедливости* как оценочной категории обусловлено наличием объективных основ справедливости. Такими основами являются объективные отношения взаимной зависимости людей, сфер деятельности, хозяйственных единиц, личности и общества, нуждаемость человека в определенных предметах и условиях жизни. Воспроизводство общественной жизни невозможно без взаимосвязи, взаимодополнительности функций, воспроизводства деятельности людей, выполняющих эти функции. В совершенствовании распределительных отношений, как и в других областях социальной политики (преодоление социальной неоднородности труда, политика в сфере развития общественных фондов потребления, демографическая политика и т. д.), важное значение имеют оценочные категории. И на одном из первых мест здесь находятся представления и понятия о справедливости. В свою очередь, совершенствование распределительных отношений выступает неотъемлемым условием, а также мощным средством экономического и социального прогресса, оказывая обратное влияние на экономическое развитие и на формирование общественно значимых качеств личности»¹.

Конкретизируя общую проблематику социальной политики, **Ф. А. Игебаева** остановилась на характерной особенности современной демографической ситуации – *возрастании абсолютного числа и удельного веса пожилых людей в общей численности населения*. Ссылаясь на данные исследований, проведенных в городе социологической лабораторией Уфимского авиационного института, она отметила, что «более половины всех опрошенных пенсионеров (51%) хотели бы работать в общественном производстве, 18% трудятся в настоящее время по старой специальности, 13% – по новой специальности. 8% пенсионеров хотели бы работать по старой специальности, лишь 10% из общего числа опрошенных пенсионеров не хотят или не могут больше работать. Другая форма активного привлечения пенсионеров к трудовой деятельности – надомный труд. Как показали результаты исследований, 26% опрошенных хотели бы работать на дому или в специализированных предприятиях»².¹¹⁹

В выступлении **Т. Д. Швецов** и **А. В. Липского** было отмечено *возрастание роли стимулирования труда в связи с переходом современного производства к преимущественно интенсивным факторам развития*: «Эффективная система стимулирования, обеспечивающая повышение производительности труда, должна быть сориентирована на изменения, происходящие в производстве, на новую бригадную форму организации труда. В условиях бригадной организации труда учет различных трудовых действий членов бригады и их поощрение во многом зависит от самой бригады. И мнение абсолютного большинства опрошенных членов бригады едино: учитывать и моральные, и мате-

¹ Там же. С. 55-57.

² Пятые Уральские социологические чтения. Тезисы докладов. Вып. 1. Уфа, 1984. С. 132-134.

риальные стимулы участия рабочих во всех делах производственного коллектива. Поэтому в этой ситуации важно, кто является субъектом оценки и поощрения членов бригады. По данным опроса, эту функцию выполняет бригадир (42% опрошенных), совет бригады (58%). В то же время практика показывает, что более эффективным может быть лишь коллективная оценка и распределение»¹.

О некоторых *особенностях профессиональной мобильности* специалистов со средним специальным образованием рассказал **А. И. Кропачев**, опираясь на исследование на 9 предприятиях Уфы, проведенного в 1980-1981 гг. под руководством Н. А. Аитова (N = 1094 специалистов со средним специальным образованием). «Оно показало, что респонденты подвержены активной профессиональной мобильности – как вертикальной (по должностям), так и горизонтальной (по отраслям, предприятиям). Вертикальная профессиональная мобильность специалистов средней квалификации начинается по существу с распределения их по должностям сразу после окончания учебного заведения. Велика доля специалистов средней квалификации, назначаемых сразу после окончания учебного заведения на инженерные должности (около 16%). И хотя за последние 15-20 лет идет процесс сокращения таких назначений специалистов-техников, тем не менее в отраслях народного хозяйства еще много инженерных должностей, которые могут занимать не только специалисты-техники, но и люди без всякого профессионального образования - «практики». На промышленных предприятиях Уфы инженерных должностей сейчас в два раза больше, чем должностей техников, их количество растет быстрыми темпами. Все это создает благоприятные условия для занятия многих инженерных должностей не только специалистами со средним образованием, но и «практиками». Подсчет показал, что в промышленности и строительстве Уфы специалисты-техники занимают 50%, а «практики» - 12% всех имеющихся инженерных должностей. Неудовлетворенность многими созданными инженерными должностями способствует тому, что значительная часть специалистов средней квалификации, как только представляется возможность, с инженерных должностей довольно быстро переходят на должности техников и рабочие места. По нашим данным, такой переход осуществляет каждый пятый специалист средней квалификации, занявший инженерную должность сразу после техникума. Вместе с тем, более высокая оплата труда на инженерной должности, чем на должности техника, больший ее престиж, стремление к служебному продвижению, быстрый рост количества инженерных должностей приводит к тому, что многие специалисты средней квалификации на предприятиях Уфы с рабочих мест и особенно с должностей техников переходят со временем на инженерные должности (соответственно 37% и 46%). Выяснилось, что перемещение специалистов средней квалификации с рабочих мест на инженерные должности происходит в 2,5 раза чаще, чем с рабочих мест на должности техников. Такое положение связано, прежде всего, с низкой оплатой труда на должностях техников, их непрестижностью. Не желают работать на должностях техников чаще всего рабо-

¹ Там же. С. 184-186.

чие, закончившие техникумы по вечерней и заочной форме обучения и занимающие удовлетворяющие их во всех отношениях рабочие места, в том числе и по зарплате. Безусловно, перемещения специалистов средней квалификации на рабочие места связаны и с качеством их подготовки. Часть выпускников техникумов пока получают неглубокие знания в области новой техники, технологии, организации производства, имеют слабые навыки руководства даже небольшими производственными коллективами»¹.

Сходной была тематика выступления **Л. С. Якурновой** – о подготовке рабочих кадров: «В условиях возрастающих потребностей народного хозяйства в квалифицированных кадрах и сложной демографической ситуации особенно важна ориентация школьников на выбор рабочих профессий, на обучение в профтехучилищах. Известное представление об этом дают результаты проведенного в Свердловске в 1981 г. исследования (было опрошено 956 выпускников 8-х и 554 выпускника 10-х классов). За два десятилетия произошел определенный поворот в жизненных планах молодежи – несколько повысилось стремление получить рабочую профессию, но продолжает доминировать ориентация на пополнение рядов работников умственного труда (72% восьмиклассников ориентированы на продолжение учебы в 9-х классах и средних специальных учебных заведениях, 79% десятиклассников – на учебу в вузе). Каковы же характеристики тех учащихся, кто сознательно ориентируется на пополнение рядов рабочего класса, учебу в ПТУ и СПТУ? Это в основном юноши (во многом здесь виновата и сама система ПТО – она не представляет широкого выбора профессий для девушек). 75% из них – это дети рабочих. У 50% выпускников 8-х классов, планирующих получить рабочую профессию в системе ПТО, образование родителей – ниже среднего, лишь у 17% – высшее и среднее специальное. Преобладают учащиеся с невысокой успеваемостью (среди них нет отличников, только 10% успевают на «хорошо»). Нередко именно этот момент определяет выбор ПТУ в сравнении со школой (где от таких учащихся еще нередко стараются освободиться) или техникумом (куда им трудно поступить, даже в современных условиях сложностей для многих техникумов с набором). Менее сказывается такой фактор, как обеспеченность семьи. Более того, уровень дохода в семьях, выходцы из которых планируют учиться в ПТУ, достаточно высок (у 21% – свыше 100 руб. на 1 человека, у 61% – свыше 70 руб.) – выше, чем у тех, кто планирует учиться в 9-м классе или среднем учебном заведении»².

Еще один малоизученный компонент социальной структуры – *служащие-неспециалисты* – стал объектом исследования **Б. Г. Русских**: «По установленному определению, служащие-неспециалисты – это большая часть работников труда сферы обслуживания, управления, контроля и учета и т. д., труд которых не требует специального среднего и высшего образования, не является высококвалифицированным трудом и включает в себя значительную долю физических усилий. Отсюда и следует, что служащие-неспециалисты – это в большей степени городское население. Не случайно поэтому их жизнь в насто-

¹ Пятые Уральские социологические чтения. Тезисы докладов. Вып. 1. Уфа, 1984. С. 234-236.

² Пятые Уральские социологические чтения. Тезисы докладов. Вып. 1. Уфа, 1984. С. 255-256.

ящем и будущем тесно связана со всеми многообразными процессами, которые происходят с городским населением. Это проявляется в количественных и качественных изменениях социальной группы служащих-неспециалистов. Если взять только последнее двадцатилетие, численность работников торговли, общественного питания, материально-технического снабжения и заготовок увеличилась более чем в два раза. Анализ основных тенденций в развитии этой социальной группы дает нам право сделать следующие выводы:

- численность служащих-неспециалистов будет возрастать в ближайшее время. Дело в том, что их количественные изменения непосредственно связаны с ростом все возрастающих потребностей и со степенью автоматизации и механизации тех трудовых процессов, которые на сегодня выполняют служащие-неспециалисты. Когда же народное хозяйство будет насыщено сетью торговых учреждений, предприятиями общественного питания и бытовых услуг, численный рост этой группы станет строго пропорционален росту всего населения страны и росту его жизненных потребностей;
- в процессе механизации и автоматизации труда всех категорий служащих-неспециалистов все больше и больше будет отпадать необходимость в целом ряде профессий этой группы работников. Материальной основой этого процесса является насыщение их труда техникой и изменение на этой основе самих его функций;
- процесс численного изменения служащих-неспециалистов теснейшим образом связан с качественными изменениями, которые имеют место уже сегодня. Прежде всего, как показывают наши исследования, 42% служащих сферы обслуживания получили свою профессиональную подготовку путем индивидуального обучения, 30% закончили курсы и только 7% закончили ПТУ, РУ, а 4% приобрели свою профессию в техникумах вечернего и заочного обучения»¹.

Широкое обсуждение получили на этих Чтениях социологические проблемы молодежи и культуры. В секции *социологии молодежи* (руководители - Ю. Н. Никифоров, Ю. Р. Вишневский, Л. Я. Рубина) с интересными сообщениями выступили Л. И. Иванько, А. В. Грибакин, С. Г. Зырянов, С. Ф. Елисеев, Ф. Г. Хайруллин, В. В. Ксенофонтова, Ю. П. Петров, Э. М. Виноградова и др.). В работе секции *социологии культуры* (руководители – Д. Н. Гилязитдинов, Л. Н. Коган, В. Г. Нестеров) приняли участие Г. П. Орлов, В. Д. Попов, Н. В. Иванчук, М. Ф. Калашников, В. Н. Руденкин, Р. А. Злотников, В. Т. Шапко, В. Л. Барсук, В. И. Волков, В. С. Цукерман, А. Ф. Шарова и др.).

VI УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Они проходили 19-21 ноября 1986 г. в Челябинске под общим названием «XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии». К пленар-

¹ Там же. С. 271-272.

ному заседанию и к работе 7 секций было подготовлено более 300 докладов и выступлений. Социальные надежды на начавшуюся год с небольшим перестройку советского общества в полной мере сказались на всей работе чтений, на содержании и тональности выступлений их участников.

В рамках традиционной секции *«Социологические проблемы труда»* особое внимание было уделено анализу *социального эффекта бригадных форм организации и стимулирования труда*, который соотносился с развитием трудовой активности рабочих, усилением их участия в управлении производством, совершенствованием отношений коллективизма, укреплении трудовой дисциплины, возрастанием ответственности за порученное дело.

Общую тональность обсуждения определило выступление **В. Н. Белкина**: «Одним из основных критериев социальной активности рабочих является их отношение к труду. Анализ материалов социологического обследования показал, что организация бригад нового типа заметно повлияла на рабочих. Из 960 опрошенных членов бригад 48% указали, что стали относиться к труду лучше после создания бригад. Лишь 7% заявили, что не изменили своего отношения к работе. В бригадах у рабочих повысился уровень заинтересованности работой. Из 413 опрошенных рабочих, работающих вне бригад, оказались удовлетворенными работой без всяких условий 28%. У рабочих бригад доля удовлетворенных работой составила 50%». «Бригадная форма организации и стимулирования труда – это эффективная форма развития коллективистских и преодоления индивидуалистических отношений рабочих. Она значительно укрепляет чувство ответственности за общие результаты работы. При индивидуальной организации труда рабочий объективно поставлен в такие условия производства, при которых он несет персональную ответственность и получает зарплату в основном за итоги своего личного труда. Уровень его доходов хотя и связан с результатами работы цеха, предприятия, объединения, но связь эта опосредованная и не всегда получает должное отражение в сознании рабочих. Индивидуальная сдельщина как бы замыкает рабочего в относительно изолированную социально-экономическую ячейку, которая разрушается при переходе к бригадной организации труда. В бригаде все меньшее значение в сознании рабочих приобретает «мое» и все больше – понятие «наше». «В бригадах на новый уровень поднимаются отношения взаимопомощи. Так, при индивидуальной организации труда удовлетворен состоянием взаимопомощи каждый четвертый рабочий, а в бригадах – 42%. На смену известной разобщенности приходит сплоченность коллектива, отношения в бригаде получают более теплую человеческую окрашенность. По данным обследования, 62% рабочих бригад оценивают отношения, сложившиеся в коллективе, как хорошие, дружеские, товарищеские. Наряду с этим, 26% считают их чисто деловыми, 5% – напряженными и плохими. Здесь большой резерв повышения эффективности бригадного труда»¹.

«Исследования сектора анализа социальных процессов развития трудо-

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 1. Челябинск. 1986. С. 4-6.

вых коллективов ИЭ УНЦ АН СССР на 7 промышленных предприятиях Свердловской области в 1984 г. (выборочная совокупность 1236 человек) выявило, – продолжила обсуждение **Т. А. Ишутина**, – что особенности бригады как социальной общности, первичного производственного звена реализуются пока не в полной мере. Сдерживающим фактором при этом выступает незавершенность организационной перестройки в системе управления предприятием в условиях БФОТ». «В большинстве обследованных бригад высок уровень интериоризации норм коллективной направленности, статус общественного мнения, сформировалась социально-психологическая установка на персональный состав бригад с учетом их управляемости, сотрудничества, результативности. Социально-психологические аспекты управленческой деятельности в бригаде (статус бригадиров, членов советов бригад и советов бригад как одного из органов бригадного самоуправления) пока не достигли возможного уровня общественно необходимой зрелости»¹.

По мнению **Г. Б. Кораблевой**, «среди социальных проблем развития бригад нового типа особого внимания требует вопрос о повышении ответственности руководителей производства за создание материальных, организационно-технических и социально-политических условий для внедрения и функционирования бригадного подряда. Требуется совершенствование деятельности по инженерному обеспечению бригадного подряда. Пока, по данным кафедры научного коммунизма УПИ, в «Главсредуралстрое» в почине «Каждой бригаде - механизированный труд на инженерной основе» участвуют 8% рабочих. Только 2% рабочих оценили как серьезные нарушения трудовой дисциплины брак в работе, перерасход сырья, материалов, электроэнергии, невыполнение обязательств перед смежниками. Ориентация на качество и эффективность должна проводиться и в системе материального и морального стимулирования»².

Н. А. Аитов подчеркнул, что «курс на ускорение социально-экономического развития страны на основе форсирования научно-технического прогресса определил интерес к социальным аспектам НТП. «Существуют специфические социальные проблемы, порождаемые самим ускорением НТП:

- *ускорение высвобождения работников в результате НТП.* Технический прогресс осуществлялся медленными темпами, и мы испытывали дефицит рабочей силы. В настоящее время необходимо специально планировать трудоустройство. Эту проблему вполне можно решить за счет увеличения коэффициента сменности оборудования, строительства новых предприятий, расширения занятости в сфере обслуживания;
- *недопущение неустойчивости социально-профессионального статуса личности.* Рабочему с образованием ниже 10 классов будет очень трудно осваивать технику, понадобятся серьезные меры (вплоть до создания специальных учебных заведений) для организации их переучивания таким образом, чтобы они не пострадали в результате технического прогресса;
- *сам технический прогресс должен осуществляться в социальном отношении*

¹ Там же. С.8-9.

² Там же.

весьма целеустремленно. Он должен способствовать улучшению отношения рабочих к труду, улучшению социальной структуры рабочего класса, особенно ликвидации слоев неквалифицированного и низкоквалифицированного труда. Между тем, не всякая новая техника, являющаяся высокопроизводительной, способствует улучшению отношения к труду и социальной структуры рабочего класса. В этих условиях особое значение имеет осуществление лозунга социально-экономической эффективности новой техники, разработки ее критериев и обучение конструкторов принципам не только экономического, но и социологического подхода к новой технике;

- *комплексно автоматизированное производство требует всесторонне развитого работника*. Это означает: высокий уровень теоретических и профессиональных знаний (он особенно необходим в связи с предстоящим резким повышением уровня профессиональной мобильности), творческое отношение к труду (отнюдь не воспитываемое сейчас средней и высшей школой), высокая трудовая и технологическая дисциплина, превращение труда в первую жизненную потребность»¹.

М. Г. Габитов отметил, что «*планомерное высвобождение работников, переквалификация, рациональное распределение и использование их – главный путь преодоления дефицита трудовых ресурсов*. К сожалению, современные масштабы высвобождения рабочей силы в народном хозяйстве не соответствуют возможностям и объективной необходимости. Высвобождение рабочей силы возможно главным образом благодаря сокращению ручного труда. Сегодня ручным трудом занято около 50 млн. чел.: примерно 1/3 рабочих в промышленности, более половины в строительстве, 67% - в сельском хозяйстве». «Эффективным инструментом высвобождения рабочей силы становится аттестация рабочих мест. На предприятиях Челябинской области в 1985 г. обследовано 182 тыс. рабочих мест, сокращено 1350, высвобождено 3000 человек»².

В выступлении **Э. В. Проворовой** особое внимание было уделено *формированию социальных установок на интенсификацию труда*. Такая установка – в ходе конкретно-социологического исследования тенденций и перспектив развития личностного потенциала работника (опрошены 2216 рабочих на 14 предприятиях 4 отраслей промышленности Урала в 1983 г.) – рассматривалась как «готовность работника к количественному увеличению норм выработки и способность к выявлению внутренних резервов интенсификации в плане дальнейшего совершенствования организации труда, повышения культуры производства. На возможности улучшения организации труда на рабочем месте, более рационального использования рабочего времени, материалов, инструмента, т.е. формирования новой культуры труда указали около 53% опрошенных рабочих (12% не видят таких возможностей, 36% дали неопределенный ответ)»³.

Соответственно, социологи обратились к проблематике психологической

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 1. Челябинск. 1986. С. 31-32.

² Там же. С. 35

³ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 1. Челябинск. 1986. С. 45.

перестройки кадров, *выработке нового типа экономического мышления*. «Экономическое мышление как процесс мотивированного отражения реально сложившихся экономических отношений, – по мнению **П. С. Пасмурцева** и **М. Г. Федькина**, – определяется мировоззрением кадров, уровнем их экономических знаний, конкретными экономическими условиями, интересами и целями, на достижение которых направляется деятельность отдельных работников, а также трудовых коллективов производственных объединений и отраслей народного хозяйства. Тип экономического мышления находит свое отражение в практической деятельности, специфике подхода к решению производственных и хозяйственных задач, отношении к труду и использованию ресурсов, оценке результатов производства и других сторон хозяйствования». «Проблемой в формировании нового типа экономического мышления является *преодоление преимущества производителей по отношению к потребителям*. Решение о формировании планов производства по заказам потребителей в значительной мере выполняется формально, поскольку потребители (производственные предприятия, торговля) могут сделать заказ лишь на товары, предложенные производителями, а реальная поставка товаров может существенно отличаться от заказа»¹.¹³⁰

С социологией труда была связана и *вторая секция*, в центре внимания которой находились *проблемы социального развития трудового коллектива*. «Центральной сферой проявления высокой, сознательной, плодотворной активности трудящихся масс, – подчеркнул **А. К. Орлов**, – является их непосредственная трудовая деятельность. В то же время существующий уровень трудовой активности еще недостаточно высок. Как показывают данные наших социологических исследований, лишь около четверти рабочих и служащих *промышленности Челябинской области* проявляют высокую активность, около 50% – среднюю, исполнительскую и около 25% не проявляют активности вообще (расчет сделан по 12 крупным предприятиям). Если принять во внимание общественно-значимые мотивы трудовой активности, то данные будут еще более низкими. Считается аксиомой, что главный путь развития трудовой активности – усиление системы материального стимулирования работников. Но, как свидетельствуют многочисленные факты реальной практики, прямой связи между величиной заработка и трудовой активности нет». «Многие экономисты видят решение задачи по развитию трудовой активности в хозяйственном механизме, совершенствующемся ныне в ходе эксперимента. Действительно, с расширением самостоятельности и ответственности предприятий открывается больший простор для инициативы, творческого поиска коллектива в целом и его подразделений. Но эта активность, идущая извне, ограничена рамками хозяйственных условий». Сегодня «есть объективные условия для *создания у каждого работника положения хозяина и формирования соответствующего сознания*. Подлинно хозяйское сознание, мышление имеются не у всех трудящихся. Выявление причин такого положения – наиболее верный путь решения поставленной задачи активизации». «Необходимо дальнейшее совершенствование системы

¹ Там же. С. 86-87.

распределительных отношений как важнейшего рычага реализации трудящимися своего положения ассоциированного хозяина. Сегодня около 35% рабочих, ИТР и служащих в промышленности считают, что их зарплата не соответствует трудовому вкладу, отмечают, что у них «нет желания лучше трудиться, проявлять активность»¹.

Проблемы трудового коллектива в тот период рассматривались преимущественно через призму производственной демократии, одним из аспектов которой было расширение участия трудящихся в выработке и принятии управленческих решений. И тем показательнее было стремление **А. К. Ключева** выделить те проблемы, на которые такое участие наталкивается:

- *низкая активность трудящихся в работе коллективных органов управления производством* (по данным социологических исследований, 30% рабочих уклоняются от участия в собраниях; только 57% рабочих считают: их участие в управлении приносит пользу всему предприятию, а значит и каждому лично);
- *недостаточный уровень участия работников в решении коренных вопросов жизни коллектива*, формальный характер организации их обсуждения, что порождает ситуацию, когда ряд решений рабочие рассматривают как не оптимальные;
- *неверная позиция отдельных работников управления* (по данным социологических исследований, лишь около половины руководителей при подготовке управленческих решений принимают во внимание общественное мнение коллектива);
- *большой поток указаний, распоряжений, рекомендаций, поступающих из различных вышестоящих органов*, что ограничивает самостоятельность, инициативность трудового коллектива в решении насущных проблем².

Продолжались и исследование морально-психологического климата трудового коллектива, поиск путей его оптимизации. *«Морально-психологический климат трудового коллектива* в обобщенном и интегральном виде, по мнению **И. М. Орешникова**, выражает эмоционально-психологический настрой коллектива, содержание и направленность реальной психологии людей, характер внутриколлективных, социально-психологических, нравственных и межличностных отношений, форм и видов общения. Он может стать объектом сознательного управления и планирования. Известный опыт на этот счет имеет *социологическая лаборатория при кафедре философии и научного коммунизма Уфимского нефтяного института*, которая участвовала в составлении планов социального развития более 20 предприятий *Урала, Башкирии. Тюменской области* и др. регионов страны. Состояние морально-психологического климата трудового коллектива обычно определяется такими частными показателями, как удовлетворенность членов коллектива социально-производственной ситуацией, преобладающие общественные настроения, направленность общественного мнения, уровень совместимости, сплоченности и срабатываемости, степень сознательной дисциплины членов коллектива и участия их в управлении и

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 1. Челябинск. 1986. С. 100-102.

² Там же. С. 129-130.

самоуправлении, уровень конфликтности, текучести кадров, результативность, продуктивность трудовой деятельности коллектива. Наши исследования показывают: предприятия имеют немалые социальные резервы, реальные пути и средства совершенствования морально-психологического климата трудовых коллективов. Так, на Уфимском нефтеперерабатывающем заводе удовлетворены отношениями с товарищами по работе лишь 40% опрошенных рабочих и 50% ИТР; на Уфимском заводе синтетического спирта оценили климат в коллективе как хороший, нормальный 28%, удовлетворительный – 68%, плохой, ненормальный – 2%»¹.

Резко возросло внимание социологов к анализу материально-бытовых условий жизни работников. В их улучшении виделся важный фактор стабилизации производственного коллектива. «Конкретные социологические исследования, проведенные на различных промышленных предприятиях страны, позволяют сделать вывод, – отмечала **А. Н. Анисимова**, – что одной из существенных причин текучести кадров являются неудовлетворительные материально-бытовые условия. По мнению рабочих, один из основных мотивов, побуждающих их подать заявление об увольнении, – неудовлетворительные жилищные условия. Так считают 62% опрошенных рабочих (*исследование кафедры политэкономии ЧГИК в 1983 г. на Челябинском электровозоремонтном заводе*). Анализ причин текучести кадров позволяет наглядно увидеть, что на первом месте находится причина, связанная с трудностями в получении жилья. 38% от числа опрошенных заявили, что они нуждаются в улучшении жилищных условий (проживают в общежитии, в коммунальной квартире, снимают частную квартиру). Немаловажное влияние на текучесть кадров оказывает неудовлетворительная организация заводского быта, его санитарно-гигиеническое состояние. Восстановление физического состояния работников невозможно без осуществления комплекса мероприятий, связанных с благоустройством производственного быта. Большинство опрошенных рабочих питается в столовой (84%) или буфете (9%) и крайне неудовлетворительно оценивают их работу. Большинство не устраивает ассортимент блюд (78%), качество приготовления блюд (83%), культура обслуживания (58%), чистота помещения (58%), время обслуживания (36%). Бытовые помещения также не устраивают работников завода. 57% всех опрошенных высказались отрицательно по поводу состояния раздевалок, душевых, комнат отдыха. Площади бытовых помещений крайне недостаточны. Теснота, неблагоустроенность, запущенность, отсутствие питьевой воды в цехах – все это вызывает раздражение у рабочих»².

Проблемам *производственного быта* было посвящено и выступление **Е. Н. Заборовой**, основанное на результатах социологического исследования, проведенного в 1982 г. кафедрой научного коммунизма УПИ на 11 предприятиях Свердловска и в 5 строительных организациях Урала: «Производственный быт играет большую роль в функционировании производственного процесса. Так, если первые места в организации ритмичной, высокопроизводительной ра-

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 1. Челябинск. 1986. С. 137-138.

² Там же. С. 151-152.

боты занимают организация труда на рабочем месте, материально-техническое снабжение и обеспечение фронта работ, трудовая дисциплина, то на 4-5 места выходят санитарно-гигиенические условия и организация питания. Исследование показало, что составные элементы производственного быта развиты неравномерно: наибольшую удовлетворенность у рабочих вызывают взаимоотношения с товарищами по бригаде, менее всего – бытовые условия (неудовлетворительное состояние бытовок, оборудование душевых, сушилок), недостаточны условия для организации культурного отдыха на производстве»¹.

Э. М. Виноградова и О. К. Садчикова посвятили свое выступление *проблеме научной организации охраны труда и здоровья* трудящихся на производстве: «Все большее значение приобретает организация эмпирических исследований, касающихся влияния различных аспектов индустриальной модернизации на характер труда в целом и труда рабочих в особенности. Важный момент социологического исследования – выяснение связи между *социальным и физическим здоровьем коллектива*. Экономический ущерб предприятия из-за временной нетрудоспособностью рабочих ничуть не меньше, а то и больше ущерба, нанесенного простоем оборудования, в связи с его поломкой или прогулом рабочего»².

Перестройка социологической науки сопровождалась стремлением исследователей выявить и устранить многие «белые пятна» в предшествующем социологическом анализе. Одним из таких «белых пятен» в Уральском регионе традиционно была *социология села*. И тем примечательнее, что на первых «перестроечных» чтениях целая секция была отведена для обсуждения социологических проблем села. Как отмечал **А. П. Кирсанов**, «социальное переустройство села – понятие объемное. Ключевая роль в ускорении этого процесса отводится созданию современной социальной инфраструктуры за счет высоких темпов строительства жилья, дорог, социально-культурных объектов (школ, детских, клубных, медицинских и торговых учреждений, спортивных сооружений, предприятий быта, связи)».

Сходной была и позиция **А. А. Макеева**: «Среди многих условий стабилизации молодежи в сельскохозяйственном производстве необходимым является наличие современной социальной инфраструктуры, которая охватывает материальную базу общего образования и подготовку квалифицированных кадров, культурно-просветительские учреждения, здравоохранение, физическую культуру, пассажирский транспорт и связь, предприятия торговли и общественного питания, учреждения и предприятия для оказания услуг сельскому населению, жилищно-коммунальное хозяйство». Особый интерес вызвал проведенный автором конкретный анализ социальной инфраструктуры сельского – Боткинского – района УАССР - через призму ее влияния на закрепление молодежи на селе»³.

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 1. Челябинск. 1986. С. 161.

² Там же. С. 183.

³ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 1. Челябинск. 1986. С. 196-198.

Наибольшее внимание социологов в рамках данной секции вызывали проблемы *уровня и образа жизни сельчан*. Как отметила **Л. А. Силина**, «среди социальных факторов, обуславливающих закрепление кадров на селе, ведущее место занимает рост реальных доходов населения – обобщающий показатель, характеризующий благосостояние. В среднем по СССР уровень реальных доходов колхозников (с учетом личного подсобного хозяйства по отношению к реальным доходам рабочих и служащих в расчете на 1 члена семьи) повысился с 75% в 1965 г. до более 90% в 1983 г. В 1984 г. среднемесячная зарплата рабочих и служащих составила 185 руб., а среднемесячная оплата труда колхозников – 145 руб. Наиболее экономически обоснованным соотношением между ростом производительности труда и его оплатой в сельском хозяйстве является такое, когда на каждый процент повышения производительности труда оплата возрастает в среднем на 0,7-0,8%. Обусловлено это тем, что в указанных границах создается наиболее устойчивая экономическая основа материальной заинтересованности для тружеников сельскохозяйственного производства. Но уже в течение нескольких лет оплата труда в сельском хозяйстве в 1,5-2 раза опережает рост его производительности. Так, в 8-й пятилетке – по сравнению с 7-й – производительность труда в колхозах повысилась на 31%, а его оплата – на 63%, в 9-й – соответственно – на 22 и 30%, в 10-й – на 14 и 27%. Удельный вес выплат из общественных фондов потребления в совокупных доходах колхозников составил в 1982 г. около 20% – против 5% в 1965 г. Пятая часть семейного бюджета формируется из общественных фондов потребления». «В 1980 г. средний размер пенсии по возрасту у колхозников был в два раза ниже, чем у рабочих и служащих. Минимальный размер пенсий работников сельского хозяйства в настоящее время составляет 40 руб. Следует иметь в виду: среди колхозников доля лиц, получающих минимальную пенсию, намного выше, чем среди рабочих и служащих. Однако значительную долю дохода семей пенсионеров образуют поступления от личного подсобного хозяйства. Подсчитано: они составляют 50% от семейного бюджета»¹.

Дополнило картину – применительно к работникам совхозов – выступление **А. М. Осиповой** и **А. Г. Пырина**: «Анализ социологических данных показывает, что количество бытовых приборов и механизмов у рабочих совхозов значительно возросло. Так, число холодильников увеличилось в девять раз, с 9 до 88%. Количество стиральных машин достигло почти максимального уровня насыщения и составило 94%. Широкое распространение в изученный период получили в сельских семьях пылесосы. В настоящее время каждая третья семья имеет пылесос, а в 1972 г. таких было лишь 11%. У рабочих совхозов за эти годы резко увеличилось число семей, имеющих автомобиль, – с 4 до 14%, в 1,5 раза возросло число семей, имеющих мотоцикл и мотороллер, – с 29 до 46%. Следует отметить, что транспорт на селе является не только средством передвижения, но и широко используется для транспортировки грузов, прежде всего, для нужд личного подсобного хозяйства». «За рассматриваемый период возросло и количество предметов культурного назначения. Так, число радиопри-

¹ Там же. С. 200-201.

емников и телевизоров увеличилось соответственно с 73 и 71% до 90 и 89%. В три раза стало больше у рабочих села магнитофонов». Большие изменения за исследуемый период произошли и в наличии личных библиотек у семей сельских рабочих. Если в 1972 г. их имели 40,7% семей, то в 1982 г. – 56,1%. Причем количество личных библиотек с наличием политической литературы не менее 10 экземпляров увеличилось с 4,5 до 16,5%. Число личных библиотек с книжным фондом от 10 до 50 экземпляров возросло незначительно: лишь на 5,5%. Количество личных библиотек с книжным фондом от 50 до 100 книг возросло в 1,5 раза. А личных библиотек, в которых более 100 книг, стало больше почти в 3 раза. Это обстоятельство свидетельствует о том, что книжный бум существует в определенной мере не только в городе, но и на селе»¹.

Ю. В. Акатьев привлек внимание к *проблемам сельской молодежи*: «В наших исследованиях отношения к труду сельских жителей в условиях агропромышленной интеграции молодежь в возрасте до 30 лет составила около 25% (общий массив сельских респондентов составил 10 тысяч). Исследовались проблемы трудоустройства сельской молодежи в соответствии с ее профессионально-квалификационным уровнем, закрепление молодых, высоко квалифицированных кадров в колхозах и совхозах, конкретные запросы сельской молодежи в труде и быту. Ведь от того, как удовлетворен молодой человек своей работой, культурно-бытовыми условиями, во многом зависит степень прочности его связей с колхозом или совхозом. В целом молодежь на селе занята в основном квалифицированным трудом. В то же время происходит «старение» работников в важнейших отраслях животноводства и лиц, занятых преимущественно физическим трудом. Только 18-20% выпускников сельских школ, по нашим исследованиям, остаются работать на селе. Хотя в целом по стране ежегодный уровень закрепления в сельском хозяйстве выпускников сельских школ сохраняется в пределах 25-27%. Молодежь не удовлетворена плохой организацией трудовых процессов, состоянием трудовой дисциплины, тяжелым физическим трудом, а не оплатой труда и другими факторами, хотя они не сбрасываются со счета. Поэтому высок процент молодежи (около 40% опрошенных в возрасте до 30 лет), намеревающейся сменить свою работу в ближайшие 2-3 года»².

О *социальных проблемах уральского села* говорили **В. Е. Плотникова, А. Е. РАЧЕВ**: «В сельском хозяйстве Урала остаются еще проблемы, от решения которых во многом зависит дальнейший рост благосостояния народа и реализация Продовольственной программы. Они вызваны рядом объективных причин и, прежде всего, резким сокращением естественного прироста и старения сельского населения. В колхозах и совхозах все острее ощущается дефицит рабочей силы. Уже в настоящий период перед многими хозяйствами стоят вопросы трудоустроенности, распределения и перераспределения трудовых ресурсов, эффективного использования в сельскохозяйственном производстве рабочей силы. Недостаток трудовых ресурсов приводит к увеличению размеров привлечения рабочей силы со стороны для выполнения сельскохозяйственных

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 1. Челябинск. 1986. С. 204-205.

² Там же. С. 222.

работ. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве ведет к систематическому сокращению объема неквалифицированного труда и увеличению квалифицированного. Общая численность работников в сельскохозяйственном производстве Уральского экономического района за период 1965-1983 гг. сократилась почти на 25%, а численность трактористов-машинистов за этот период возросла на 16% и составила 21% в общей численности занятых в сельскохозяйственном производстве против 16% в 1965 г. Уменьшение числа занятых в сельском хозяйстве – прогрессивный экономический процесс и обусловлен дальнейшей механизацией сельскохозяйственного производства. За период 1965 - 1983 гг. в колхозах и совхозах Урала тракторный парк возрос на 54%, число зерноуборочных комбайнов увеличилось на 38%, в т.ч. в Нечерноземном Урале соответственно - на 112,8 и 75,2%. Это позволило снизить технологическую трудоемкость на 1 га возделывания зерновых культур на 25%, картофеля – на 22,8%, по уходу и содержанию молочного стада – на 21%. Но повышение производительности труда не полностью компенсировало отток рабочей силы из сельскохозяйственного производства. Наряду с движением из села высвобождающейся рабочей силы за счет повышения производительности труда происходит отток квалифицированных кадров, в которых колхозы и совхозы испытывают острый недостаток. Особенно отрицательное влияние на результаты сельскохозяйственного производства оказывает миграция квалифицированных кадров: механизаторов и работников животноводства и прежде всего молодежи. Среди мигрирующих работников доля трактористов-машинистов составляет около 30%, а удельный вес их в общей численности работающих – 21%. За последние годы доля механизаторов из молодых возрастных групп несколько возросла и составляет свыше 36%. Но их еще недостаточно для создания в будущем стабильного производственного коллектива механизаторов в колхозах и совхозах»¹.

Логичным продолжением дискуссии было обсуждение проблем *социальной структуры*. «Население города и деревни, безусловно, следует рассматривать, – подчеркнул **Ф. С. Файзуллин**, – как специфические социальные группы – *территориальные общности*, как неотъемлемую составную часть социальной структуры общества. Городское и сельское население как территориальные общности являются результатом воздействия двух факторов: социально-экономического закрепления трудящихся за однородными видами труда и неодинаковыми условиями, в которых протекает повседневная жизнедеятельность людей. Различия условий жизни города и деревни, фиксирующиеся в возможностях выбора форм трудовой деятельности, доступа к образованию и культуре, в степени благоприятности быта, оснащенности жилья необходимыми коммунальными услугами, в уровне жизни, развитии бытового обслуживания и других элементов социальной инфраструктуры, в социалистическом обществе остаются еще существенными. Указанные различия носят социально-экономический характер и выступают в качестве важнейшего признака диффе-

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 1. Челябинск. 1986. С. 224-225.

ренциации между городским и сельским населением при социализме, как и на предыдущих этапах общественного прогресса. Социально неравноценные условия города и деревни предоставляют существенно различные возможности для удовлетворения материальных и духовных потребностей человека, для развития его как личности»¹.

Ф. П. Барбаров на основе исследования на предприятиях «Завод имени Орджоникидзе» (Челябинск) и «Уралэлектротяжмаш» (Свердловск) остановился на *проблеме активности* личности в планировании и реализации жизненного пути: «Иерархия значимости «самых заветных желаний» 20 лет назад по воспоминаниям *рабочих-ветеранов* такова: стать высоко квалифицированными рабочими, уважаемыми людьми, добиться успеха, утвердиться в коллективе и хорошо зарабатывать хотели 29%; получить образование – 23%; создать семью, вырастить детей – 24% (женщинам это было желательнее, чем мужчинам, в 4 раза); получить жилье – 14%. Из этой группы стали высококвалифицированными рабочими 98%, добились уважения, успеха, утвердились в коллективе и практически хорошо зарабатывают 100%. Из общего числа ответивших получили образование 18% (в группах старших возрастов меньше, чем в среднем). Почти все создали семью, вырастили детей, получили жилье (с возрастом число последних растет). 56% считают, что сами добились осуществления своих желаний, 21% – отмечают помощь цеха, завода, коллектива, 19% – в реализации своих замыслов отдают должное семье, 3% – наставникам. Среди трудностей осуществления задуманного, которые встали на жизненном пути, память ветеранов выделяет материальную необеспеченность (37%), плохие жилищные условия (22%), плохие отношения в семье (14%), тяжелую работу (10%), состояние здоровья (9%). Только 3% указали собственную пассивность, отсутствие поддержки, одиночество (преимущественно женщины). Только 19% ни от каких своих задумок не отказались, 52% отказались от учебы. В то же время получены данные о наибольшей остроте восприятия самых приятных и неприятных ближайших событий. Удачи и неудачи на производстве воспринимаются чуть менее близко к сердцу, но в целом можно считать, что события в семье и на производстве переживаются ветеранами почти на одном уровне. Затем, особенно в старших возрастных группах, выделяются по значимости проблемы, связанные со здоровьем, отдыхом, поощрением, уважением. Это подтверждается и утверждениями ветеранов, что для них в настоящее время наиболее важны в жизни семья и дети (в старших группах этот акцент уменьшается), здоровье, долголетие (особенно для старших групп), работа, для тех, кому за 50, больше, чем для других групп, – пенсия, мир, уважение, покой. В ближайшее время хотели бы добиться благополучия семьи, детей, внуков, улучшения жилищных условий более половины опрошенных. В оставшееся до пенсии время ветераны хотели бы вносить посильный вклад в работу, добиться хорошей пенсии, сохранить здоровье, облегчить условия труда. Интересы более пожилых сосредотачиваются на садах и других увлечениях, памяти людей, внимании»².

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 2. Челябинск. 1986. С. 10.

² Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии.

С особой остротой обсуждался вопрос о *стабильности* (точнее – о факторах дестабилизации) современной семьи, особенно молодой (**Т. П. Насырова, Ф. А. Игебаева, В. Ф. Иванова, Н. Ф. Терентьева и др.**) В этой связи в выступлении **А. И. Кузьмина** было обращено внимание на *репродуктивные установки семьи* как фактор эффективной демографической политики: «В XI пятилетке на территории Уральского экономического региона впервые за предшествующие полтора десятилетия было отмечено повышение рождаемости. Если в 1979 г. в среднем на 100 женщин условного поколения на Урале приходилось 196 детей, то в 1983 г. – 220. Данный процесс затронул городскую и сельскую местности региона. В сельской местности «всплеск» рождаемости был обозначен заметнее, чем в городской. После краткого подъема в 1981-1983 гг. последовал спад рождаемости, который обозначился на всей территории Урала в 1984 г. Так называемое специалистами «*тайминговое*» повышение рождаемости означает, что фактически семья ответила на проведенные меры демографической политики не увеличением потребности в детях, а изменением календаря рождений и реализацией в период 1981-1983 гг. отсроченных ранее рождений»¹.

Разнообразным и многоплановым был на чтениях разговор о проблемах культуры, образования, воспитания молодежи.

О. А. Вяткина рассматривала реформу школы через призму совершенствования профессиональной подготовки молодежи, быстрее приобщения ее к производительному труду: «В настоящее время трудовое обучение учащихся старших классов осуществляется в трех основных формах – в школьных мастерских, в межшкольных УПК, в учебных цехах, участках предприятий. Две трети учащихся 9-10-х классов Свердловской области в 1984 г. проходили трудовое обучение в УПК, ставших важными центрами профессиональной ориентации и трудового воспитания молодежи. По сравнению с 1981 г. уменьшилась доля учащихся, проходящих трудовое обучение непосредственно в школах, – с 24% до 22%. Вырос удельный вес занимающихся в учебных цехах, участках предприятий – с 3% до 8%. В целом по стране сегодня только каждый четвертый-пятый выпускник школы поступает на работу по профилю трудового обучения. В Свердловской области в 1983 г. более трети выпускников были трудоустроены в соответствии с профилем трудовой подготовки. Но заняли рабочие места станочников только 8% выпускников школ, электриков – 2%, слесарей – 14%, строителей – менее процента»².

А. Ю. Петров в социологическом ракурсе поставил вопрос о *культуре учебного труда*: «Давно замечено, что дело приносит человеку удовлетворение лишь тогда, когда человек умеет его делать. Приносит ли учеба радость? Ответить на этот вопрос мы сможем только тогда, когда ответим на вопрос «А умеет ли человек учиться?». От культуры учебного труда, таким образом, зависит его тонус, настроение человека как компонент человеческого фактора. 13% старшеклассников – комсомольских активистов, 12% студентов-вечерников и 16%

Вып. 2. Челябинск. 1986. С. 34-35.

¹ Там же. С. 45-46.

² Там же. С. 80-81.

будущих учителей-филологов считают, что навыки эффективного учебного труда у них не выработаны. Достаточно хорошо отработаны навыки организации эффективного и быстрого учебного труда по разным предметам у 23% старшеклассников, у 7% студентов-вечерников и лишь у 3% будущих педагогов. Следует оговориться, что степень умения учиться была показана отвечающими по их самооценке. Требования к себе меняются с возрастом. Кроме того, довольно низкий процент считающих себя умеющими эффективно учиться по разным предметам среди выпускников пединститута объясняется их возможно завышенными требованиями к себе как к педагогам-профессионалам. 64% старшеклассников-активистов, 80% студентов-вечерников и 82% будущих учителей считают, что они умеют успешно учиться лишь по некоторым предметам. Но ведь культура учебного труда предполагает умение учиться по различным профилям знания, быть готовым к разнообразию непредвиденных ситуаций. 85% студентов-вечерников политехнического института ответили утвердительно на вопрос, умеют ли они учиться по узкоспециальным предметам. На вопрос, умеют ли они учиться по гуманитарным предметам, утвердительно ответили уже 46%, то есть почти в 2 раза меньше. Отметим, что процент умеющих учиться по гуманитарным предметам у студентов-политехников-женщин выше, чем у мужчин (53% против 41%). 63% студентов-филологов и 56% студентов-вечерников политехнического института считают, что навыки умения учиться они получили в школе. 24% будущих педагогов и 37% будущих инженеров данные навыки получили от своих родителей, и соответственно 5% и 5% – от друзей и товарищей по учебе»¹.

З. Г. Мешковая и Л. П. Сашенкова (опрос 118 студентов II, III, и IV курсов Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства) рассказали о выявленном ими влиянии *включения будущих специалистов в различные формы общественно полезной деятельности на формирование их политической культуры*: 89% опрошенных студентов имеют постоянные общественные поручения. Что побуждает их участвовать в общественной работе? 56% отметили, что эта работа расширяет их кругозор, способствует постоянному повышению их политической культуры. 25% считают, что общественная работа сближает с коллективом и повышает их авторитет в коллективе. Это свидетельствует о том, что в основе выполнения студентами общественных поручений лежат высоконравственные мотивы, большая часть студентов обладает высоким уровнем сознательности. Но такой вывод не означает, что проблема активизации общественно-политической деятельности студентов перестает быть актуальной. Как показал опрос, 11% студентов регулярно общественной работой не занимаются. Кроме того, следует отметить, что некоторая часть, хотя и имеет общественные поручения, выполняет их формально. 17% участвует в общественной работе только потому, что это от них требуется, без каких-либо побудительных мотивов. Такая позиция свидетельствует об их недостаточной социальной зрелости. Основными причинами, мешающими студентам активно

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 2. Челябинск. 1986. С. 88-89.

участвовать в общественной работе, являются: не всегда учитываются интересы и способности студента (66%); отсутствие интереса, навыков к общественной работе (48%); отсутствие контроля за порученное дело (42%); низкий престиж общественной работы в вузе (21%); никто не дает поручений (9%)»¹.

В выступлении **Л. А. Лебедевой** приводились результаты опроса студентов Свердловского юридического института (1984 г.). Респондентам предлагалось из 46 перечисленных в анкетах различных качеств личности выбрать 10 наиболее высоко ценимых «в себе» и «в других людях» и расположить их в порядке убывания важности. Наиболее высоко ценимые *в себе* качества (в порядке убывания): «умение понять другого» и «доброта» (219 баллов); «трудолюбие» (193); «чувство собственного достоинства» (176); «чувство коллективизма» (167). Затем идут «честность», «целеустремленность», «надежность», «принципиальность», «искренность». «*В других людях*» привлекает несколько иной набор нравственных качеств. Здесь лидирует такое многозначное качество, как «надежность». В какой-то мере о смысле, который вкладывают в него опрашиваемые, помогают судить остальные 9 качеств, которые высоко ценит молодежь в «других людях»: «надежность» (327), а вслед за ней, как бы расшифровывая ее содержание, идут «умение понять другого» (264), «честность» (245), «воспитанность» (185), «трудолюбие» (181), «бескорыстие», «чувство юмора», «интеллект», «доброта», «самообладание»².

Выступление **Г. М. Вохменцевой** было посвящено *роли телевидения в эстетическом воспитании*: «Телевидение распространяет и производит новые художественные ценности, пропагандируя произведения практически всех видов искусства. При этом, если в структуре программ число передач, посвященных искусству, практически не изменилось со времени становления телевидения (от 31% в 1961 г. до 35% от общего числа передач в 1981 г.), то существенно увеличилось число оригинальных произведений (телефильмов, телеспектаклей). Так, в 1961 г. они составляли 9% среди всех художественных программ, а в 1981г. – уже 28%. Функции телевидения в формировании художественной культуры таковы: пропаганда художественных ценностей, произведений искусства; организация художественной деятельности масс, их активного вовлечения в самостоятельное художественное творчество и показ лучших образцов самостоятельности коллективов и трудящихся; информация граждан о новостях в области искусства (новых фильмах, спектаклях, экспозициях и т. п.)»³.

В. С. Цукерман в выступлении на Чтениях обобщил результаты многолетних исследований *народной культуры*: «Развитие народной культуры разворачивается путем разрешения противоречия между родовой сущностью человека и возможностью ее реализовать непосредственно в деятельности народных масс. Это противоречие определяет сущность народной культуры. На каждом данном этапе есть мера реализации сущностных сил трудящихся масс в процессе их исторической практики, мера выражения народом самого себя. Эта сущ-

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 2. Челябинск. 1986. С. 105-106.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 182.

ность является через основные функции народной культуры: а) самосознания народа, б) утверждения и сохранения его жизнедеятельности: в) трансляции социального опыта. Народная культура поэтому есть часть культуры человеческого общества, созданная непосредственно трудящимися массами, выражающая их миропонимание и мироощущение и представляющая собой результат и процесс формирования и реализации их сущностных сил (осуществляемый в основном посредством непрофессиональной деятельности)»¹.

Отметим и выступление **Р. М. Алабиной, А. В. Алабина, В. И. Харитонova**, посвященное *роли семьи в развитии у детей интереса к спорту, активному участию в спортивных занятиях*. 10% опрошенных семей стремятся привлечь своих детей к регулярным занятиям в спортивных секциях. Вместе с тем определенная часть родителей (23,2%) негативно относится к занятиям спортом своих детей, даже запрещает (17%) посещать занятия в секциях, считая, что они мешают учебе, могут вызвать нежелательные перегрузки в режиме дня ребенка. Другим важным фактором, определяющим активное отношение учащихся к физической культуре и спорту, является школа. Около трети детей (27%) приобщены учителем физического воспитания к спорту под влиянием бесед, непосредственного участия в физкультурных мероприятиях в школе. Это положительный факт. Однако в отборе детей к спортивным занятиям, в определении их спортивной специализации необходимо деятельное участие не только учителя физической культуры, но и тренеров, определяющих выбор вида спорта для ребенка. По данным исследования, участие тренеров ДЮСШ в спортивном отборе невелико, лишь 8% опрошенных детей привлечены в спорт непосредственно тренерами спортивных школ, а 7% детей испытывают затруднения в выборе вида спорта. Значительное влияние на приобщение к спорту, наряду со школой, оказывает пример товарищей по классу, школе. 18% школьников, занимающихся в спортивных секциях, указывают, что начали спортивные занятия, следуя примеру своего друга, товарища. Активному привлечению школьников к занятию спортом способствуют средства массовых коммуникаций, особенно телевидение, кино, книги. 19% опрошенных отмечают положительное воздействие спортивных телепрограмм и передач. Сомнения в эффективности такого способа пропаганды не возникают, но действенность этих программ следует поднять. Необходимо организовать спортивные передачи методического плана специально для детей школьного возраста, рекомендующие, какими видами спорта и как надо заниматься. Значительно отстают по своему воздействию на приобщение детей к спорту киноэкран и художественная литература. 3% опрошенных школьников указывают на благоприятное влияние хороших спортивных фильмов и книг на спортивные темы»².

Как и на предыдущих Чтениях, в ряде выступлений рассматривались методологические вопросы социологии личности. «В научной литературе, – отмечал **В. А. Глазырин**, – утвердилось понимание личности как индивидуальной формы бытия общественных отношений. Следовательно, основное противоре-

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 2. Челябинск. 1986. С. 191.

² Там же. С. 211-212.

чие развития личности и должно раскрывать сущность личности как диалектику индивидуальной формы общественных отношений. По нашему мнению, таким противоречием является *противоречие между социализацией и индивидуализацией личности*, поскольку именно это противоречие выражает становление и развитие сущности личности. Социализация и индивидуализация в качестве основного противоречия развития личности позволяют раскрыть диалектику индивидуальной направленности развития личности, с одной стороны, и развитие общества, – с другой»¹.

Н. Н. Маликова продолжила анализ социальной активности: «Универсальным способом, единственной сферой объективации социальной активности является социальная деятельность, выступающая как «естественная необходимость», то есть – самодеятельность, так как только в ней социальный субъект может реализовать себя, свои сущностные силы. Опираясь на наследие классиков марксизма, *социальной активности личности* как способу взаимодействия личности со средой, обеспечивающей ее развитие, *правильнее противопоставлять не пассивность (бездеятельность)*, являющуюся лишь внешним выражением определенных свойств и качеств личности, а *приспособление*, как способность личности изменяться под воздействием внешних обстоятельств, выступая при этом лишь объектом этого внешнего воздействия. Зримые черты «приспособленчества» – это равнодушие, беспринципность, инфантильность, мещанство и т. д. «Вовне» «приспособленчество» объективируется либо в пассивности личности, либо в ее мнимом активизме (активной деятельности, которая не ведет к развитию личности). Приспособленец – это всегда лишь объект, развитие его всегда условно, ибо предполагает лишь определенные количественные изменения (без образования новых личностных качеств). Например, может ли рост производительности труда в условиях НТР в капиталистических странах рассматриваться как проявление трудовой активности трудящихся? Бесспорно, нет. Ибо продиктован внешним, чуждым для самого рабочего обстоятельством, не ведет к образованию каких-либо новых свойств личности»².

Но социология культуры на Урале развивалась в *единстве теоретических и эмпирических исследований*. Отражением этого единства и было выступление **В. Т. Шапко**: «Совершенствование социалистической культуры связано и с тем, насколько глубоким и полным является понимание сущности культурных процессов. На уровне общественного мнения это проявляется в представлениях трудящихся о том, что такое культурный человек, каковы предпочитаемые культурные ценности и т. д. Исследование этих оценок и ориентиров возможно с помощью конкретных социологических исследований. Нами использованы материалы исследований, проведенных в трудовых коллективах Н. Тагила в 1977-1985 гг. Данные исследований показывают, что происходит эволюция оценок и ориентации общественного мнения по проблемам культуры. В 1970-е гг. большинство трудящихся связывало представления о культуре преимущественно с образованием и художественной культурой. Характерно, что в

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 2. Челябинск. 1986. С. 214-215.

² Там же. С. 227-228.

ориентациях повышения культурного уровня преобладают: чаще бывать в кино (40%), чаще бывать в театрах, на концертах (37%), чаще посещать беседы, лекции (22%). В ответах на вопрос исследования 1985 г. «Что такое культурный человек?» выявляется следующее понимание и ранжирование различных признаков культурности: воспитанный, тактичный – 41%; порядочный, добрый – 25%; общительный – 22%; эрудированный – 20%; добросовестно относящийся к любому делу – 20%; бережно относящийся к природе – 20%; имеющий высокий уровень образования – 13%; наиболее полно реализующий способности – 9%; с широкими интересами – 8%; увлекающийся искусством и разбирающийся в нем – 5%; умеющий красиво говорить – 4%; умеющий красиво жить – 2%; хорошо разбирающийся в одежде, моде – 1%»¹.

На Чтениях было высказано мнение (**В. Г. Нестеров**), что перестройка должна начинаться с *изменения стиля партийной работы*. Опираясь на данные исследований *Свердловской ВПШ*, выступавший показал, «что еще нередко в работе партийных комитетов суть дела подменяется формой, деловитость – бумаготворчеством, говорильней. Отрыв слова от дела оказывается причиной многих негативных явлений и, прежде всего, – снижает трудовую и общественно-политическую активность людей. Укрепление связи с массами, настрой на дела предполагают усиление коллективного руководства и персональной ответственности, более строгую оценку и контроль результатов собственной деятельности, развитие критики и самокритики, борьбу с формализмом и бюрократизмом, парадностью и благодушием. На пути от слов к делу должна лежать большая аналитическая, организаторская, политико-массовая работа в трудовых коллективах. Следует повысить авторитет, значение «честного слова» каждого коммуниста. Не должно быть места восхвалениям и комплиментам, попыткам скрыть за общими словами существо вопроса, сваливать вину за недостатки и упущения на «объективные причины» или ведомственные неувязки. Нужно строже спрашивать с руководителей коллективов, которые несут персональную ответственность за дисциплину, покончить с психологией взаимопрощения, безответственности и расхлябанности. Необходима широкая гласность в работе всех партийных и советских органов. Гласность предполагает конкретную информированность рабочих. Материалы исследований говорят о заметном разрыве между потребностью ускорения нашего развития и уровнем информированности рабочих о непосредственных плановых заданиях, стоящих перед коллективами участков, цехов, предприятий. Так, о задачах и итогах работы были достаточно полно информированы: на уровне участка – 75% рабочих, цеха – 56%, завода – 28%. С планами технической реконструкции собственного участка (цеха) были хорошо знакомы 21% рабочих, знали о них приблизительно – 35%, практически ничего не знали – 32%»².

¹ Шестые Уральские социологические чтения. XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии. Вып. 2. Челябинск. 1986. С. 237.

² Там же. 257.

VII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ.

Они состоялись 31 января - 2 февраля 1989 г. в Ижевске. Чтения включали пленарное заседание и работу 7 секций. На чтения было представлено 255 докладов и сообщений. Происходившие в тот период социальные процессы в нашем обществе нашли отражение в названии чтений *«Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии»*. Участники чтений обсудили различные аспекты социологического анализа процессов перестройки.

«Предпринятый нами социологический опрос представляет одну из первых в стране попыток изучения общественного мнения населения крупного промышленного района (каковым является Средний Урал), – подчеркнули **Б. С. Павлов, С. А. Анисимов, А. Н. Чемоданов**, – о степени распространения, основных причинах *получения нетрудовых доходов* некоторой частью населения. Объектом исследования были выбраны 2000 рабочих и служащих 31 предприятия Свердловской области. Отрасли народного хозяйства и производства, выбранные нами для проведения массовых опросов трудящихся, были и пока традиционно остаются с повышенной криминогенной ситуацией. Это - ликероводочные и пивоваренные заводы, кондитерские фабрики, молокозаводы, Ирбитский мотозавод, автохозяйства, предприятия агропрома и др. Опросы в коллективах проводились по случайной, «непредвзятой» выборке. Судя по ответам, основная масса опрошенных рабочих и служащих считают, что принятые документы по борьбе с нетрудовыми доходами своевременны». «Часть вопросов анкеты была посвящена выявлению мнения трудящихся о степени распространения нарушений и злоупотреблений в различных сферах жизнедеятельности общества. Из 10 сфер и служб городского хозяйства респондентам предлагалось определить те, в которых это социальное зло пустило наиболее глубокие корни и где нужны более решительные меры борьбы. Вот 6 «лидеров» этого списка (в % от общего числа опрошенных): торговля промышленными товарами – 54, торговля продуктами питания – 51, общепит – 39, торговля алкогольными напитками – 38, ЖКХ – 34, здравоохранение – 28»¹.

Не менее актуальной проблеме – *индивидуальной трудовой деятельности* – было посвящено выступление **В. Н. Руденкина**, отметившего два важных обстоятельства: «Широкое развитие и использование индивидуального труда продиктовано необходимостью решить проблему ликвидации дефицита на многие товары и услуги; масштабы и характер современного производства требуют не только коллективных, но и индивидуальных видов труда. Не все виды человеческой деятельности могут приобретать непосредственно коллективный характер». «Индивидуальный труд обладает рядом достоинств. Главные из них – резкое сокращение управленческого аппарата, чуткое реагирование на спрос. Возможность определять ассортимент выпускаемой продукции, устанавливать цены в зависимости от спроса на неё заставляют мастера быть гибким и внимательным к потребителю, учитывать его интересы. Необходимо и учитывать

¹ Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии / Тезисы докладов VII Уральских социологических чтений. Т. 1. Ижевск, 1989. С. 7-8.

имеющееся у каждого стремление к неповторимым формам самовыражения, индивидуализации»¹.

«Формирование *нового хозяйственного мышления*, – отметила **Р.М. Сырнева**, – требует отработки механизма его реализации в производственном коллективе. Но наши исследования (опрос 1986 г. в СМУ треста «Востокхим-защита») показывают: самоуправление в коллективе сдерживается тем, что оно слабо работает в организации труда. На единый наряд работает 11% общего числа бригад, столько же применяют КТУ, на хозрасчете работают 44%. И это сказывается на степени участия рабочих в управлении производством. 26% опрошенных рабочих не имеют поручений и не хотят их иметь. Постоянные поручения есть у 3%, 19% – имеют временные поручения. Но значительная часть рабочих хотела бы включиться в общественную работу (23%)»².

Не менее важно было *развивать потенциал ИТР*, о чем по итогам социологических исследований, проведенных в 1987 г. сотрудниками лаборатории Свердловской ВППШ и заводскими социологами Свердловска на ряде машиностроительных предприятий города, рассказала **Е. П. Стародубцева**: 52% опрошенных ИТР, по их собственному признанию, используют свой профессиональный потенциал лишь наполовину, но при других условиях могли бы трудиться в полную силу. Половина ИТР, давая оценку собственным разработкам и проектам, оценила степень их новизны лишь в интервале от «О» до «50%». Каждый третий из ИТР и хозяйственных руководителей отметил, что он не участвовал в проведении мероприятий, связанных с ускорением НТП. Лишь 14% инженеров и организаторов производства работают в общественных бюро экономического анализа, комплексных творческих бригадах и других творческих формированиях. Существующая практика использования ИТР в производстве дает многочисленные факты труда инженеров на рабочих местах»³.

Связь перестройки с активизацией *человеческого фактора* потребовала уточнения этого понятия. По мнению **Ф. С. Файзуллина**, «понятие «человеческий фактор» тесно связано с понятиями «социальный фактор» и «субъективный фактор», но его содержание не тождественно им. Оно отражает функционирование человека как субъекта деятельности в разных сферах жизни общества. Этот феномен есть система физико-биологических, психофизических, интеллектуально-образовательных, профессионально-квалификационных, социально-политических и духовно-идеологических черт и качеств, детерминирующих деятельность человека во всех сферах его жизнедеятельности»⁴.

В. А. Мальцев привлек внимание к *культуре труда*. «Под культурой труда, – по его мнению, – следует понимать степень реализации субъектами производственной деятельности своих сущностных сил, творческое выполнение обязанностей. На современном уровне развития социалистическое общество сталкивается с немалым кругом неразрешенных проблем в сфере культуры

¹ Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии / Тезисы докладов VII Уральских социологических чтений. Т. 1. Ижевск, 1989. С. 23-24.

² Там же. С. 89-90.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 91.

труда. Главнейшая из них - неоднородность труда. До сих пор около 40% рабочих заняты ручным, малоквалифицированным трудом. Проведенное нами на 11 предприятиях Перми социологическое исследование показало: среди молодежи 31% не удовлетворены оборудованием, существующей технологией; 40% – ритмичностью работы; 35% – физически тяжелым характером работы; 30% – санитарно-гигиеническими условиями; 25% - сменным характером труда, 32% – низкой зарплатой»¹.

В выступлении **М. Ю. Логиновских** *реальная демократизация производства* рассматривалась как «противоречивый процесс»: «Эта противоречивость определяется мелкобуржуазными представлениями о свободе, равенстве и превратным пониманием трудовыми коллективами своих интересов. Итоги исследований показали: выборность руководителей поддерживает большинство трудовых коллективов. Но некоторые из них не готовы к работе в новых условиях: в ряде коллективов не изжиты потребительство, желание урвать побольше, отдать поменьше; выдвинуты таких руководителей, которые заплатят незаработанные деньги. Кое-где трудящиеся стремятся снизить порог технологической требовательности, ссылаясь на устаревшее оборудование. Живучи расхлябанность и недисциплинированность. Процесс демократизации – неотъемлемая часть перестройки, но проведение её в жизнь требует изучения готовности трудовых коллективов к новациям»².

В. Я. Звездин соотнес *успех перестройки* с тем, насколько «она втянула в свою орбиту широкие слои трудящихся». Это определяет важность исследования: «все ли понимают ее суть, знают свою роль?». Лишь пятая часть опрошенных рабочих и колхозников трудовых коллективов *Прикамья (опрос - октябрь 1987 г. выборка – 2363 рабочих и колхозников, 980 руководителей в 5 городах и 3 районах Пермской области)* смогли выразить свое понимание сути перестройки, остальные затруднились сделать это. Только 2% опрошенных убеждены: перестройка в их коллективах идет активно; 32% – считают, что она идет медленно, 48% – в своих трудовых коллективах никакой перестройки не видят. Главная причина торможения – сила привычки работать по-старому. На неё указали 48% опрошенных. Четвертая часть трудящихся и треть руководителей считают: отсутствуют стимулы работать по-новому. Еще один фактор – незнание многих, как осуществить перестройку на своем рабочем месте (28%)»³.

К сходным выводам пришла **Л. А. Липская** на основе опроса работников *Челябинского часового завода*: «Главный тормоз демократизации управления – преобладание полярных стилей руководства: авторитарного и попустительски-либерального (отметили 39%). Только 31% рабочих завода устраивает стиль руководства. В случае выборов руководителя проголосовали бы за нынешнего бригадира 24%, мастера, начальника участка – 33%, начальника цеха – 33%, начальника отдела – 26%. Причины такого отношения: доминирование среди руководства административно-бюрократических методов управления, пассив-

¹ Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии / Тезисы докладов VII Уральских социологических чтений. Т. 1. Ижевск, 1989. С. 44-45.

² Там же. С. 123-124.

³ Там же. С. 126-127.

ность и некомпетентность отдельных руководителей, «глухота» к решению социальных вопросов»¹.

В выступлении **В. Л. Барсука** и **Л. А. Бляхман** обобщались результаты опроса *руководящего звена колхозов и совхозов Свердловской области*, их мнения о характере и перспективах происходящей на селе перестройки. Респонденты оценивали происходящие процессы как позитивные, понимают необходимость работать по-новому (50%), но еще немало тех, кто не понимает сущности новых требований, не верит в какие-либо перемены (33%), 7% – вообще не верит в успех перестройки»². Интересны были и приведенные **Л. Х. Цибаяевым** данные *опроса специалистов сельского хозяйства Курганской области*. Соотношение удовлетворенных и неудовлетворенных жизнью среди них 1:1 (42% и 40%)»³.

Среди проблем, актуализированных в условиях перестройки, было и *национальное самосознание*. «Национальное самосознание, – отмечал **Б. Ю. Берзин**, – отражение реальности существования большой социальной группой, нацией, осознание ею своих интересов, своего места и роли в истории, отношения к другим нациям и народам. Это, прежде всего, память народа, закрепленная в ценностях, нормах и традициях национальной культуры. Его отличительные черты: направленность анализа на себя, на свое сознание; ярко выраженная субъективность, высокая активность, благодаря которой происходит овладение ценностями и нормами национальной культуры; специфичная структура»⁴.

Перестройка привнесла и расширение круга исследований. Одно из них – *досуг населения северных городов* в районах нового освоения (1986 г., выборка – 600 жителей Ноябрьска и Когалыма), о чем рассказала **С. Г. Панова**. 32% оценили возможности проведения своего свободного времени как очень неблагоприятные, тогда как негативную оценку жилищным условиям дали только 14%, обеспеченности промышленными товарами – 10%, продуктами питания – 5%. Еще значительная часть людей (около 60%) ощущают себя на Севере временными жителями и не имеют твердого намерения остаться здесь на длительное время. Отсюда пассивное, а зачастую и иждивенческое отношение к жизненно важным проблемам своего города. В то же время 61% высказали мнение, что общественные инициативы по месту жительства способствуют объединению людей, развитию у них чувства коллективизма, взаимовыручки. 2% опрошенных считают: на основе инициативных объединений можно интереснее и содержательнее проводить досуг»⁵.

А. В. Меренков рассказал о проведенном в 1986 г социологами УрГУ исследовании в *МЖК-1 Свердловска*. «Молодежный жилищный комплекс ориентирует через Совет коллектива, ДК и СК на наиболее полный учёт потребностей и интересов жителей в сфере культуры. В МЖК принимают участие в мас-

¹ Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии / Тезисы докладов VII Уральских социологических чтений. Т. 1. Ижевск, 1989. С. 162.

² Там же. С. 184.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 197.

⁵ Там же. С. 202-204.

совых праздниках 47% опрошенных, а в ДК «Урал» - лишь 11%. Цель в МЖК – через массовые коллективные формы культурной активности побудить человека к саморазвитию в свободное время на базе местного ДК. При этом в комплексе в 5 раз меньше людей, которые не принимают какого-либо участия в массовых мероприятиях (в ДК «Урал» таковых 61%). Проявляют простейшие формы активности (танцуют, поют) – в 5 раз больше, чем в сравниваемом микрорайоне»¹.

Не обошли участники Чтений и борьбу за *«трезвый образ жизни»*. Об итогах опроса *общественного мнения в Свердловской области, проведенного в декабре 1986 г. сектором социологии труда Института экономики УрО АН СССР* по представительной областной выборке (1000 городских и сельских жителей) рассказала **И. В. Сапожникова**: «По мнению 80% опрошенных, за последнее время сократились факты появления в нетрезвом виде на улицах, в зрелищных учреждениях. Очищается от пьянства и сфера трудовой деятельности: 63% отметили сокращение в своих трудовых коллективах случаев появления на работе в нетрезвом состоянии, 60% – сокращение количества прогулов, 57% – опозданий на работу на почве пьянства, 60% считают: сокращаются коллективные застолья в помещениях предприятий, организаций, учреждений, а также факты распития алкогольных напитков на рабочих местах (57%)»².

Э. М. Назарова в выступлении проанализировала (на основе исследований, проведенных во всех вузах Башкирии, в Тюменском и Мордовском университетах) один из внутриклассовых социально-профессиональных отрядов интеллигенции – *преподавателей вузов*: «Участие в научной работе сближает их с учеными, участие в преподавании – с учителями. Большинство профессорско-преподавательского корпуса чувствует себя в первую очередь преподавателями и лишь во вторую – учеными. 27% отнесли себя к категории «хороший ученый и хороший преподаватель»; 45% – «посредственный ученый, но хороший преподаватель»; 13% – «посредственный ученый и посредственный преподаватель»; 6% – «хороший ученый, но неважный преподаватель». 8% затруднились с ответом. Одно из основных противоречий вузовской системы – карьера, служебное положение и величина зарплаты преподавателя в решающей степени зависят от успехов не в преподавании, а в научной работе, от наличия ученой степени и звания. Это и принуждает заниматься научной работой тех преподавателей, которые ею не хотели бы заниматься и не чувствуют к ней призвания»³.

В новых условиях на первый план в социологии культуры выдвинулась *экономическая культура*. Ее формированию в трудовом коллективе под воздействием экономических, организационных и идеологических факторов посвятили выступление **Т. В. Рыбченко и Н. А. Рыбченко**: «Личностный потенциал не всегда в полной мере практически применяется и оказывается еще неиспользованным резервом. Треть рабочих цветной металлургии, обладая смежной

¹ Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии / Тезисы докладов VII Уральских социологических чтений. Т. 1. Ижевск, 1989. С. 225.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 237.

профессией, не использует ее в своей работе. Кроме того, у рабочих и специалистов до сих пор не сформировалась активная хозяйская позиция. На вопрос: «Если при выполнении производственного задания Вы сталкиваетесь с трудностями, не зависящими от Вас, то как Вы поступаете?» более трети опрошенных мастеров ответили: «Ничего не предпринимаю, если не вижу в этом для себя прямой выгоды», и лишь 10% опрошенных ответили: «Ищу новые средства и методы реализации задания в изменившихся условиях, используя имеющиеся ресурсы». На вопрос: «Как Вы понимаете свою роль в процессе перестройки в своем трудовом коллективе?» более половины опрошенных ответили: «Моя работа ничего не меняет»¹.

Усилилось внимание к *противоречиям в развитии культуры*. По мнению **С. С. Соковикова**, одно из них – между «совокупностью явлений, образующих популярный слой культуры досуга, и образцами высокой духовной культуры». Автор отметил, что «оно касается только определенного класса ситуаций, в которых «популярное» вытесняет или подавляет «классические», традиционные культурные ценности. Но оценка «популярного» только как низкопробного, примитивного явления – крайне односторонняя и упрощенная. В сферу «популярной» включаются и явления высокого уровня (музыкальная и литературная классика, современные произведения искусства самых высоких достоинств – поэзия, кино, театр и т.д.). Очевидно, что популярное, уже в силу названных выше признаков, предстает полем реализации актуальных интересов групп населения в сфере досуга, какого бы качества явления это ни касалось. Более существенным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что «популярное» функционирует практически полностью стихийно, подчиняясь действию внутренних механизмов, причем реализуется, по большей части, не институциональным путем. Это приводит ко многим негативным последствиям, затрудняющим деятельность институтов организации досуга. Поскольку природа и механизм функционирования «популярной культуры досуга» пока не изучены достаточно полно, это делает проблематичной саму возможность управления, коррекции, тем более прогнозирования»².

В. Н. Стегний обратил внимание на «*противоречие между специализированным и массовым сознанием*. Оно проявляется в том, что ценности специализированного сознания становятся достоянием массового сознания с большим интервалом времени. Так, в условиях перестройки, ускорения социально-экономического развития страны развитие научно-технического прогресса рассматривается как главный рычаг повышения эффективности производства, основа коренного обновления материально-технической базы общества. Данная постановка вопроса требует участия в развитии научно-технического прогресса каждого человека. Поэтому *научно-технический прогресс* должен стать достоянием не только специализированного, но и массового сознания. Потребность в научно-технической информации в данном случае становится потребностью не отдельной социальной группы, а общества в целом. Опрос 10 тыс. рабочих про-

¹ Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии / Тезисы докладов VII Уральских социологических чтений. Т. 2. Ижевск, 1989. С. 30-31.

² Там же. С. 53.

изводственных коллективов, проведенный нами, позволил зафиксировать, что среди рабочих интересуются данной информацией менее трети. Идеи НТП еще не овладели массовым сознанием, они все еще остаются по преимуществу достоянием специализированного сознания»¹.

И. В. Шапко посвятила свое выступление *«неформальным молодежным объединениям»*: «Они полифункциональны и представляют собой и способ проявления социальной активности, и способ самоутверждения личности, и способ общения. В качестве причин их появления можно выделить:

- «дефицит» общения и неудовлетворенность официально существующими его формами. Действительно, последние в большей степени бюрократизированы, заорганизованы. Проводимые мероприятия, как правило, рассчитаны на «массовое потребление», «обезличены». Круг проблем, явлений, предлагаемый официальными государственными учреждениями в качестве предмета общения, довольно узок. Кроме того, в официальных институтах нередко вырабатывается некритическое отношение к действительности, особенно к оценке деятельности функционирующих социальных институтов, что тоже не может удовлетворять молодежь;
- неформальные молодежные объединения появляются как реакция на негативные явления, существующие в нашем обществе, как форма неприятия и способ преодоления их, как попытка решить проблемы, с которыми не справляются или «не хотят» справляться государственные учреждения. Неслучайно такой широкий размах получили движения в защиту Байкала, в защиту исторических памятников и т. д.;
- появление неформальных молодежных объединений как способа общения отражает то, что далеко не все общение подлежит общественному регулированию и организации, в том числе и государственному регулированию, организации и контролю.

Различные виды неформальных объединений молодежи имеют и различную репутацию в официальном общественном мнении. Если клубы самодеятельной песни и их лучшие представители в худшем случае не популяризировались, то объединения любителей «хард-рока», «биттломанов» еще недавно запрещались»².

В выступлении **Р. Б. Фишмана** рассматривался другой малоизученный феномен молодежной культуры – *«молодежная мода»*: «Основополагающую роль в возникновении моды играют микро-группы. То единоклубные, с которыми члены определенной микро-группы, ранее не характеризовавшиеся унификацией поведения своих членов, прибегают к одинаковым ценностям, есть форма, через которую обнаруживает себя устанавливающаяся, еще не достигшая своего кульминационного охвата, мода. В тех случаях, когда формальные или неформальные объединения молодежи прибегают к унификации поведения своих членов, видя в ней способ группового самоутверждения, мы сталкиваемся с явлениями молодежной моды, которым суждено либо выйти за рамки основанной

¹ Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии / Тезисы докладов VII Уральских социологических чтений. Т. 2. Ижевск, 1989. С. 58.

² Там же. С. 89-90.

их микро-группы (принять макро-размеры), либо остаться. Конечно, и сегодня далеко не вся молодежь подвержена влияниям моды, включена в нее либо на фазе формирования, либо на фазе распространения. Социологическое исследование «Досуг и молодежь» (1987 г., опрошено 400 чел.) показало: 4% молодежи относят себя к ее безусловным сторонникам, 43% – пытаются не отставать от моды, 42% – изредка следят за модой, 10% – вообще не следят за ней. Среди мотивов, которыми руководствуются «нигилисты» от моды, преобладают чисто практические. Лишь 6% опрошенных «нигилистов» ответили, что их проблемы моды вообще не интересуют, 41% же сослались на то, что нет возможности купить модные вещи, 23% – на высокие цены. Наиболее важно, на наш взгляд, оценить формы поведения, привнесенные в структуру досуга молодежи модой, и тем самым проанализировать моду с точки зрения ее способности мобилизовать индивидов на освоение новых, сложных форм поведения. Под влиянием моды молодежь приобщается к различным занятиям: коллекционирование пластинок и дисков, освоение определенных музыкальных инструментов, участие в рок-группах, спортивные увлечения, проба сил в шитье, вязании»¹.

Ряд выступлений был посвящен изменениям в сознании студенческой молодежи. Приведенные **В. В. Барковой** результаты *опроса (май 1987 г., 460 студентов Челябинского пединститута)* позволили сделать вывод: «студенческая молодежь активно откликается на меры по дальнейшему развитию и совершенствованию социализма в нашей стране. 82% опрошенных воспринимают с интересом и пониманием решения Январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, 56% заявили, что активно включились в процесс перестройки, гласности, демократизации, а 33% – готовы активно участвовать в процессе оздоровления советского образа жизни, но не знают, с чего начать. По мнению 73% опрошенных, участие в перестройке должно начинаться с налаживания студенческого самоуправления, что позволит избавиться от пассивности (43%), формализма в учебе, общественной работе (91%). Анализ данной группы ответов показывает: большинство студенческой молодежи видит свое место в обозначенных выше процессах, знает «рычаги» повышения собственной социальной активности и гражданской зрелости, а, следовательно, и формы участия в перестройке». На вопрос «Что Вы ожидаете (хотели бы получить) от перестройки?» опрошиваемые ответили: творчески проявлять себя в профессиональном плане – 88%; иметь перспективу продвижения по службе – 66%; получать высокую заработную плату – 57%; покупать высококачественные продукты и модные изделия в свободной продаже – 76%. Но настораживает то, что уверенность в реализации планов перестройки разделяют только половина студентов»².

Л. Г. Пихоя на основе данных социологического исследования, проведенного в 1987 г. в УПИ (выборка – 600 чел.) о деятельности отделов и служб института сделала вывод, что «прежний механизм деятельности управленческих служб не отвечает задачам перестройки высшей школы. Взаимодействие между факультетами и управленческими службами слабое. По оценкам 50%

¹ Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии / Тезисы докладов VII Уральских социологических чтений. Т. 2. Ижевск, 1989. С. 110-111.

² Там же. С. 166.

опрошенных, отделы и службы не полностью выполняют свои функции. Только 4% отметили: управленческие службы НИЧ полностью выполняют свои функциональные обязанности. 45% отметили: решение оперативных вопросов работниками управленческих служб затягивается на недели и месяцы. 62% считают: решения, принимаемые отделами и службами института, часто недоработаны и противоречивы, несвоевременно доводятся до факультетов»¹.

Т. Д. Сундукова и Н. П. Колчанова изучали роль *движения студенческих строительных отрядов* в коммунистическом воспитании молодежи: «Отличительная особенность коллектива студенческого отряда (СО) – в нем воспитательная функция занимает ведущее место в иерархии функций коллектива. Привлекательность принципов внутриотрядной жизни отражается в субординации мотивов поездки в СО: интересная отрядная жизнь побудила стать его бойцами почти вдвое большее количество людей, чем другие причины. Исследование показало: чем больше студент доволен жизнью своего отряда, тем более дружным, сплоченным он его считает. Удовлетворенность внутриотрядной жизнью в свою очередь связана со стажем бойца. В роли фактора, наименее повлиявшего на выбор отряда, выступает возможность высоких заработков. В «сильном» отряде этот мотив выделили 4% опрошенных, в «слабом» – 4%, в то время как альтернативу – «этот отряд наиболее известен своими интересными традициями» – выбрали в «сильном» отряде 10%, в «слабом» – 23% бойцов»².

А. В. Ишмуратов и Ю. В. Семенов (по результатам опроса более 170 учителей и преподавателей школ, средних профтехучилищ и техникумов Ижевска) показали неоднозначность процесса формирования нового мышления в преподавательской среде: «С необходимостью выбора руководителя учебного заведения согласилось 57%, 23% отнеслись к этой идее настороженно и 12% не поддержало ее. Заметное расхождение мнений среди учителей обнаруживается и в важности выбора в педагогические советы учебных заведений учащихся. Только 35% респондентов ответило, что это необходимо делать, 34% считают, что над этим следует еще подумать; 23% опрошенных учителей не видят в этом никакой необходимости. Данные опроса учителей отражают неадекватность их ожиданий и представлений о проводимых в стране мероприятиях и о перестройке народного образования. Только у 3% они совпали полностью, у 46% – лишь частично, а у 26% – полностью не совпали. Итак, ломка сложившихся стереотипов поведения в преподавательской среде происходит не просто»³.

Столь же неоднозначным, по оценке **Н. В. Фролова**, было и отношение трудящихся к перестройке, к проблемам кадровой политики, реформе управления, демократизации (выборности, гласности, критике): «В нем просматриваются два взаимосвязанных аспекта: понимание, поддержка, активное участие в реализации постановления январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС (55%) и июньского (1987) Пленума ЦК КПСС (52%); пассивная поддержка их практи-

¹ Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии / Тезисы докладов VII Уральских социологических чтений. Т. 2. Ижевск, 1989. С. 193-194.

² Там же. С. 197-199.

³ Там же. С. 209.

ческой реализации (не готов к действию, затрудняюсь, не верю) — соответственно: 37% и 48%. Такое отношение по своему характеру естественно, ибо отражает, с одной стороны, разные процессы (интенсификация, реформа управления, кадровая политика, демократизация), а, с другой стороны, разные уровни понимания и опыта жизнедеятельности. Так, например, доля тех, кто не верил в возможность реализации документов январского (1987) Пленума ЦК КПСС, составила 3%, а июньского (1987) Пленума ЦК КПСС — 21%. К реформе управления рабочие проявили более скептическое отношение, поскольку уже были половинчатые попытки ее осуществления. Следует иметь в виду, что в стране имеют место «первые шаги» и понятна известная неудовлетворенность общим положением дел. 81% рабочих и 85% руководителей считают, что ускорение незначительное или все остается по-старому. Сходные оценки и по вопросам демократизации. Все эти и многие другие колебания общественного мнения сказываются на общих итогах анализа выше указанных двух аспектов. Если эти моменты упускаются, то собственно объективное состояние общественного мнения может быть истолковано превратно»¹.

Н. С. Минаева в рамках проведенного *сектором социологии труда Института экономики УрО АН СССР в июне 1987 г. исследования руководителей и трудящихся 141 предприятия в девяти городах Свердловской области* изучала субъективную готовность различных категорий трудящихся и руководителей к перестройке. На вопрос анкеты «Видите ли Вы какие-либо преимущества при переходе Вашего предприятия на полный хозрасчет, самофинансирование и самоокупаемость?» были получены следующие ответы (от числа ответивших): видят весьма значительные преимущества среди директоров — 40%, секретарей парторганизаций — 44%, начальников цехов — 35%, мастеров — 23%, бригадиров — 16%, инженерно-технических работников — 16%, рабочих — 16%. Остальная часть респондентов или не видела значительных преимуществ, или даже сомневалась в целесообразности перестройки на их предприятии. В значительном числе случаев негативный эмоциональный настрой по отношению к экономическим методам хозяйствования связан с психологической предубежденностью, неполным и неточным знанием, нежели с рациональным прогнозом ожидания последствий»².

А. Э. Гущина и Г. Е. Маклакова обобщили *опыт выборов хозяйственных руководителей* и подчеркнули *необходимость участия социологов на разных этапах выборной кампании*: «Прежде всего, социолог должен выяснить уровень зрелости коллектива, его способность к ответственному выбору. Поставив диагноз, социолог определяет процедуру выборов, меру и способы вмешательства в этот процесс. Предварительный опрос дает и информацию о мнениях людей, и вопросами анкеты подталкивает их к размышлениям, оценкам, к формированию собственного мнения. Таким образом, предварительный массовый опрос становится отправной точкой выборной кампании. Социолог может участвовать и в самом процессе выборов. Экспресс-опросы фиксируют изме-

¹ Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии / Тезисы докладов VII Уральских социологических чтений. Т. 2. Ижевск, 1989. С. 212-213.

² Там же. С. 225.

няющиеся состояния общественного мнения о кандидатах. Социологические материалы выступают инструментом отслеживания ситуации, прогнозирования развития событий и способствуют накоплению опыта проведения выборов»¹

По мнению **Н. А. Аитова**, «само *социальное развитие* состоит из двух важнейших компонентов: из решения задач сегодняшнего улучшения условий жизни и труда населения и задач совершенствования общественных отношений и оптимизации течения социальных процессов. Одним из главных пороков прошлого и ныне создаваемого хозяйственного механизма является его нацеленность на решение *сиюминутных, сегодняшних задач*, в первую очередь – экономических. Но чем менее мы обращаем внимание на решение перспективных задач, тем с каждым днем нам становится труднее решать и сегодняшние проблемы. А это значит, что необходимо создание механизма управления социальными процессами, в том числе и материальной ответственности предприятий и органов управления за ходом социальных процессов. Кто отвечает за стирание существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, за сближение и расцвет наций? Никто! Для создания механизма управления социальными процессами нужна разработка теории и методики такого управления. Представляется, что это – одна из важнейших задач советской социологии»². И этими словами выдающегося уральского социолога хотелось бы завершить обзор материалов VII Уральских социологических чтений.

VIII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Первоначально предполагалось их проведение в Кургане. Это соответствовало сложившейся традиции поочередного проведения чтений в одном из областных или республиканских центров Урала. Но возникшие трудности (напомним, чтения намечались на осень 1991 г.) чуть было не поставили чтения под угрозу срыва. И здесь помогли настойчивость и авторитет Л. Н. Когана в соединении с инициативой и организационными усилиями челябинских коллег – в итоге Чтения прошли с 29 по 31 октября 1991 г. в Челябинске. Общее название и ориентир восьмых Уральских социологических чтений – «Социология – народному хозяйству и культуре страны». К пленарному заседанию и к работе 5 секций было подготовлено 120 докладов и сообщений.

В центре внимания участников первой секции была проблематика «*Социальное управление в современных условиях*». В их ряду, прежде всего, вопросы *меняющейся роли и функций социологии*. Как отметил **В. И. Кривопальцев**: «Хорошо известно, что в эпоху резких социальных изменений, взрывоопасной ломки отживших социальных отношений ни одна из сложившихся социальных структур не может оказаться в стороне от этого процесса. Не являются исключением социологические исследования. Прикладные эмпирические социологические исследования в том виде, в каком они сложились в нашей стране к

¹ Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии / Тезисы докладов VII Уральских социологических чтений. Т. 2. Ижевск, 1989. С. 213-215.

² Там же. С. 216-218.

середине 1980-х гг., постепенно утрачивают свой социальный смысл. В самом деле, «диагностическая» функция социологических исследований, реализующаяся в формах различных экспресс-опросов, зондажей общественного мнения и т.д., в той глобально-кризисной ситуации, в которой мы оказались, все более теряет актуальность. Рынок потребителей нашей «диагностической» социологической информации неуклонно и стремительно сужается. С нашей точки зрения, это дает все основания говорить о падении роли советской социологии. Что же касается другой (и на сегодняшний день более важной) «прогностической» функции прикладных социологических исследований, то к ее эффективной реализации мы сегодня не готовы ни технически, ни технологически, ни теоретически, ни методически, ни, наконец, организационно. Попытки прогнозировать завтрашнее состояние сложнейших социальных систем или их отдельных элементов, исходя из того, что об этих системах сегодня думают большие массы людей, содержат в себе при нашей плохой методической оснащенности больше шансов на неудачу, чем на успех. Из этого вовсе не следует, будто бы мы вообще против прогнозов с использованием результатов опросов общественного мнения, просто мы полагаем, что процесс извлечения прогностически ценной информации из опросов общественного мнения многократно сложнее, нежели это представляется нам в условиях нашей нынешней методической оснащенности»¹.

Развивая этот подход, **А. М. Розенберг** отмечал: *«Органам управления необходимо располагать достаточно полной и правдивой информацией о реальном положении дел в той или иной сфере общественной жизни. При этом особое значение приобретает анализ общественного мнения относительно происходящих социальных процессов, получение и учет исчерпывающей информации о системе ценностей различных групп трудящихся, их интересов и потребностей, что, как известно, во многом предопределяет их социальное поведение в той или иной ситуации. Источником такой информации и должны служить прикладные социологические исследования. Следует иметь в виду, что однократное исследование того или иного социального явления, несмотря на всю содержательность получаемой информации, по сути раскрывает это явление в статике. Оно дает возможность судить о его качественных характеристиках в основном лишь для жестко фиксированного отрезка времени, ограниченного периодом проведения данного разового исследования, тогда как перед исследователем нередко встает задача изучить социальный объект в его развитии и функционировании, определить тенденцию и перспективу такого развития – словом, дать социальный прогноз явления. Нами использован метод динамического сравнительного анализа в исследовании проблемы подвижности и устойчивости трудовых коллективов на 26 предприятиях Ижевска. Это позволило с достаточной мерой достоверности проранжировать и распределить по шкале значимости наиболее существенные факторы, совокупность и взаимодействие которых оказывают решающее воздействие на исследуемый процесс. От этапа к*

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 1. Курган, 1991. С. 3.

этапу (с интервалом от 3 до 5 лет) высвечивалась все более четко обозначающееся возрастание роли одних факторов и ослабление других, либо маятниковые колебания их роли под воздействием тех изменений, которые происходят в социальных условиях на данном предприятии и за его пределами – в городе, регионе, в стране. Так, в данных исследованиях четко прослеживается неудовлетворенность рабочих тяжелым ручным трудом или малосодержательной, однообразной, неинтересной работой, частыми простоями из-за плохой организации труда и его материально-технического обеспечения. И если на первом этапе на эту группу факторов указал практически каждый третий рабочий (32%), то на завершающем этапе исследования их число практически удвоилось (61%). При этом важно отметить особенно заметно растущие требования к содержанию труда. Достаточно указать, что число неудовлетворенных только этим фактором рабочих, для которых он явился главной побудительной причиной перехода на другое предприятие, возросло более чем в 4 раза (с 5,5 до 23%)»¹.

Наибольший интерес вызвала проблема *отношения людей к формирующейся рыночной экономике, ее влиянию и социальным последствиям*. «Отношение различных групп трудящихся и населения к переходу на регулируемый рынок, по оценке **С. А. Анисимова**, далеко не однозначно: «По данным *социологического исследования, проведенного летом 1990 г. (в Москве и Московской области, Ленинграде, Туле, Новосибирске: всего опрошено 1300 человек)*, наибольший оптимизм рыночные отношения вызывают у молодежи и творческой (художественной) интеллигенции; среди инженерно-технической интеллигенции симпатии и антипатии к рынку распределились примерно поровну; рабочие в своем большинстве отрицают рынок; а сельские труженики на время опроса были самыми яркими противниками рыночных отношений». «Основная причина неприятия рабочими рыночных отношений состоит в их опасениях стать безработными. Следует отметить, что их опасения не лишены оснований. В настоящее время процент ручного труда в нашей стране близок к 50, а оборудование 1 рабочего места на мировом уровне стоит около 40 тыс. долл. Большие сложности, и весьма оправданные, рабочие видят в повышении своей профессиональной квалификации. Около трети рабочих даже самой высокой квалификации считают, что рынок потребует от них повысить профессиональную выучку»².

О трудностях движения отечественной экономики по пути рыночного развития рассказал в своем сообщении **В. С. Гончаров**: «Главной из них является *психологическая неготовность населения к участию в рыночных отношениях*. Данные *анкетного опроса жителей Курганской области, проведенного в сентябре 1990 г.*, дают сложную и противоречивую картину мнений населения о переходе к рыночной экономике. Меньшая часть опрошенных (29%) поддерживает введение рынка, связывает с ним надежды на выход страны из экономического тупика, отмечает положительные стороны рыночных отношений. Примерно такое же число удовлетворено мерами социальной защиты, предложен-

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 1. Курган, 1991. С. 29-31.

² Там же. С. 12-13.

ными правительством. Преобладает эмоционально негативное восприятие рынка. Перспектива введения рыночных отношений вызывает неуверенность, тревогу, страх. Почти нет тех, кто чего-нибудь не опасался бы с переходом к рынку. Больше всего волнует людей то, что возникает социальное расслоение, появятся богатые и бедные, многие товары станут недоступными, будет безработица. Эти социально-политические последствия перехода к новой экономической системе беспокоят не только противников рынка, но и его сторонников, стремящихся не допустить изменения государственно-политического устройства. Непопулярность предлагаемых правительством мер социальной защиты говорит о неверии в саму возможность защитить интересы трудящихся в условиях рынка. Отсюда и тревога людей перед лицом рыночной угрозы. Опрос показал слабую осведомленность населения об особенностях рыночных отношений, которые воспринимаются скорее эмоционально, чем рационально. Обнаруживается психологическая неготовность людей к работе в условиях рынка. Они не очень представляют себе степень эмоционального напряжения, которое будет возникать от включения в рынок труда, предъявляющего жесткие требования к человеку. Населению присуще нерыночное мышление, при котором категория собственности исключается из объяснения экономических явлений. Сохраняется иллюзия, что навести порядок на производстве, укрепить дисциплину, устранить злоупотребления можно неэкономическими средствами. Необходимость глубоких перемен в экономике не осознается большинством людей. Их интересует прежде всего состояние потребительского рынка и общая общественно-политическая обстановка в стране»¹.

Глубоким размышлением об *изменении функций социологии* было пронизано выступление **Г. Е. Зборовского**: «Одна из основных функций социологии состоит, как известно, в исследовании под определенным углом зрения общественных отношений и их элементов. В условиях перехода к рыночным отношениям, постепенно происходящего в нашей стране, социологическое внимание должно быть обращено именно на них. Рыночные отношения плохо вписываются в уже известные и достаточно подробно рассмотренные в литературе общественные структуры, так или иначе исследованные социологией. Что же может быть сделано в плане такого анализа? Поскольку основными уровнями социологического изучения являются *макросоциологический* и *микросоциологический*, охарактеризуем особенности их использования применительно к рыночным отношениям. На макросоциологическом уровне рыночные отношения должны быть раскрыты, прежде всего, как особый тип отношений, пронизывающих по вертикали производственно-экономические, социальные, семейно-бытовые, культурно-идеологические и всякие иные отношения. Это нужно потому, что практически не остается ни одной разновидности общественных отношений, которые не испытывали бы на себе влияние рынка. Однако каково это влияние, с позиций социологии пока не ясно. На микросоциологическом уровне требуется анализ воздействия рыночных отношений на социальное по-

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 1. Курган, 1991. С. 14-15.

ведение (личностное, групповое, внутригрупповое). Социальная общность, взятая как объект социологического исследования, должна быть изучена под углом зрения влияния на ее членов и отношения между ними перехода к рыночной экономике. Сегодня всем видна дестабилизация и разбалансировка не только экономики, но и социальных структур и отношений. Наиболее полно этот процесс выражается в росте социальной напряженности, проявляющейся в социальной агрессивности одних и страхе, тревоге, беспокойстве других. Продолжается резкая эскалация преступного поведения. Переход к рыночной экономике пугает практически все слои населения, хотя и по разным причинам. Исследование отношения этих слоев к рыночной доминанте во всех структурах общества и причин социального беспокойства также является предметом микросоциологического анализа. Несомненно, под влиянием рыночных процессов, их динамизации будут происходить изменения в социальной структуре, возникнут новые социальные слои. Переход к частной собственности, ее внедрение в основные сферы экономической активности людей потребуют пересмотра привычных взглядов относительно ведущих конструкций социальной структуры. Останутся ли в таком качестве рабочий класс и колхозное крестьянство? Есть основания считать, что их статус изменится, и довольно существенно. Вероятно, произойдут изменения в статусе новых социальных слоев – кооператоров, а также занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью. Прогноз такой динамики может быть выполнен в рамках социологии. Поэтому, естественно, крайне важно знать ценностные ориентации социальных групп и слоев населения в новых условиях хозяйственной и политической жизни. По-видимому, они будут существенно отличаться от имеющихся сейчас и зафиксированных в ряде социологических исследований 1970-1980-х гг. Вероятно, по своей направленности ценностные ориентации у многих социальных групп и слоев должны приближаться к существующим в западных странах. Но все это потребует своего специального исследования. Процесс смены ценностных ориентации будет для многих достаточно мучительным и трудным. Об этом свидетельствует социологическое наблюдение за поведением ряда социальных групп в производственной и социально-бытовой сферах. Отождествление частью людей перехода к рынку с внедрением капитализма приводит их к выводу о напрасно прожитой жизни, о нереализованных надеждах и ожиданиях. К этому добавляется неудовлетворенность многих людей происходящим, по их мнению, возрождением эксплуатации, отождествляемой – в соответствии со сложившимися с детства представлениями – с эксплуатацией в XIX в. Что касается коллективной, государственной эксплуатации, характерной для нашего общества за многие десятилетия его существования, то подобная мысль людям, как правило, в голову не приходит»¹.

Как происходит *возрождение интересов основных субъектов производства* – общества, трудового коллектива и индивида, как преодолевается отчуждение производителя от производимого им продукта – такова проблема вы-

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 1. Курган, 1991. С. 16-17.

ступления **Э. В. Проворовой**: «Формирование подлинного хозяина производства непосредственно связано и с формированием ответственности за сохранность произведенной продукции, всей коллективной собственности. Это происходит не вдруг, не сразу, а постепенно, в процессе изменения отношения к собственности, преодоления отчуждения, приближения ее к собственнику. Характерным показателем процесса отчуждения работника в условиях социалистической государственной собственности явился рост злоупотреблений, хищений социалистической собственности, расширение теневой экономики, нетрудовых доходов. Одним из аспектов исследования *сектора оперативного изучения общественного мнения ИЭ УрО АН СССР на предприятиях Челябинска и Челябинской области в январе-марте 1990 г.* явилось выяснение отношения рабочих и ИТР к фактам и условиям получения на предприятиях нетрудовых доходов. Более половины рабочих (53%) и две трети ИТР (66%) признают наличие случаев извлечения нетрудовых доходов, среди которых «приписки» к нарядам, получение «незаработанных» премий, надбавок, хищения в личных целях материалов, инструмента, готовой продукции. Основной причиной существования условий для получения нетрудовых доходов на предприятиях всех типов хозяйствования пока является «недостаточно строгий учет материальных ценностей» (27% рабочих, 31% ИТР). Кроме этого, в качестве причины рабочие указывают на наличие «социальной несправедливости при распределении социальных благ» (27%), ИТР – на «создание условий для появления искусственного дефицита» (28%). В качестве мер для искоренения условий, создающих возможности получать нетрудовые доходы, наши респонденты возлагают самые большие надежды на административно-правовые механизмы воздействия на нарушителей (21% рабочих и ИТР), т.е. механизм саморегуляции в коллективах разного типа хозяйствования пока еще не заработал настолько, чтобы их можно было зафиксировать социологическими методами»¹.

А. С. Ю. Скарлыгин отметил важность *социологического изучения феномена «теневая» экономика*: «Приводимые оценки миллиардных оборотов «теневых» бизнеса в печати больше носят субъективистский характер и заключаются в словах «по моим подсчетам», «по моему мнению». Только в текущем году начали появляться научные статьи с методикой подсчета «черных» денег. Существуют различные мнения относительно истоков «теневой» экономики, подходов к ее изучению, ее структуре и «этажности». Проблема связи «альтруистического» (в интересах производства – «бескорыстный преступник») и «криминального» (в личных интересах) нарушения норм требует особого, углубленного изучения так называемой «фиктивной» или «серой экономики» как одной из составляющих «теневую» экономику. На наш взгляд, «серая экономика» как раз концентрирует в себе социальные аспекты включенности субъектов управления в теневую экономическую деятельность. Она как бы создает «стартовую площадку», «питательную среду» для факторов воспроизводства «теневой» экономической деятельности. По мнению специалистов, под «фик-

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 1. Курган, 1991. С. 18-20.

тивной», «серой» экономикой подразумеваются приписки в «интересах» трудового коллектива, практика «выводиловки», выплата незаслуженных премий и т.д.. «технологические» махинации, выпуск, реализация и поставки продукции низкого качества, ненужной, вредной для здоровья людей, деятельность «несунов», совершающих у всех на глазах мелкие хищения»¹.

Бурные социально-политические события рубежа 1980-1990-х гг. определили и ориентиры социологических исследований: *развитие самоуправленческих начал, перестройка партийных и советских органов*. «Невозможно строить на рациональной основе работу по формированию нового политического мышления, стимулировать развитие сознательной политической активности народа без ответа на вопрос: чем «дышит» сегодня массовое сознание, каковы политические идеалы различных общественных групп, чего ждут они от советской власти, от партии, от государства, от перестройки? *Какими же чертами наделяет массовое сознание «идеального» депутата?* – поставив этот вопрос, **А. Ю. Черданцева** отметила: в словесном портрете идеального депутата акцент делается прежде всего на «волевом» блоке личностных качеств – социальной смелости и независимости, твердости характера, умению противопоставить свою позицию любому давлению (47%). Ценностная оппозиция «марионетка – личность» расцветается богатой гаммой смысловых оттенков, группирующихся главным образом вокруг ключевых слов – «гражданин», «борец» (39%), «реалист» (27%). Группа личностных качеств, характеризующих коммуникативные способности депутата, его простоту, доступность, человечность (частота апелляции к ним не превышает 10%-ного порога) уходят на периферию «портрета» идеального депутата. На первое место выходят такие требования к депутату: «не быть марионеткой», «отстаивать свою точку зрения», «идти до конца». Таким образом, налицо дефицит в ярких личностях, способных выдвигать альтернативные проекты, отстаивать свою точку зрения»².

«Процесс возникновения многопартийной системы предполагает не частичное реформирование КПСС, а становление ее вновь как *политической партии*, – подчеркивалось в выступлении **С. Г. Зырянова**. Свой подход он аргументировал данными *анкетного опроса, проведенного в Челябинске в июне 1990 в. среди коммунистов городской партийной организации*: «Отношение коммунистов к идеям и задачам реформы КПСС, высказанным в проекте Платформы, довольно противоречиво. С одной стороны, 52% респондентов считают: этот документ разработан с опозданием, в современных условиях нужен другой, более действенный документ. Только 13% оценили проект как современный и очень нужный для партии. 32% опрошенных считают, что разработка, обсуждение и принятие этого документа ничего не изменяет в настроениях коммунистов, общества в целом. С другой стороны, на фоне весьма критичного отношения к содержанию проекта Платформы ЦК КПСС наблюдается достаточно высокая степень веры в то, что идеал гуманного демократического социализма, предложенный в проекте, осуществим в нашей стране. Так считают

¹ Там же. С. 22.

² Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 1. Курган, 1991. С. 25-26.

34% опрошенных коммунистов. 35% затрудняются однозначно высказаться на этот счет. И лишь 31% сохраняют практически-конструктивное отношение к идеям проекта. Наиболее критично члены КПСС настроены к той части проекта, которая касается перестройки самой партии. На вопрос: «поможет ли проект Платформы КПСС перестроить деятельность партии?» – утвердительно ответили 24%, отрицательно – 49%, 27% уклонились от ответа. Результаты анкетирования свидетельствуют о состоянии нравственного, духовного дискомфорта значительной части членов партии. Источник его – в потере правящей партией доверия и авторитета у населения страны. Только 2% коммунистов в начале лета 1990 г. считали, что *авторитет партии* у трудящихся высок. 23% оценивали его как средний, 49% – как низкий, 15% опрошенных считают, что он вообще отсутствует. Не очень-то большие надежды на повышение авторитета партии возлагаются в связи с реализацией предложений проекта. Оптимистические надежды по этому поводу высказали 29%, пессимистические – 38%, 32% затруднились с оценкой. Характеризуя состояние устанавливающейся многопартийности, 18% опрошенных полагают, что КПСС останется единственной партией в обществе, 46% – что она останется правящей партией, но в союзе с другими политическими партиями, составившими с ней коалицию. Каждый пятый опрошенный убежден в неизбежности перехода КПСС на положение оппозиционной партии. Но подобное представление о будущем партии сочетается у коммунистов с твердой убежденностью в нецелесообразности изменения названия партии (69%). Только относительно немногие коммунисты (12%) считали необходимым переименовать партию сейчас. Около 1/5 членов партии не ставили перед собой подобный вопрос и не готовы дать ответ на него»¹.

Иной аспект данной проблемы – *работу коммунистов-депутатов в Советах* – затронул **С. И. Кубицкий**: «Демократизация выборной системы и усиление властных функций Советов выдвинули ряд проблем в общественно-политической жизни нашего общества. С целью изучения возможностей коммунистов-депутатов в Советах и организации их наиболее продуктивной деятельности было проведено социологическое исследование. Наибольшее предпочтение было отдано таким формам депутатской деятельности коммунистов:

- обсуждение с коммунистами предварительных материалов сессии;
- создание партийной группы (фракции коммунистов) в соответствии с Уставом КПСС;
- создание из коммунистов временных групп для оперативного решения вопросов;
- поручение коммунистам руководства при подготовке вопросов на сессию;
- проведение партийных собраний в период работы сессии»².

А. С. Ваторопин обратил внимание на проблему *левоцентристского блока*: «При этом сами понятия «левые», «правые», «центр» научно не определены. Обычно под «левыми» понимаются радикально-реформистские силы (признанный лидер – Б.Н. Ельцин), под «центром» – умеренные реформисты (лидер –

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 1. Курган, 1991. С. 36-37.

² Там же. С. 38-39.

М.С. Горбачев), под «правыми» – консерваторы (лидеры – Е. К. Лигачев, И.К. Полозков). Цель левоцентристского блока представляется достаточно очевидной: обеспечение сплочения реформистских сил для успешной реализации программ преобразования общества». «Что касается общественного мнения, то социологические опросы показывают: «левые» пользуются значительной поддержкой населения... Наиболее популярные лидеры – Б. Н. Ельцин, А. А. Собчак, Г. Х. Попов. Наименее популярны – Е. К. Лигачев, И.К. Полозков. Если бы сегодня проводились выборы президента страны, то им ... стал бы Б.Н Ельцин. Создается впечатление, что радикальные реформаторы имеют явное преимущество и перед «центром», и – тем более – перед «правыми»¹.

Поиски новых подходов особенно проявлялись в работе второй секции *«Проблемы социальной структуры советского общества на современном этапе»* – акцент сместился на жизненный уровень как показатель социального статуса, на социально-демографические, социально-территориальные и социально-профессиональные различия.

Характерно выступление **А. В. Меренкова**: «Переход к новой форме организации экономической жизни на основе действия законов рынка, естественно, создает определенные трудности для населения. Борьба старого за выживание и неконструктивные действия демократических сил привели к резкому сокращению производства многих товаров. Усиливается обнищание масс, неизбежна безработица. В целом наблюдается падение уровня жизни различных категорий населения. Социологи в этих условиях сталкиваются с проблемой организации научно обоснованной политики регулирования уровня жизни населения. Эмпирическими показателями его выступают уровень дохода и содержание «потребительской корзины» различных категорий жителей. *Исследование, проведенное социологической лабораторией УрГУ в октябре-декабре 1990 г. в Свердловске*, показало: 40% пенсионеров и 50% студентов живут ниже «черты бедности» – экономисты определяют ее для семьи в 110 руб. в месяц (до повышения цен). Эти люди нуждаются в срочной социальной помощи от государства, местных властей. Обнаружилось, что среди работающих 34% семей живут также с доходами ниже 110 руб. в месяц на человека. Это – многодетные семьи, семьи, где матери находятся в отпуске по уходу за ребенком, неполные семьи. Видимо, требуется увеличить дотации на детей тем семьям, где доход ниже минимального потребительского бюджета. Требуется, естественно, повышение зарплаты низкооплачиваемым категориям работающих. Исследование также показало, что только около 10% населения города имеет такой уровень доходов, который позволяет людям свободно приобретать товары на рынке, у кооператоров. Они не ущемляют себя, когда делают такие покупки. Доход на 1 человека при этом свыше 250 руб. в месяц»².

А. М. Воробьев на основе анкетного опроса *1500 жителей Уральского региона* (рабочие, ИТР, представители интеллигенции) рассмотрел *«возможности реализации людьми своих жизненных планов, интересов, потребностей»*:

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 1. Курган, 1991. С. 39-40.

² Там же. Секция 2. С. 6-7.

«Лишь треть от числа ответивших считала, что стало лучше материально-денежное обеспечение (вырос денежный доход семьи), но столько же утверждали – все осталось по-прежнему в плане социального самочувствия (уважение к личности, расширение прав, свобод), положения с профессиональной деятельностью. Столько же констатировали: материально-бытовое обеспечение изменилось в худшую сторону. Неоднозначно мнение опрошенных об одном из главных завоеваний перестройки. Только около 3% считают, что достигнута полная гласность, свыше же 75% полагают: гласность еще «урезана», особенно в таких сферах, как деятельность партийного и государственного аппарата, вооруженные силы, космос, некоторые социальные вопросы. Респондентам было предложено ответить и на такой деликатный вопрос: «Считаете ли Вы, что в полной мере приносите пользу обществу на том участке, где в данный период трудитесь? В полной ли мере реализуете свои силы, способности на своем рабочем месте?». 38% убеждены, что отдают свои силы сполна, с наибольшей пользой применяют свои способности. Но многие (24%) затруднились с ответом. 30% считают, что где-то все равно нужно трудиться, хотя – для пользы дела – лучше было бы заняться чем-то другим. Лишь каждый десятый отмечал, что его работа почти полностью совпадает с тем, о чем мечтал в юности, около 70% не удовлетворены своей сегодняшней работой. Осуществить задуманное в юности помешали жизненные невзгоды, не позволяло материальное и социальное положение родителей, отсутствие воли, целеустремленности. Люди осознали, что из трясины сразу не выберешься, и указывают срок решения социально-экономических проблем за пределами 2000 г. Они считают, что нам надо в первую очередь избавиться от лени, нежелания трудиться, несобранности, неорганизованности, боязни выступить, отстоять свою точку зрения, не бояться признать, если не прав. Молодому поколению они хотели бы в первую очередь передать навыки качественно трудиться, иметь как можно больше друзей – честных, добрых людей, хорошую материальную базу. Но и – в качестве страховочного фала, запасного парашюта – связи, протекцию»¹.

Интерес участников чтений вызвала методология разработки *«Концепции развития народонаселения Челябинской области до 2010 г.»* и методики, материалах о социально-демографических и миграционных процессах на Урале, представленных **Б. С. Павловым, В. Ф. Ивановой, Т. А. Сивковой, И.П. Мокеровым**. В частности, исследователи выявили следующие тенденции миграции населения Среднего Урала на рубеже 1980-1990-х гг.:

- возрос удельный вес русских в общем потоке прибывающих – с 66% до 77%;
- увеличился приток татар (на 53%), башкир, марийцев;
- на территории Урала находят убежище представители конфликтующих народов, в том числе и семьи, имеющие смешанный национальный состав;
- интенсивно (на 20%) выбывают немцы, евреи, «прибалты»².

В выступлении **А. Г. Оруджевой** акцентировался другой аспект мигра-

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 2. Курган, 1991. С. 11-13.

² Там же. С. 21-22.

ции: «В результате миграции регион теряет квалифицированные кадры рабочих и специалистов. Социологические исследования показали, что в промышленности происходит отток рабочих ведущих отраслей, на 100 прибывших рабочих, занятых в металлургическом производстве, приходится 165 выбывших, в химической промышленности – 144, машиностроении и металлообработке – 151. Только по Свердловской области ежегодно теряется 2-3 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием. Пополнение – за счет притока лиц со средним общим, неполным средним и начальным образованием. Таким образом, наносится двойной ущерб. Урал лишается наиболее дееспособной рабочей силы, а средства, затраченные на ее подготовку, приносят отдачу в других регионах»¹.

Из профессиональных групп особенно «повезло» на внимание социологов *учительству*: «Самосознание профессиональной группы, – подчеркнул в выступлении **Б. Ю. БЕРЗИН**, – характеризуется представлением об общности целей всех членов группы, осознанием совпадения профессиональных позиций, норм, ценностей и оценок, принятием основных требований профессиональной морали. Неотъемлемая черта самосознания – осознание степени свободы самореализации, воплощения профессиональных знаний, умений и навыков. В 1988-1990 гг. автор принимал участие в цикле исследований, посвященных личности учителя и партийного работника (было опрошено около 3000 человек). Эти исследования в определенной степени были связаны и с изучением профессионального сознания этих групп, профессиональной культуры. Полученные данные характеризуют групповое самосознание как единство самопознания, самоотношения и самореализации. Вот как оценивают возможности своей профессии учителя. Они считают, что учитель больше, чем кто-либо иной, сталкивается с разнообразием ситуаций, их нестандартностью (76%). У него значительно больше возможностей для творческой самореализации, проявления своих способностей (63%), для общения с интересными людьми (42%). И это является одной из важных причин отсутствия желания сменить свою работу у большинства (80%) учителей»².

А. Панькова продолжила дискуссию на основе материалов *исследования «Профессионализм и культура учителя»*: «Оно показало: профессиональная группа учителей – реальность, она является носителем определенной культуры, подчиняется в своем развитии определенным законам групповой динамики. Для членов этой группы существуют разделяемые каждым вполне определенные нормы, ценности, общегрупповые цели. Большинство педагогов – 44% из числа опрошенных – напрямую связывают трудности в работе сегодняшней школы с низким престижем профессии учителя. Каждый третий педагог считает свою работу недостаточно творческой, интересной, не способствующей постоянному саморазвитию и самосовершенствованию, и сменил бы род деятельности, если бы такая возможность представилась. По эмоциональной реакции 54% учителей чувствуют себя просто «белкой в колесе». Нет удовлетворенно-

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 2. Курган, 1991. С. 29-31.

² Там же. С 28-29.

сти и оценкой своего положения в общественном мнении. 88% опрошенных педагогов считают: СМИ, формирующие это мнение, не способствуют повышению авторитета учителя, более того, дискредитируют его деятельность. Закономерным является тот факт, что ценностная ориентация педагогов смещается на другую возможную групповую принадлежность – на семью, друзей, так как только здесь они могут почувствовать себя достаточно комфортно и спокойно. Так, возникающие проблемы обсуждают в семье 70% опрошенных, с друзьями – 53%, с коллегами только 45%. Наиболее уверенно, спокойно и свободно чувствуют себя в семье 48%, с друзьями – 42%, с коллегами – 32%. «Наибольшая ценность в жизни» у 38% – семья, у 33% – друзья, у 16% – работа. Но именно устройству личной жизни профессия учителя способствует менее всего, считают 78% опрошенных»¹.

Как всегда, одной из самых представительных была третья секция, на которой рассматривались *«Задачи социологических исследований на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве»*. Правда, тематика выступлений существенно обновилась – *отчуждение труда в трудовом коллективе (В. А. Андреев), диалектика управления и самоуправления в трудовом коллективе (Г. Б. Кораблева, А. А. Петраков, Б. А. Родионов, С. С. Фролов, С. Ф. Фролов), переход предприятий на новые условия хозяйствования (Л. М. Кантор, Е. П. Стародубцева, Н. И. Шаталова и др.)*

Представляет интерес исследование *конкретной социальной ситуации на предприятии*, представленное в сообщении **Е. С. Шайдаровой и А. М. Баландина** - *на основе экспертного и анкетного опроса, проведенного лабораторией социологии ППИ в 1989 г. в ПО «Кизелуголь»*: «Ситуация в объединении характеризуется сложным переплетением острых, крайне назревших проблем социально-производственного и регионального характера, которые взаимно обостряют друг друга. Общий отрицательный фон для большинства проблем создает нерешенность вопроса о перспективах, судьбе ПО (1 место по значимости среди 30 социально-производственных проблем). Не менее 75% рабочих и ИТР связывают в перспективе свою судьбу с судьбой региона, не собираются куда-либо переезжать, независимо от решения вопроса о судьбе угольного бассейна. Следовательно, давление на социально-экономические проблемы производственного и регионального порядка будет возрастать, их нерешенность, неясность уже сейчас создала острую социальную ситуацию». «Наиболее острые социально-производственные проблемы: проблемы производственного быта, технического оснащения, условий и организации труда (показатели значимости по 3-х балльной системе – 2,3-2,4), проблемы углубления хозрасчета, справедливости и величины оплаты труда (2,3-2,4), проблемы качества управления и демократизации, социально-психологического климата в коллективах (1,9-2,3). Среди 18 региональных проблем как наиболее острые выделены: снабжение продуктами и товарами, общепит (2,5-2,8), экологическая ситуация (2,6); обеспечение жильем, городской транспорт (2,5-2,6), асоциальное поведение – пьян-

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 2. Курган, 1991. С. 28-29.

ство, хулиганство (2,4), медобслуживание, бытовые услуги (2,1-2,3), неблагоприятная демографическая ситуация (2,2)»¹.

Близкими по направленности и остроте выводов были представленные **Н. Б. Качайновой** *результаты изучения социологами Свердловской ВПШ социального климата на фабрике «Уралобувь»*: «Трудовой коллектив не является изолированной замкнутой группой, его социальный климат определяется как внутренними для данного коллектива, так внешними для него условиями (социальной обстановкой в данной области, республике, общей ситуацией в стране). Мы убедились, что работники фабрики обеспокоены состоянием самых различных сторон жизни трудового коллектива. 69% опрошенных оценили производственную ситуацию на фабрике в целом как критическую. От перехода предприятия на новые пути экономического развития 59-69% респондентов ожидают:

- внедрения новых технологий и выпуска новой высококачественной продукции;
- более справедливой оплаты труда. 35% опрошенных отметили, что им не хватает денег на самое необходимое. Видимо, поэтому из двух зол: большего выбора товаров, но по высоким рыночным ценам, или карточного распределения необходимых товаров по государственным ценам – 75% предпочитают второе;
- большего взаимопонимания между администрацией и рабочими. 49% указали: все важные вопросы решает администрация, рабочие лишь выполняют решения. Еще 23% отметили: с их мнением администрация считается лишь по второстепенным вопросам;
- сокращения управленческого аппарата;
- избавления от лодырей и прогульщиков.

Отвечая на вопрос: «Кто надежнее защитит ваши права?», 23% отметили, что надеются только на себя, 35% – на суд и прокуратуру, 19% – на газету, лишь 9% – на партийные и советские органы. Общее состояние тревожности и незащищенности отразилось в том, что 49% опрошенных считают: в ближайший год ситуация в стране будет ухудшаться. Только 4% довольны, что живут именно в наше время, 32% недовольны и хотели бы жить, когда все трудности будут позади»².

Вниманию участников секции было представлено и исследование *удовлетворенности жизнью* специалистов сельского хозяйства Курганской области, проведенное в 1987-1988 гг. (**Л. Х. Цибаев**): «В ходе анализа эмпирических данных выяснилось: доля удовлетворенных среди них – 43%, частично удовлетворенных – 48%, неудовлетворенных – 9%. При этом обнаруживается зависимость степени удовлетворенности от профессии, возраста и стажа работы респондентов. Так, удовлетворенных жизнью среди сельских инженеров 56%, агрономов – 49%, экономистов и бухгалтеров – 41%, председателей и директоров – 39%, зоотехников – 39%. Среди молодых специалистов доля удовлетворенных жизнью составляет 19%. специалистов в возрасте 30-40 лет – 49%,

¹ Там же. Секция 3. С. 33-35.

² Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 3. Курган, 1991. С. 36-37.

40-49 лет – 43%, 50-55 лет – 71%. Исследование в целом подтвердило гипотезу о тесной связи между удовлетворенностью жизни и самореализацией личности в основных сферах ее жизнедеятельности»¹.

Еще один аспект анализа – *противоречие между производственной и семейной ролями женщины*. «Ее отношения с миром, – отметила **Н. В. Иванова**, – чаще всего полны трудностей и дискомфорта, будь то путь совмещения производственных и семейных функций, или только ориентация на семью. Сегодня свыше 90% женщин нашей страны работают или учатся. Женщины представляют более половины (51%) рабочих и служащих и 44% колхозников. Однако, несмотря на это, существует представление, которое особенно распространено на уровне обыденного сознания, что способности женщины – по сравнению с мужчиной – ограничены, в силу чего ей доступны только отдельные (и далеко не самые престижные) виды деятельности. К числу последних чаще всего относятся здравоохранение, торговлю, общепит и бытослуживание. Вместе с тем почти 40% опрошенных считают правомерным ограничение женского труда в управлении и руководстве, хотя хорошо известны скромные позиции женщин в этой ответственной отрасли. Каждый третий предлагает ограничить применение женского труда в системе народного образования. Думается, однако, что последнее не следует рассматривать как какую-то дискриминационную установку. Уже давно доказано, что приток мужчин в школы и училища оздоравливает атмосферу взаимоотношений в коллективе и благоприятно отражается на показателях учебы»².

Внимание к *проблемам молодежи* всегда было присуще уральским социологам. На восьмых Чтениях эти проблемы обсуждались на *специальной – четвертой секции*. «Какие конкретные формы приобретает цена, уплачиваемая молодежью за становление нормальных рыночных отношений?», – поставили проблему **Т. Л. Александрова, Л. А. Журавлева**:

- молодые люди станут первой и самой массовой категорией безработных (прежде всего – выпускники школ, вузов, средних специальных учебных заведений, никогда ранее не работавшие). По оценке ИСИ, 25 млн. человек ежегодно меняют работу (временно безработные). Фактически лишь 60% из них действительно меняют ее. Остальные – это, как правило, молодые люди, впервые устраивающиеся на работу;
- неизбежный переход к платному образованию (наряду с бесплатным государственным) усилит социальную дифференциацию в рядах молодежи, поставит социальные барьеры на пути к получению образования, прежде всего высшего;
- в тяжелом положении окажутся также молодые семьи, когда получит всеобщее распространение принцип зарабатываемости жилья. Но следует учитывать, что социальные программы помощи молодой семье находятся у нас в зачаточном состоянии;
- усиление нестабильности положения молодежи, уже сейчас широко распространенные настроения бесперспективности, неуверенности молодых людей в

¹ Там же. С. 46-47.

² Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 3. Курган, 1991. С. 53.

завтрашнем дне будут толкать их на расширение таких форм антисоциального поведения, как наркомания, токсикомания, преступность, проституция. Молодежь может стать основным криминогенным слоем. Очевидно, что без помощи со стороны государства молодежи самостоятельно не справиться с грузом подобных проблем. Нужны тщательно продуманные социальные программы поддержки этой социально-демографической группы как на общесоюзном, так и на местном уровнях. Между тем, укоренившаяся традиция пренебрежения социальными проблемами молодежи проявляется уже сейчас в недооценке тех опасностей, которые реально угрожают молодым людям в период нестабильности, связанной со становлением рыночных отношений. Молодежь и ее организации недостаточно представлены в органах власти, чтобы эффективно отстаивать интересы этой социальной группы. Поэтому возможны непредсказуемые социальные последствия втягивания молодежи в рыночные отношения»¹.

В. Н. Лешков на материалах исследования в Курганском пединституте в 1985-1989 гг. проанализировал *динамику взглядов студентов на религию и атеизм*: «Мнение «религия, безусловно, вредна» было поддержано в 1985 г. 21% студентов, в 1989 г - 2%; «религия вредна лишь в известном смысле» – 48% и 16%. Мнение «религия безвредна, но и бесполезна» осталось практически неизменным – 11% и 14%. Резко возросла поддержка мнений «религия в некотором смысле полезна» (16% - 58%) и «религия, безусловно, полезна» (2% и 10%). В 1985 г. к неверующим отнесли себя 88% опрошенных, в 1989 г. их число сократилось в 2,5 раза (33%). Но существенно возросла численность колеблющихся между верой и неверием – с 3% до 26%. В повседневной обыденной жизни они за редким исключением не проявляют признаков религиозного поведения. Для них характерна слабая активность в общественной жизни. В 1985 г. никто из студентов, принявших участие в опросе, не отнес себя к верующим, в 1989 г. их стало 3%. Анализ показывает, что отнесение себя к верующим – это, скорее всего, дань моде. Вера в бога, в сверхъестественное не является их глубоким внутренним убеждением. Эти студенты не соблюдают религиозные обряды и ритуалы, для них религиозные нормы и предписания не являются «стержнем жизни». Увеличилась за годы перестройки и та часть студентов, которые безразличны к религии и атеизму – с 13% до 32%. Эти студенты считают, что не следует человеку «навязывать» материалистические убеждения, если он верит в бога, то пусть и верит в будущем»².

В сообщении **Н. А. Макаровой** были поставлены проблемы молодых инвалидов: «Дегуманизация общества сегодня практически не позволяет человеку избавиться от ущербности, порожденной инвалидностью, и жить полноценной жизнью. Для наших респондентов (проводился *почтовый опрос молодых инвалидов г. Миасса*) их положение усугубляется еще и тем, что практически все они до определенного периода своей жизни были здоровы, а получили инвалидность либо в результате болезни (64%), либо на производстве (14%), либо в армии. Человек остался один на один со своей внезапно пришедшей болезнью.

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 4. Курган, 1991. С. 3-4.

² Там же. С. 17-19.

Никто в нашем городе не занимается социальной реабилитацией, определением потенциальных способностей человека, возвращением его к нормальной жизни. В нашем городе есть общество инвалидов, но 57% опрошенных о нем слышат впервые. Наши респонденты молоды, средний возраст – 29 лет. А значит, они могут быть полезны обществу. Образовательный уровень участников опроса: 35% закончили техникум, 15% – различные училища, 29% – десятилетку. Почти все имеют какие-либо профессии, спектр их широк – водители автомобилей, швея-мотористка, слесарь, чертежник и пр. Как видим, профессии необходимые, но люди, их имеющие, не у дел. Следует подчеркнуть, что некоторые респонденты пытались сами найти посильную работу, но – за редким исключением – безуспешно. Происходит это потому, что на обращающихся смотрят как на здоровых людей, забывая, что они немощны. Поэтому возможен только надомный труд (к сожалению, наши респонденты даже об этом не мечтают) или сокращенный труд на малом производстве. Трудности проблемы медицинского обслуживания общеизвестны, но в еще большей мере от них страдают инвалиды. Лишь 30% респондентов не испытывают трудностей с медобслуживанием, остальные же более категоричны в своих оценках: «считаю, что в Миассе нет врача, к которому можно обратиться за консультацией, – низкий уровень»; «слишком плохое обслуживание», «необходимо лекарство, а его нет». Понятно, что для наших респондентов необходимы занятия спортом. Выяснилось, что лишь 21% опрошенных занимаются какими-то его видами, остальные – нет, хотя знают о системе В. Дикуля и использовании им компенсаторного метода. Для этого, однако, нужны спецтренажеры, чего в городе нет»¹.

Интересны и многие другие сообщения на молодежной секции, хотя заметна и узость подхода – преимущественная ограниченность студенческой молодежи и молодой интеллигенцией: жизненные и социально-профессиональные ориентации молодежи (**О. Н. Титов, Т. В. Пермякова, Е. Л. Могильчак**), формирование управленческих качеств молодого специалиста (**Н. И. Асанова**), учебная деятельность студенчества и учащихся, молодые учителя (**Л. Е. Петрова, А. Ю. Петров, Ю. П. Петров, Т. В. Рогачева**).

На *пятой секции* анализировались актуальные *проблемы духовной жизни* российского общества. «Ситуация в обществе: перестройка всех сфер жизни и отсутствие успехов в этом деле, осознание тупиковости прежнего развития, падение авторитета прежних идеалов, поиски выхода из тупика, отсутствие общепризнанных путей выхода, страх перед радикальными общественными реформами, сложность и драматизм перехода от тоталитаризма к демократии, от не-свободы к свободе и т. д., – подчеркнул **В. Т. Шапко**, – все это вызывает переоценку ценностей в общественном сознании. Процесс переоценки ценностей – мучительный и противоречивый. Часто переоценка проявляется не в изменении подходов, методологии и стиля мышления, а в смене знаков: то, что еще вчера было предметом сакрального поклонения, просто отбрасывается. Мифологизированные стереотипы распадаются, но на смену им часто идет не демифологи-

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 4. Курган, 1991. С. 43-44.

зированной, свободное сознание, а новая мифология. Весьма сложно и драматично протекает этот процесс в молодежной среде, между тем именно здесь закладываются основы и парадигмы будущего общества. Некоторые аспекты анализа этих процессов нашли отражение в *социологическом исследовании работающей молодежи Ревды (1990 г.)*. Среди ценностей, которые рассматриваются как очень значимые, приоритет отдается тем, которые связаны с межличностными отношениями: дети – 81% опрошенных; семья – 81%; любовь – 71%. Высокое место в иерархии ценностей занимают деньги – это отметило 66% респондентов. Каждый второй отметил в качестве очень значимых ценностей уважение к старшим, каждый третий – национальные традиции, культуру, язык. Последние места в предлагаемом перечне заняли: сила – 16% и секс – 15%. Эти данные достаточно точно корреспондируются с ответами на вопрос о том, что такое успех в жизни. На первом месте хорошие и добрые друзья – это отметили 53% опрошенных, затем хорошие отношения в семье – 46%, воспитанные, хорошо устроенные дети – 42%, работа по душе – 44%, высокий заработок – 37%. В то же время считают необходимым для успеха в жизни знакомства, связи – 3%, умение все достать, жить на широкую ногу – 2%. Лишь 4% опрошенных связывают успех с активным участием в общественной работе. В связи с наметаемым и провозглашаемым переходом к рыночной экономике драматичные сдвиги, катаклизмы происходят в общественном сознании по отношению ко всему комплексу социально-экономических ценностей. Быть может, особенно остро и болезненно воспринимается изменение представлений о социальной справедливости, потому что именно со справедливостью как центральной ценностью связаны массовые представления о социализме, его преимуществах и т.д. Анализ ответов показывает, что в молодежной среде изменения во взглядах на содержание справедливости выражены достаточно отчетливо. При выборе стратегии социальной политики 34% опрошенных отдали предпочтение сохранению низкой доли зарплаты в национальном доходе и значительных фондов общественного потребления. Но уже 55% предпочли увеличение доли зарплаты и сокращение общественных фондов. Еще значительна доля тех, кто считает, что все должно быть поровну (21%), что зло в обществе – от социального неравенства, богатства (13%). Вместе с тем 27% согласны с тем, что зарплата и уровень жизни могут быть любыми – лишь бы по труду, что зло в обществе – от нищеты, лени, иждивенчества, зависти (22%). Большой вес в системе ценностей молодых людей получает идея, образ правового государства. Противоречиво оцениваются факторы, наиболее важные для его создания. Наибольшую поддержку среди опрошенных получил такой фактор, как максимально полная свобода слова, печати (37%), затем – главенство закона и его безусловное выполнение (36%), четкое разделение властей (31%). Все меньше молодых людей одобряют борьбу с правонарушениями по принципу «цель оправдывает средства» – 6%, наведение в стране порядка за счет более жестких законов и наказаний – 12%. Но только 14% связывают становление правового государства с приоритетом прав и свобод личности»¹.

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических

В сообщении **М. М. Терсинских** обращено внимание на стереотипные установки массового сознания, репродуцируемого средствами массовой информации. На основе данных исследования *«Политические ориентации населения Свердловска»*, проведенного в феврале-марте 1990 г., показано манипулятивное воздействие СМИ на примере оценок респондентами событий в Прибалтике. Навязывание стереотипов здесь можно проследить наиболее наглядно: мнение большинства реципиентов о прибалтийской проблеме складывается не на основании личного опыта (родственников в этих республиках и возможность ездить туда, чтобы изучать события «изнутри», имеет незначительная часть свердловчан), а под влиянием газетных публикаций, теле- и радиорепортажей. Конечно, обращение к информации еще не означает безоговорочного ее принятия, и все же более трети опрошенных в своих ответах использовали традиционные для официальных СМИ суждения и газетную аргументацию отрицательного отношения к отделению Литвы. Выделим три основные группы стереотипов и соответствующие им высказывания респондентов:

- видение «образа врага»: «подстрекательство», «кому-то выгодно нажать на этом, захватить власть», «причина – в поджигателях», «боюсь, за этим что-то скрывается», «кто-то специально организует все это», «это подстраивается извне» и т.п.;
- внешнеполитический фактор: «могут впасть в зависимость от капиталистов», «обособленное государство – слабое государство», «в Союзе лучше» и т.д.;
- экономическая справедливость: «с общего котла брали больше, чем другие, а теперь...», «когда они нуждались в нас – не отделялись, а теперь встали на ноги – мы им не нужны», «хотят отделиться, не отдав долги», «Россия им все сделала, все равно должны подчиняться нам», «мы работаем на них», «отделение – только согласно принятому постановлению, отдав государству все, что положено»¹.

В сообщении **Е. А. Тарасенко** был рассмотрен относительно новый феномен для нашей культуры – видео: «У нас десятилетиями «не было спроса» на многие дары мирового кино. Неведение зрителей о всевозможных киноблудах – от авангардистских изысков до действительно низкопробных поделок – мы ханжески выдавали за свидетельство развитых эстетических вкусов советских людей. Поэтому видео вызвало у многих едва ли не шок не столько обилием обнаженной натуры, сколько обнажением истины о действительных запросах и вкусах аудитории, предпочитающей наблюдать за экзотическими, детективными, постельными или космическими единоборствами. В социологической лаборатории Курганского пединститута в начале 1990 г. было проведено исследование. Его цель – выявление содержания потребления культуры и культурных запросов жителей Кургана, восприятие населением видеоискусства, потребности и запросы в сфере видео. Выводы:

- видео стало играть в жизни горожанина достаточно важную роль и со временем она еще больше увеличится, уже сейчас оно стало очень привлекательной

чтений. Секция 5. Курган, 1991. С. 3-5.

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 5. Курган, 1991. С. 12-13.

формой проведения свободного времени большинства юных курганцев;

- видео на данном этапе выполняет прежде всего развлекательную функцию, что объясняется тем, что видео – новое явление в культуре, средство приобщения к зрелищам, долгие «годы остававшимся дефицитными, к «запретным плодам» кинематографического «масскульта»;
- самые популярные фильмы у горожан – комедийные, им отдают предпочтение юные и пожилые, люди с разным образованием, социальным и семейным положением; юные зрители любят также смотреть фильмы ужасов и эротику, пожилым людям нравятся детективные, музыкальные и исторические фильмы, незначительному количеству людей нравятся фильмы философской направленности, фильмы-притчи, фильмы-аллегии (это в основном люди с высшим образованием);
- сегодня для многих горожан отсутствует альтернатива видео как формы проведения свободного времени, психологической разрядки»¹.

Исследованию проблемы *одиночества*, одному из важнейших аспектов понимания духовного мира человека, его отношения к самому себе и к миру в целом посвятил свое сообщение **Г. М. Тихонов**: «Основная трудность исследования проблемы: в последние десятилетия наша философская, социологическая мысль старательно обходила данный феномен вследствие идеологической установки об отсутствии в условиях социалистического общества процессов человеческого отчуждения и трактовала ее исключительно в «западном варианте», объясняя состояние одиночества атрибутивным свойством буржуазного общества. Сегодня перед лицом фактов мы признали, что в социалистическом обществе существуют противоречия и конфликты разного типа и происхождения, которые базируются на объективном неравенстве и порождают сохранение отчужденного поведения и его распространение. Одиночество в обыденном сознании часто ассоциируется с изоляцией. Но физическая изолированность далеко не всегда соседствует с одиночеством. В противоположность состоянию изоляции (оно – объективно, внешне обусловлено и может иметь положительную окраску), одиночество – субъективное, внутреннее переживание, отражающее тягостный разлад личности, господство дисгармонии, кризиса «Я»².

«Фигура человека-марионетки, – углубил этот подход **Ю. А. Ермаков**, – все чаще появляется в современном обществе. Он – издержка процессов социализации, продукт деформирующего воздействия общественных отношений. Под давлением социума этот человек растерял свою индивидуальность, внутреннюю свободу, в стихии социального процесса он лишь манипулируемый объект. Но в своем сознании, субъективно, он имеет нередко иллюзию полноценности собственной личности. Его внутренний мир содержит успокоительную смесь из социальных грез, тенденциозной информации и предубеждений, мифов и предрассудков. В нем лишь изредка попадаются жалкие сколки истины, создавая еще одну иллюзию об адекватности его сознания реальности, о развитости его здравого смысла и практической сметки. А призрак тесной свя-

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 5. Курган, 1991. С. 37-38.

² Там же. С. 40.

занности с социальными институтами или этническими группами, с государством и политической властью обеспечивает ему ту долю душевного комфорта, которая гасит тревогу и ответственность за необходимость деятельного созидания своей судьбы. Человек-марионетка иногда рядится и в рубище бунтаря, безжалостно критикует власть имущих, стремится к радикальным изменениям и тотальному уничтожению всех пороков и недостатков общества. Для «усиления» своей личности он сегодня нередко обращается в веру, находя в ней отпущение прежних грехов и гарантию их прощения на будущее. При этом он обретает как бы льготный режим в своих агрессивных действиях, некую тайную привилегию перед теми, кто ни во что не верует. Нетерпимый и фанатичный приверженец абстрактных идей (бога, коммунизма и т.п.), он теряет всякую разумность в оценке повседневной жизни. Часто, наоборот, его захватывает лихорадка приобретательства, дающая острое, но быстро преходящее наслаждение в поиске и овладении все новыми вещами, в торопливом накоплении денег или иных знаков жизненного преуспевания. Ценность собственной личности он отождествляет поэтому с теми предметами, которые имеет, и это обладание дает иллюзию внутренней гармонии и согласия со смыслом бытия. Но в действительности он остается марионеткой, ибо, лихорадочно примеряя разные социальные маски и роли, утерял главное – способность быть самим собой. Социологи с тревогой пишут о нарастающей негативной тенденции – манипуляции личностью. В результате индивид теряет органичность духовной жизни, заботу «о спасении души», потребность в осуществлении себя. У него образуется вакуум смысловых ценностей, заполняемый некими «синтетическими» заменителями, создающими мираж полноты существования. Манипуляция протекает и как внешний социальный процесс – через маневрирование политической власти или «мозаичный мир», создаваемый СМИ через индустрию развлечений или рыночную рекламу. Они навязывают определенные типы жизненных ориентаций и потребительского поведения, тиражируют образы массовой культуры»¹.

IX УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Они проходили 2 февраля 1994 г. в Екатеринбурге на базе Уральского государственного профессионально-педагогического университета. Надо отдать должное организаторам чтений (и особенно **Г. Е. Зборовскому**), которым удалось в тяжелейших условиях сохранить традицию их регулярного проведения. А условия для социологии региона и страны в целом были действительно нелегкие, что и отразилось в обращении участников чтений.

Обращение участников IX Уральских социологических чтений²

Мы собрались в сложное время. Коренная ломка экономических отношений, динамика социально-политических процессов, обновление культуры – все

¹ Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тезисы докладов VIII Уральских социологических чтений. Секция 5. Курган, 1991. С. 44-45.

² Принято на организационном собрании Ассоциации социологов Урала 2.02.94.

это определяет возрастание роли социологии как науки и социологов в обществе. Без серьезного изучения общественного мнения, выявления противоречивых сторон адаптации населения к новым социальным условиям, без четкого определения социальной базы реформ и возможных путей ее расширения, без честного открытого взаимодействия социологов и властных структур – реальное возрождение общества невозможно.

Сам факт проведения Чтений свидетельствует: традиции уральских социологов – одного из наиболее эффективно действующих отрядов социологической науки России – сохраняются и развиваются. И действительно – за два прошедших года социологами Урала сделано немало. В большинстве своем сохранились и активно действуют традиционные социологические центры. Проведены серьезные комплексные исследования в сфере экономической социологии, социологии труда, образования, семьи. Реализована федеральная исследовательская программа «Молодежь в обновляющейся России». Создан ряд независимых или действующих на коммерческой основе социологических групп и институтов. Расширена подготовка кадров социологов, в большинстве вузов региона ведется преподавание базовых курсов и спецкурсов по социологии, развернуто обучение социологии учащихся средних учебных заведений. Осушествлен прорыв в их учебно-методическом обеспечении – на Урале подготовлены и изданы одни из первых в России учебников и учебных пособий по социологии. Но немало и потерь. Прекратили существование многие соцлаборатории на промышленных предприятиях, в вузах и академических институтах. Практически весьма ограничены финансирование и социальный заказ на социологические исследования. Крайне затруднительным и редким стал обмен опытом на научно-практических конференциях и семинарах. Под угрозой находятся научные связи между социологами разных регионов Урала. Начался отток квалифицированных кадров социологов в другие сферы деятельности. Возникли серьезные трудности с распределением социологов-выпускников вузов. Научный социологический потенциал региона нередко остается невостребованным. Крайне малым остается объем учебных часов, отводимых в вузах на изучение социологии, из-за чего страдает социологическая подготовка специалистов

Нужны серьезные, действенные меры, чтобы переломить ситуацию. Мы обращаемся к местным органам власти – без социальных заказов и реального бюджетного финансирования, без долговременной программы социологических исследований многие ныне существующие социологические службы и научные коллективы будут вынуждены прекратить свое существование. Но одновременно и властные структуры – в условиях радикальных экономических и политических реформ – окажутся без необходимой социальной информации, а программа «Большой Урал» – без социологического обеспечения. Мы призываем шире распространить в регионе позитивный опыт сотрудничества социологов и администрации. Мы обращаемся к руководителям предприятий и коммерческих структур – потенциал социологов Урала и его отдельных регионов позволяет – на конкурсной основе – выявлять тенденции становления и развития коллективов, противоречия процессов акционирования и приватизации, осуществлять маркетинговые исследования, проводить социально-психологическое обследо-

вание рекламных кампаний, обучать персонал основам социологии и психологии управления, менеджмента, бизнеса. Мы готовы к сотрудничеству и рассчитываем, что наш призыв найдет соответствующий отклик.

Мы обращаемся к ректорам и Ученым советам вузов Урала – необходимы Ваши серьезные усилия для совершенствования социологической подготовки молодых специалистов, что позволит им лучше адаптироваться к современной социально-экономической ситуации.

Мы обращаемся к нашим коллегам, ко всем социологам Урала, независимо от конкретной формы организации их работы – нам нужно заметно повысить качество исследований, усилить их практическую направленность. Только это позволит сохранить высокий престиж социологии и создаст более благоприятный социально-психологический климат отношения к ней. Нам нужно, несмотря ни на что, укреплять научные, творческие контакты, обмениваться опытом и дальше сохранять традиции уральской социологической школы.

Само время продиктовало общую тему IX чтений – *«Социальные проблемы Уральского региона»*. «В условиях глубокого экономического, политического, социального кризиса, охватившего российское общество, – обратился к участникам Чтений **Г. Е. Зборовский**, – многие государственные деятели и теоретики пытаются искать выход из него в развитии регионов – за счет поиска их внутренних ресурсов. Это стремление таит в себе плюсы и минусы. *Регионализация* имеет далеко идущие последствия и ставит ряд вопросов, в том числе перед социальными науками. Один из них – какой должна быть роль социологии и социологов в процессе регионализации? Здесь имеются в виду как ориентация исследователей на этот процесс, так и позиция властных структур по отношению к социальной науке и ее представителям. Со стороны части социологов существует стремление исследовать проблемы и процессы регионализации. В последние 2-3 года социология в Уральском регионе ищет свою нишу и в негосударственных, коммерческих структурах, но без заметных успехов. За редким исключением частные фирмы не прибегают к социологическим исследованиям и консультациям социологов. Последние не могут заинтересовать фирмы важными и полезными для них исследованиями. Все же определенные перспективы здесь есть»¹.

Е. С. Шайдарова на основе *данных исследований в Перми и области (1993 г.)* отметила, что «в российском обществе за годы перехода к рыночной экономике социальный статус подавляющего большинства населения снизился. Причин несколько. Изменились характер и степень дифференциации общества, дистанция между «верхом» и «низом» социальной лестницы увеличилась. Появление социальной группы крупных предпринимателей, высших служащих компаний, легализация их стиля и уровня жизни – все это привело к снижению соотносительных оценок своего статуса всеми другими группами населения. Резко изменился вектор статуса, его социальная ориентированность. В общественном сознании формируется высокий новый стандарт престижного соци-

¹ Социальные проблемы Уральского региона. Тезисы докладов IX Уральских социологических чтений. Екатеринбург, 1994. С. 4-5.

ального статуса, по отношению к которому усредненный статус советского общества представляется низким. Снизился и реальный уровень жизни: понизилось семейное потребление практически всех основных продуктов питания; промышленных товаров, услуг; снизилось потребление предметов роскоши, престижных услуг»¹.

В выступлении **И. Р. Балеева** обобщались результаты *интервьюирования беженцев и вынужденных переселенцев из Средней Азии и с Кавказа*, проведенного в *ноябре 1993 г. кафедрой социологии УГАТУ (N = 60 человек)*. Основной причиной выезда 70% назвали обострение межнациональных отношений, а 30% - военные действия в связи с межнациональными конфликтами. В числе других причин: введение государственного языка, сокращение кадров, невозможность работать по специальности. В Башкортостан возвращаются бывшие наши соотечественники. Причиной выбора у 85% было наличие родственников, у 25% приехавших родители в свое время выехали из Башкирии. Целое поколение, родившееся за пределами Башкортостана, возвращается сейчас на родину своих родителей»².

Л. В. Сысолятин обратил внимание на то, что «в период социальных инноваций конца 1980-х - начала 1990-х гг. политические стереотипы наряду со «старым мышлением» попадали в разряд «невидимых врагов» в отличие от врагов видимых (бюрократы, коммунисты и пр.). Исследования этого периода в большинстве случаев не дают ответа на вопрос: «Являются ли стереотипы одним из основных механизмов сопротивления социальным нововведениям, в том числе и политическим?». События предвыборной кампании ноября 1993 г ярко иллюстрируют эту ситуацию. Как показывают результаты контент-анализа телевизионных программ, посвященных выборам 12.12.93 (*проведен социологами УрГУ по заказу СЦ ТРК «Останкино»*), кандидаты в депутаты чаще всего пытаются воздействовать на избирателей двумя приемами: нагнетание страха по поводу состояния дел в стране; межгрупповая агрессия по отношению к политическим стереотипам. Использование грамотно сконструированных идеологом для коммуникации с электоратом практически не встречается. Учитывая это, полагаем, что разработка интерпретационных и измерительных моделей политических стереотипов актуальна»³.

В сообщении **А. М. Воробьева** рассматривались материалы *социологических исследований имиджа сотрудника милиции*, проводившихся в Уральском регионе в 1983-1993 гг. Они показали большую текучесть кадров в органах внутренних дел: примерно 50%. Треть опрошенных получили профессию непосредственно в органах, в основном после армии, окончив курсы или специальную среднюю школу, что сегодня явно недостаточно. У четверти опрошенных в системе МВД работают родственники, которые и оказали решающее воздействие на выбор профессии. Хорошо это или плохо – династия в милиции? Однозначно на этот вопрос ответить трудно. Низок престиж сотрудника милиции

¹ Там же. С. 11.

² Социальные проблемы Уральского региона. Тезисы докладов IX Уральских социологических чтений. Екатеринбург, 1994. С. 17.

³ Там же. С. 30-31.

среди самих работников ОВД (4%). Причин этого несколько. У 17% родители и ближайшие родственники не одобряют работу в милиции. О непривлекательности выбранной профессии говорит и нежелание носить форму – постоянно на работе ее носят немногим более половины, чаще всего не носят – почти треть. Лишь 8% ответили, что им нравится форма. Неудовлетворенность вызывает режим работы органов милиции: «часто приходится задерживаться по службе». В числе других причин: отношение населения к работникам милиции (лишь четверть считают его уважительным, треть – равнодушным); задержка с продвижением по службе, отношения с руководством. Особую озабоченность вызывает уровень культуры сотрудников милиции. Ссылаясь на загруженность работой, многие не читают газет и журналов, не ходят в кино и театр»¹.

Л. Н. Боронина на материалах *общероссийского исследования «Молодежь и рынок»* показала *противоречивость и эклектичность формирующегося экономического сознания молодежи*. Ориентация на личную активность, инициативность сочетается с патерналистскими установками и иждивенческими настроениями. Неудовлетворенность уровнем социальных гарантий стоит у молодежи на первом месте – 74% опрошенных (для сравнения – оплатой труда не удовлетворены 67%, уровнем материальной обеспеченности – 71%, содержанием работы и учебы – 42%). Треть респондентов под социальными гарантиями понимают прежде всего систему материальных гарантий, денежных компенсаций, а не создание благоприятных условий для самостоятельной инновационной деятельности. Существует тесная связь между эмоциональной релевантностью будущего, способностью субъекта проектировать свое будущее и теми актуальными значениями, которые он вырабатывает по отношению к новым социальным ориентирам и ценностям. Анализ результатов исследования подтверждает эту зависимость. Среди респондентов, положительно оценивающих введение рыночных отношений, доля «оптимистов» (около 80%) вдвое превышает эту же категорию среди отрицательно отнесшихся к рынку»².

О. В. Козловская и **Л. Л. Рыбцова** отметили актуальность *гендерных исследований*: «Это понятие связывают, прежде всего, с изучением женских проблем, но его содержание более ёмко. Гендер – социальный пол. В этом смысле мужчина или женщина выполняют определенную социополовую роль. Еще один уровень отличия мужского начала от женского – это мужская и женская субкультуры. Сегодня доминирующим в обществе и культуре является мужское начало. Поиск путей движения к сбалансированной культуре, где женские и мужские социальные роли приобретают равную значимость и ценность для общества, связан с развитием гендерных исследований. По сути это комплексная синтетическая сфера исследований, имеющая ярко выраженную гуманистическую окраску»³.

Л. Я. Рубина и **С. Н. Айрапетова** сообщили о результатах *анкетного опроса, проведенного кафедрой социологии УрГПУ по заказу Департамента*

¹ Социальные проблемы Уральского региона. Тезисы докладов IX Уральских социологических чтений. Екатеринбург, 1994. С. 35-36.

² Там же. С. 46-47.

³ Там же. С. 49-50.

образования области ($N = 1700$ человек) по проблеме социального самочувствия и профессиональной деятельности работников образования (июнь 1993 г.): «Готовность к работе с прицелом на XXI век, к инновациям выражена преимущественно на декларативном уровне и у основной части педработников не подтверждается социально значимыми формами деятельности». Исследование выявило *противоречия современной системы образования*. «Насколько удовлетворены учителя тем, как складывается жизнь в целом? 53% опрошенных учителей в той или иной степени довольны своей жизнью, затруднились определить – 10%, уверены, что жизнь не сложилась, – 8%, ответы остальных склоняются к негативной оценке»¹.

Выступление **Н. Н. Маликовой** было посвящено *поиску путей и форм выживания и развития учреждений культуры в современных условиях*. Особенно важно привлечь в сферу культуры средства предприятий, фирм, банков, что выдвигает необходимость исследования *слоя предпринимателей как особой культурной группы*, степени их готовности к вложению средств в сферу культуры, условий, способствующих благотворительной деятельности. Попытка изучения этих проблем была реализована в рамках *социологического исследования «Социокультурная ситуация в крупном индустриальном центре»*, проведенного в апреле-июне 1993 г. Опрос группы экспертов-предпринимателей позволяет сделать следующие выводы:

- современные предприниматели – специфическая социокультурная группа, для которой характерны дефицит свободного времени, активность посещений различных учреждений культуры, преобладание рекреативных форм в структуре их культурно-досуговой деятельности, достаточно высокий уровень компетентности в вопросах культуры;
- в большинстве своем они выражают готовность посильного содействия культуре: 83% считают, что культуру надо спасать, возрождая традиции меценатства; 62% уже сегодня согласны заняться благотворительностью;
- среди мотивов занятия благотворительностью доминируют: возможность хорошей рекламы фирмы, престиж (45%) и уровень фирмы, который позволяет тратить деньги, в том числе и на культуру (43%);
- причины, мешающие развитию меценатства в современном бизнесе: недостаточный уровень развития фирм, отсутствие свободных средств (65%), малые налоговые льготы (52%), невозможность проследить судьбу вклада (27%)»².

В. Д. Разинская и Г. В. Разинский отметили важность *метода социальных типологий* для изучения реальных социальных процессов: «Он позволяет искусственно выделить доминантные характеристики явления, процесса, групп при абстрагировании от других, менее существенных. В ходе операциональной отработки идей социальной типологизации было выявлено *три основных социокультурных типа*, адекватно отражающих сущностные перемены в социальной структуре общества переходного периода:

- *классический (традиционный)* – с антирыночной ориентацией. Его отличает

¹ Социальные проблемы Уральского региона. Тезисы докладов IX Уральских социологических чтений. Екатеринбург, 1994. С. 60-66.

² Там же. С. 87-88.

приверженность к ценностям тоталитарного общества, основанного на нетоварных отношениях и государственной собственности. Его социальное поведение отличают социальная и культурная пассивность, подверженность строгому социальному контролю, безусловное подчинение заданным стандартам, неприятие каких-либо инноваций;

- *маргинальный (постсоветский)* – генетически присущ современному обществу и поэтому более всего связан с реальностями нынешнего социального бытия, поэтому несет на себе все его противоречия. Это умеренная разновидность антирыночности;

- *современный - прорыночно ориентированный*. Отличается усвоением ценностей, норм, установок, характерных для цивилизованного рыночного общества. Ему присуще и соответствующее социальное поведение: предприимчивость, социальная и культурная активность, преобладание социального контроля, гибкость норм и поведения в основных жизненных сферах»¹.

Очевидно, девятые Чтения были наименее представительными. Но именно поэтому необходимо вспомнить о блестящем докладе **Л. Н. Когана** о проблемах региональной социологии, о выступлениях социологов Екатеринбурга (**Т. Л. Александрова, Л. Ф. Беликова, А. С. Ваторопин, Ю. Р. Вишневский, Л. А. Журавлева, А. В. Меренков, О.В. Рыбакова, Е. А. Шуклина** и др.) и наших коллег со всего Урала – из *Башкирии* (**Ю. В. Акатьев, Р. Р. Галлямов, Р. Т. Насибуллин** и др.), *Кургана* (**Л. И. Огаркова, Ж. В. Чумакова** и др.), *Оренбурга* (**Э. М. Виноградова, И. В. Лебедева** и др.), *Перми* (**А. Г. Антипов, В. Р. Лашев, С. П. Парамонова, В. Г. Петилов, В. В. Прокин, М. А. Слюсарянский, В. Н. Стегний** и др.), *Удмуртии* (**С. В. Заверкин**), *Н. Тагила* (**Ю. П. Петров**).

Х УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Они проходили 10-11 сентября 1996 г. в Екатеринбурге. Впервые социологические чтения были построены тематически и посвящены *различным социальным аспектам жизни молодежи*.

Важную роль в их подготовке и проведении сыграл Комитет по делам молодежи Правительства Свердловской области (**Л. В. Генин, В. Ю. Вишневский**) и Уральский институт молодежи (**Г. Б. Кораблева**). Тематика чтений наложила отпечаток и на подготовленные к ним материалы. Институт молодежи подготовил и издал аннотированный сборник социологических исследований молодежи в Свердловской области за 1991-1996 гг. Впервые был подготовлен и издан сборник тезисов молодых социологов (студентов и аспирантов) о социальных проблемах молодежи². На пленарном заседании с докладом о 20-летию Уральских социологических чтений и о многомерном подходе к молодежи выступил

¹ Социальные проблемы Уральского региона. Тезисы докладов IX Уральских социологических чтений. Екатеринбург, 1994. С. 89-90.

² Молодые социологи о социальных проблемах молодежи. Екатеринбург, 1996.

Л. Н. Коган. Это были последние чтения, в которых он участвовал, и его слова – в известной мере – могут рассматриваться как научное завещание Ученого своим ученикам и коллегам:

«Что представляет собой уральская социология сегодня? Порамышлять над этой проблемой, очевидно, нелишне в преддверии X юбилейных социологических чтений. Однозначно ответить на этот вопрос, вероятно, невозможно. С одной стороны, в последние годы Урал стал видным центром социологического образования России. Только в государственных высших учебных заведениях ныне работают 7 факультетов и отделений, готовящих профессиональных социологов (Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Ижевск, Уфа), значительно увеличилось количество работающих социологических центров и групп. Наряду с публикацией результатов отдельных исследований, социологи региона подготовили ряд крупных монографий и учебных пособий по теоретической и прикладной социологии. Чаше стали появляться статьи социологов региона в центральных социологических изданиях. Признанием заслуг уральской социологии является открытие нового докторского и ряда кандидатских советов по этой специальности. Неизмеримо расширилась тематика социологических исследований, выполняемых по договорам с предприятиями, фирмами и организациями. Но нельзя замалчивать и резкое увеличение числа непрофессиональных, а подчас и просто халтурных псевдоисследований, способных вызвать только дезинформацию заказчика. Во многих мелких «независимых» группах работают люди, имеющие весьма отдаленное представление о социологии. При этом они любят ссылаться на «зарубежный опыт». Так, при выяснении общественного мнения часто используется телефонный опрос. За границей, в развитых странах, где почти каждый горожанин имеет телефон, выборка по телефонным номерам в какой-то мере оправдана. У нас же опрос одних владельцев телефонов неизбежно дает серьезные искажения общей картины. Да, «независимых социологов» часто мало заботит репрезентативность исследования, главное – быстрее «выдать» результат и получить гонорар. Заметно падает теоретический уровень и части исследований серьезных, зарекомендовавших себя центров. Оказывается, нелегким отказаться от ряда привычных формул и старых подходов.

Это сказалось в определенной степени и на представленных на X социологические чтения докладах по проблемам молодежи. Такая тематическая направленность юбилейных чтений оправдана:

- они происходят на рубеже веков, отсюда не случайно их обращение к будущему, к молодежи как носителю этого будущего;
- проблемы молодежи позволяют объединить социологов труда, образования быта, культуры, демографов и т.д.;
- подготовка и проведение конференции, публикаций тезисов докладов, возмещение неизбежных хозяйственных расходов стали возможными лишь благодаря постоянной поддержке и участию Комитета по делам молодежи Правительства Свердловской области и Уральского института молодежи;
- проблемы молодежи как раз особенно требуют новых творческих подходов,

отказа от старых шаблонов. Десятилетиями у нас проповедовался миф о «моральном и политическом единстве молодежи». Автор этих строк тоже в свое время отдал дань этому мифу. Если же молодежь едина в социально-политическом и моральном отношении, то основными дифференцирующими различиями внутри молодежи оказываются различия социально-групповые, а также различия в образовании и культурном уровне. Такие дифференцирующие молодежь признаки объявлялись «остаточными», «стирающимися», следовательно, утверждалось, что молодежь становится все более социально-однородной. Этот вывод в 1960-1970-е гг. скрывал фактически растущую социальную дифференциацию молодежи.

Задумаясь, что же объединяет группу, именуемую «молодежью» сегодня? Возрастные физиологические и социально-психологические качества. Бесспорно. Как, впрочем, и то, что они должны изучаться прежде всего физиологией и социальной психологией. Социология же, характеризуя эти качества и занимаясь заведомо не своим делом, нередко попадала впросак. Скажем, юношеский максимализм действительно присущ 16-летнему школьнику, но вряд ли типичен для 30-летнего кадрового офицера. Тем более это надо сказать об «инфантильности». Таких примеров можно привести немало. Говорят, что молодежь ущемлена экономически и политически. Вряд ли эти положения можно принять полностью. Раньше, когда «сверху» «спускались» проценты молодежи, подлежащей избранию в руководящие органы, «омолодить» последние было очень легко: стоило лишь изменить эти проценты. Сейчас молодому человеку приходится оспаривать свое право находиться у руководства в жестокой избирательной борьбе, скидок «на молодость» ему никто не делает, как и при выборе, скажем, в правление банка или акционерного общества. Конечно же, молодежи предстоит решать свои социальные проблемы, но сами эти проблемы у разных ее групп различны. Сегодня дифференцирующие факторы среди молодежи проявляются более весомо и зримо, чем интегрирующие. Я имею в виду прежде всего социальное происхождение, доход как самого молодого человека, так и его родителей, политическую идентификацию, образование, социальные притязания и ценностные ориентации. Развитие современной молодежи, разных ее групп антиномично. Какое положение применимо к современной молодежи: молодые люди рассматривают образование как одну из главных ценностей жизни; образование находится на периферии жизненных ценностей молодых людей? Да оба. Но они относятся к разным группам молодежи. «Молодежь становится более прагматичной», – говорят одни и аргументируют это высокими конкурсами по специальностям, связанным с финансами, торговлей, международными отношениями, иностранными языками. «Молодежь становится все менее прагматичной», – утверждают другие, сравнивая конкурсы на филологические, искусствоведческие и культурологические «непрестижные» специальности. Опять же, и те, и другие ошибаются, говоря о «молодежи» в целом, ибо речь идет о разных ее группах. Эта антиномичность проявляется во всем: о нашей молодежи говорят как о «крайне политизированной» и «аполитичной», не замечая, что речь идет о разных ее частях; то поп-музыка объявляется всеобщим увлечением молодежи, та констатируется, будто бы молодежь отходит

от нее. При этом любой вывод подтверждается таблицами, схемами, диаграммами. Именно антиномичности, дифференцированного подхода подчас не хватает мне, когда я читаю о результатах проведенных исследований.

До сих пор многие социологи не могут преодолеть негативное отношение к понятиям «карьера», «успех», «престиж». В то же время большое сомнение вызывает у меня термин «молодежная субкультура», если речь идет о нашей молодежи сегодня. К чему сводится эта «молодежная культура»? Если послушать защитников ее существования, то она сводилась к вестернизации и даже американизации культуры, к увлечению «ультрасовременными» формами ее авангарда. Между тем, по авторитетному свидетельству Института молодежи РФ, эта тенденция все более идет на убыль, заменяясь стремлением к отечественной продукции. В чем же тогда единая «молодежная субкультура»? Конечно, все рассмотренные выше антиномии, точнее выводы из них являются предметом дискуссии. Можно надеяться, что такая дискуссия развернется на X социологических чтениях.

Сейчас вновь оживились разговоры о воссоздании федеральной Российской социологической ассоциации. Но пока еще нет даже проектов ее программы и устава. Полагаю, что следует, не дожидаясь решения судеб федеральной ассоциации, на X социологических чтениях принять решение о создании Ассоциации социологов Урала как самостоятельного юридического лица при Уральском отделении РАН или Академии гуманитарных наук РФ. Возрождение такой общественной организации, на мой взгляд, крайне необходимо, без нее дальнейшее развитие уральской социологии как социологии региональной ныне принципиально невозможно»¹.

В представленных на **первой секции** докладах и сообщениях рассматривались актуальные проблемы молодежной политики и социальной защиты молодежи – в их региональном аспекте – на примере *Свердловской области* (Х. Р. Галимова, Г. Б. Кораблева, В. И. Чеснокова), *Челябинской области* (Н. Ф. Павлова, В. М. Аксёнов, Д. Б. Иванова) и *Удмуртской республики* (Б. Г. Тикунов). Особое внимание уделялось изменяющимся в переходный период межпоколенческим отношениям (В. В. Прокин). «По нашим данным (*исследование политических предпочтений населения Екатеринбурга, ноябрь 1995 г.*), – отмечали Е. Л. Могильчак, В. У. Сулейманов, Д. В. Шкурин, – молодежь в целом живет не хуже, чем среднее поколение, и значительно лучше, чем лица пенсионного возраста. Водораздел лежит не между молодыми и взрослыми, а при переходе от экономически активного возраста к пенсионному и предпенсионному. Наличие личностных ресурсов (здоровья, более качественного образования) превращает достижение благоприятных экономических позиций в разрешимую для молодого поколения задачу. Абстрактные права взрослого человека (избирательное право, право на собственность и т.д.) реализуются в молодежной группе примерно так же, как в «близлежащих» возрастах, и поэтому не являются показателями формального перехода порога взрослости. Самые

¹ Молодежь – будущее России. Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. Екатеринбург, 1996. С. 3-6.

старшие возрастные группы, в отличие от более молодых, не в состоянии реализовать свои экономические права и поэтому пытаются влиять на свое положение через участие в выборах. Молодежный возраст в переходный период перестает быть показателем неустойчивого социального положения. Молодежь отчасти теряет свои стандартные специфические особенности – более низкий, чем у старших, социальный статус, меньшую адаптированность к социальной среде и т.д. Достижение высокого социального статуса является в настоящий момент скорее функцией не жизненного опыта, а уровня развития личных ресурсов человека, что приводит к размыванию социальных границ возрастных образований»¹.

Интерес вызвала и проблема осознания молодежью своего *социального будущего*. «Для молодежи, – подчеркивал **В. Н. Стегний**, – характерна устремленность в будущее. Она решает, кем быть и каким быть, как идти к своему будущему, проблемы самоопределения, самоутверждения, самоориентации и т.д. – выбора своего социального будущего, его назначения. Молодежи свойственен безоблачный оптимизм. И это очень хорошо. Но все же лучше, если этот оптимизм не бездумный. Молодежь, как правило, живет только будущим. В ее сознании деление процесса развития на прошлое, настоящее и будущее еще не сформировалось. У молодежи повышенный интерес к социальному будущему, чем у лиц старшего возраста, так как она только начинает жизнь и у нее все еще впереди. Вот почему молодому человеку чрезвычайно важно иметь правильную жизненную перспективу, конкретные жизненные планы, цель и «близкую», и «далёкую». У разных групп молодежи разное отношение к своему социальному будущему. В частности, исходя из направленности в осознании своего социального будущего, выделяются следующие типы (правда, степень их «чистоты» отнюдь не абсолютна, и сами группы, и типические формы их поведения взаимосвязаны очень тесно):

- группа, у которой её жизненные ожидания и планы на будущее представляют собой *прямую экстраполяцию их нынешнего положения в обществе*. Им необходимы не коренные изменения своего положения в обществе, а лишь количественные изменения его главных элементов. К этой группе относятся те индивиды, которые свое будущее связывают со своей реальной деятельностью в настоящем;
- к другой группе относятся индивиды, которые в своих жизненных ожиданиях, ориентациях, направленных на практическую реализацию социального и своего будущего, *выходят за границы своего настоящего статуса, стремятся качественно изменить свое настоящее положение*. Свои представления о будущем они связывают со сменой специальности, профессии, места работы, места жительства, уровня образования, типа общественных отношений, изменения форм собственности и т.п.;
- группа индивидов, у которых *настоящий образ жизни переплетается с элементами образа жизни будущего*, которые в будущем получают свое целостное развитие. В сознании этих индивидов имеется чёткое представление о социаль-

¹ Там же. С. 13-14.

ном прошлом, настоящем и будущем. Ориентация на будущее преобладает над ориентацией на прошлое и настоящее;

- отдельную группу составляют индивиды, *не выработавшие какого-либо определенного отношения к своему социальному будущему*. Они считают планирование своей жизни пустым делом и безразличны к нему. Они не знают, чего им ждать от движения общества в будущее – хорошего или плохого? Поэтому они безразличны и к обсуждению вопросов: где и кем работать, по какой специальности, профессии. Стил жизни – индифферентный, преобладают приспособительные формы поведения, невыраженность собственного «Я»;

- в современном обществе среди молодежи чётко фиксируется тип *антиобщественного поведения*, масштабы которого в последние годы очень быстро разрастаются. У индивидов данного типа ни о каком истинном осознании своего социального будущего речи быть не может. На решение данного вопроса современное общество внимания почти не обращает»¹.

Интересна – по постановке перспективной исследовательской проблемы – тема сообщения **Е. Н. Заборовой** *«Пространственное поведение молодежи в крупном городе»*: «В поведении молодежи проявляются как общие, присущие всем городским группам, так и специфические, свойственные только данной группе, закономерности пространственного поведения. Современная молодежь, несмотря на её качества (мобильность, склонность к коллективизму, способность гибко адаптироваться к изменяющимся условиям), ориентируется на дом – как основное место времяпровождения. Молодежь демонстрирует особенности поведения в пространстве транспортного передвижения (занимает заднюю часть транспортных средств, образует группы, проявляет специфическое отношение к другим пассажирам)»².

А. В. Меренков сообщил о результатах мониторинговых исследований в течение 1992-1995 гг. студентов гуманитарных и технических вузов ряда городов России с целью *выяснения влияния экономических преобразований, происходящих в процессе перехода к рынку, на сознание студенческой молодёжи*: «В 1992 г. произошла смена основных стереотипов, связанных с частной собственностью, трудом на частном предприятии, предпринимательством. Если при социализме господствовал и активно внедрялся в сознание молодёжи стереотип, характеризующий частную собственность как основу эксплуатации, причину нищеты масс, источник несправедливости, неравенства, то к периоду обвального перехода к рынку, после нескольких лет перестройки, только у 40% студентов сохранялись подобные взгляды, примерно столько же студентов считали частную собственность основой развития производства, источником появления избытка товаров, ликвидации бедности. Такая же дифференциация была обнаружена по поводу труда на частном предприятии. Около 35% считали, что работа на нем даёт возможность проявить творческие способности, больше зарабатывать, полнее реализовать свои знания, по сравнению с трудом на социалистическом предприятии. Однако 40% отмечали, прежде всего, негативные ас-

¹ Молодежь – будущее России. Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. Екатеринбург, Ч. 1. 1996. С. 17-19.

² Там же. С. 23.

пекты труда частника. Также был выявлен новый стереотип, касающийся преимущественно предпринимательской деятельности. До 60% опрошенных хотели бы стать владельцами и совладельцами частных фирм. При этом 4% уже стали ими, обучаясь в вузе. Дальнейшие исследования, проведённые в 1993-1995 гг., показали, что никаких существенных изменений в стереотипах, степени их распространения не произошло. Сложилось устойчивое деление студенческой среды на две примерно равные части: около 40% придерживались ценностей социалистической экономики и столько же разделяли стереотипы о преимуществах т.н. «рыночной» (т.е. капиталистической). Это позволяет сделать важный вывод: в сознании молодёжи чётко отразилось отсутствие серьезных продвижений к развитой рыночной экономике в течение последних трёх лет. В каком положении оказались широкие массы населения в 1992 году, в таком же они остаются и по сей день. Все обещания быстрого улучшения материального положения народа рассеялись как дым, оставив горечь обманутых ожиданий. Однако число сторонников прошлого не увеличилось. Одни всё ещё питают надежды, другие живут воспоминаниями»¹.

А. С. Ваторопин и Л. А. Журавлева обратились к анализу наиболее острых *проблем молодых безработных*. Проведенное ими *фокусированное групповое интервью (фокус-группа) с молодыми безработными Кировского района* позволило выявить несколько типов молодых безработных:

I тип – молодые люди (в основном мужчины), имеющие низкий уровень образования (профессиональные училища, неполное среднее образование), хорошие физические данные, *ориентированные на неквалифицированную работу только в негосударственном секторе* (охрана, транспортировка грузов, перевозка товара в сочетании с погрузочно-разгрузочными работами). Для этого типа характерна достаточно высокая активность в поиске работы, большинство из работников такого типа довольно быстро находят работу. Наибольшей ценностью для них является хороший заработок, позволяющий обеспечить материальное благополучие для себя и своей семьи.

II тип – молодые люди (в основном женщины) без образования, *ориентированные на работу в сфере торговли (государственной и негосударственной)*. Для них большой ценностью является сам этот труд, общение. Они довольно активны в поиске работы.

III тип – представлен молодыми людьми с *экономически зависимой (внерыночной) позицией, напуганными потерей работы*, но при этом проявляющими минимум активных действий для ее поиска. Эта категория молодёжи большие надежды возлагает на службу занятости, рассчитывает на предоставление интересной работы или курсов. Для этого типа характерны такие черты характера, как застенчивость, закомплексованность, пониженная самооценка, неумение общаться. Самостоятельно они работу практически не ищут, имеют нереалистические представления о своих возможностях и о перспективах своего трудоустройства. Очень часто испытывают разочарование относительно возможно-

¹ Молодежь – будущее России. Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. Ч. 1. Екатеринбург, 1996. С. 33-34.

стей службы занятости, ощущают обиду на её сотрудников. При этом они не знают о спектре предоставляемых службой занятости услуг.

IV тип - молодые люди с *потребительской установкой*, чаще всего женщины в отпуске по уходу за ребёнком, не собирающиеся работать, но зарегистрировавшиеся как безработные и получающие пособие»¹.

Л. Я. Рубина рассказала о *программе партнёрства Уральского госпедуниверситета и Северо-восточного Иллинойского университета (США)*, в течение 4 лет ведущих совместные теоретические и прикладные исследования по *проблеме лидерства в образовании*: «По совместно разработанной программе в 1995 г. было проведено исследование в форме опроса преподавателей и студентов колледжа образования СВИУ по проблеме их взаимодействия в связи с реформой образования в США. Опрос проводился методом сопоставления «идеального» решения той или иной задачи с реальными ситуациями в колледже. Было выделено 26 содержательных позиций, отражающих смысловые, организационные, коммуникативные, инновационные, нравственные, престижные и иные результаты деятельности. Наибольшее расхождение «должного» и «сущего» преподаватели обнаруживают в содержательных аспектах работы (отставание учебных программ от новых требований), в наличии времени и ресурсов для осуществления инноваций, в степени понимания преподавателями и сотрудниками колледжа целей преобразований и умении вести диалог по ним. Это соответствует и результатам проведённых ранее исследований в УрГПУ. Студентов волнует, что по многим вопросам организации учебной деятельности (выбор программ, расписание) не они являются основной заботой вуза. Более того, как и наши выпускники, они сетуют на недоступность преподавателя «в качестве советника» за пределами учебных занятий. Американскую молодёжь также волнует, что студенческого опыта и знаний им может оказаться недостаточно для того, чтобы преуспевать как практика в будущем. В отличие от наших студентов, американские отмечают, что всегда чётко знают предъявляемые им требования и ожидаемые результаты, что преподаватели обязательно введут новые моменты в содержание и технологии обучения, что и после окончания колледжа студент сохранит партнёрские отношения со своим профессором. Эти результаты позволили выстроить «лестницу мандатов» продвижения от преподавателя к студенту, разработать структурные функции и критерии «образовательного профессионализма», необходимые для подготовки лидеров образования»².

«В демократическом обществе проблемы, связанные с формированием *правовой культуры граждан*, – отметили **Т. Д. Сундукова** и **Н. А. Тютюнник**, – являются актуальными для всех сфер общественной жизни. Особое значение они имеют в сфере образования, поскольку именно система образования отвечает за воспитание, развитие и социализацию личности. В последнее время на федеральном, региональном и местном уровнях разработан и принят ряд законодательных документов в области образования, регламентирующих права

¹ Там же. С. 54-55.

² Молодёжь – будущее России. Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. Ч. 1. Екатеринбург, 1996. С. 67-68.

субъектов образовательного процесса. Однако потребуются длительное время и настойчивые усилия, чтобы провозглашённые права прочно утвердились в практической жизни. Выявлению степени реализации *прав учащихся* в сфере образования было посвящено *социологическое исследование, проведённое сотрудниками лаборатории социологических исследований Института развития регионального образования в 1995 г.* В исследовании приняли участие педагогические работники, учащиеся 10-11 классов учреждений среднего (полного) общего образования, учащиеся старших курсов учреждений первого профессионального образования и родители учащихся указанных категорий в городах Краснотурьинск и Тавда. Подавляющее большинство респондентов всех категорий считают, что учащиеся должны знать, какие права в сфере образования им гарантированы. В качестве основных мотивов необходимости изучения учащимися своих образовательных прав были названы «возможность в случае необходимости защитить себя, свои интересы», «знать права, чтобы исключить случаи их нарушения, предупредить конфликты». Уровень информированности респондентов всех категорий (в том числе и педагогов) о конкретных правах учащихся является крайне низким. К числу наиболее известных всем группам респондентов образовательных прав учащихся можно отнести лишь пять прав:

- право на получение бесплатного среднего образования в рамках государственных образовательных стандартов,
- право на свободное выражение собственных взглядов и убеждений,
- право на уважение человеческого достоинства,
- право на получение образования независимо от места жительства,
- право на выбор формы обучения.

Большинство педагогов, учащихся и родителей учащихся осведомлены о существовании нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность образовательных учреждений и определяющих права различных субъектов образовательного процесса (Устав, Программа развития, Лицензия на право ведения образовательной деятельности, Свидетельство о государственной аккредитации). Но большинство учащихся и родителей исследуемых территорий не имеют свободного доступа к нормативно-правовым документам своих образовательных учреждений, уровень их информированности о содержании указанных документов является весьма низким»¹.

А. А. Петько обратил внимание на выявленное в исследовании *рассогласование между содержательной и формальной сторонами образования в восприятии его студентами*. «Тот аспект образования, который связан с расширением круга знаний и формированием потребности в познании, был оценен студентами весьма скромно, представители IV курса теплотехнического факультета поставили его на 14-е место из 18 возможных, а студенты-металлурги того же года обучения отодвинули его ещё дальше – на 16-е место. Что касается оценки образовательного процесса как формы творческой самореализации студента, то она оказалась столь же низкой: 15-е место на металлургическом фа-

¹ Молодежь – будущее России. Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. Ч. 1. Екатеринбург, 1996. С. 85-86.

культете и 18-е – на теплотехническом. Если же мы обратимся теперь к оценке студентами инструментальных возможностей высшего образования, использованию его в качестве элемента имиджа, то увидим здесь совершенно другую картину. Формальный потенциал диплома, внешние атрибуты образованного человека оцениваются очень высоко. На теплотехническом факультете, например, ценность образованности имеет 1-й, а на металлургическом – 2-й ранги в структуре ценностных предпочтений. Эта тенденция в наибольшей степени обнаруживает себя в сопоставлении образования с другими жизненными ценностями. Показательной в этом отношении является устремленность будущих выпускников к материально обеспеченной жизни, но, как следует из материалов опроса, совсем не обязательно за счет использования полученных в институте профессиональных знаний. Вообще ценности интересной работы и профессиональной самореализации в послеинститутский период воспринимаются студентами без особого пиетета; во всяком случае, лишь половина опрошенных видит перспективы достижения материального благополучия на этом пути, другая же половина делает ставку на собственные волевые качества и умение ориентироваться в меняющейся конъюнктуре жизненной ситуации. По-видимому, для отмеченных сдвигов в области ценностных ориентаций студентов оснований более чем достаточно как в общегосударственной сфере, так и в сфере внутривузовской»¹.

Острота политических баталий к моменту чтений – после выборов Президента РФ – несколько спала. Но тем важнее было учесть уроки *массового политического абсентеизма молодежи*. Именно к этой проблеме было привлечено внимание участников секции «Молодежь и политика». «Можно предположить, – отмечал О. Л. Лейбович, – что политический абсентеизм представляет собой компонент молодежной городской культуры 1990-х гг. Будучи девиантным по отношению к общим социальным нормам, он соответствует правилам, принятым в молодежной среде. Каковы культурные основания такого неучастия? В первую очередь – неумение участвовать в политической жизни. Семейная социализация таких знаний и навыков не дает. Школьная их также не предлагает. Современное образование лишено политического элемента. К тому же организация политической жизни по своему стилю чужда доминирующим тенденциям молодежной субкультуры, ее игровой стихии, амбивалентному смеху, эстетике карнавала. Напротив, она солидна, процедурна, статична»².

В. И. Шерпаев на основе *социологических опросов на территории Приволжского и Уральского военных округов* остановился на *отношении молодежи к срочной военной службе*: около 70% молодых людей заявили о ее ненужности, свыше 35% – о готовности покинуть Родину. Если в 1989 г. от призыва уклонились 2800 чел., то по завершению только весеннего призыва 1995 г. – около 28 тыс. чел. Среди юношей призывного возраста стало больше в 2,5 раза состоящих на учете в МВД за антиобщественные действия, а нигде не учившихся и не работавших до призыва – в 3 раза. Годность граждан к военной

¹ Молодежь – будущее России. Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. Ч. 1. Екатеринбург, 1996. С. 105-108.

² Там же. Ч. 2. С. 5.

службе за последние 5 лет в целом по России уменьшилась до 68% в 1995 г. Другими словами, человеческий негатив не столько рождался в армии, сколько в неё вливался»¹.

Бурное освоение Западной Сибири способствовало активизации социологических исследований в Тюменской области и в автономных округах Северного региона. На этой основе развивалось сотрудничество социологов Урала и Западной Сибири. Именно с X Уральских сощтений началось регулярное (а не эпизодическое, как раньше) участие *тюменских социологов* в наших Чтениях. Они привнесли и новую проблематику. «У современной коренной молодежи Ханты-Мансийского автономного округа как в возрасте начальной социализации, так и старше, – отмечала **Н. Г. Хайруллина**, – сформировался определенный «комплекс неполноценности». Эти поколения в сильной степени утратили навыки, ценности и нормы традиционного уклада жизни промыслового населения, не обрета в достаточной степени ценностей и норм, связанных с иными способами жизнеобеспечения. Среди немалой части молодежи наблюдается демонстративный отказ от языка и ценностей этнической культуры, полное отсутствие не только знания её, но даже интереса к ней. Пройдя систему всеобщего среднего образования, молодежь коренных национальностей Севера, как правило, возвращается в родную тайгу и тундру, не получив соответствующих знаний и навыков. В традиционных отраслях не реализуется её образовательный потенциал. Не привлекают сюда и тяжёлые условия жизни. Молодые аборигены оказались наименее подготовленными к жестким условиям рынка»².

Тематическая организация чтений позволила многие молодежные проблемы рассмотреть более целенаправленно и глубоко. Особенно это относится к *молодой семье, социализации и девиантному поведению подростков*, которым были посвящены *самостоятельные секции X чтений*. «Результаты исследования в Орджоникидзевском районе Екатеринбурга, – сообщили **Л. Л. Рыбцова** и **В. А. Кольцова**, – дают представление о *жизненных установках подростков*, которые формируются их родителями. Будущее подростков заботит родителей, но их ответы говорят о сложной ситуации, в которой находится сегодня семья: треть родителей не знают, чем будет заниматься подросток после школы. 23% родителей предполагают, что их дети продолжат учёбу в техникуме, 22% – что в вузе, 6% – в ПТУ. Родители подростков единодушно рассматривают здоровье как важнейшую жизненную ценность. Но как формировать здоровый образ жизни у подростков, родители практически не знают»³.

Т. Д. Пичугина рассказала об опросе *редакции газеты «Аргументы и факты» в Удмуртии*. *Какие меры наказания родители используют по отношению к детям?* Характер наказаний, его формы зависят от пола, возраста и профессии респондентов. Какие формы наказания родители считают приемлемыми (в порядке убывания)? Это нравоучение, убеждение (64%), запрещение различных развлечений (35%), физические наказания (21%), «угол» (11%), лишение

¹ Там же. С. 13.

² Молодежь – будущее России. Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. Ч. 2. Екатеринбург, 1996. С. 26

³ Там же. С. 31-32.

карманных денег (11%). Затруднились с ответом 11%»¹.

В сообщении **О. Ю. Поляковой и Т. Е. Зерчаниновой** анализировались исследования 1993-1995 гг., проведенные Октябрьским районным отделом образования г. Екатеринбурга о развитии культуры общения учащихся: «Эта проблема актуальна и для учителей, и для учащихся, и для их родителей. Почти 80% учителей и 70% родителей хотели бы, чтобы в школе был введен курс «Культура общения». 60% учащихся испытывают проблемы в общении с учителями, 48% – с родителями, 20% – со сверстниками. 48% старшеклассников хотели бы, чтобы учителя помогли им овладеть навыками разрешения конфликтных ситуаций. Наиболее эффективными способами развития культуры общения педагоги считают активные методы: игры, семинары, диспуты (42%), однако используют их в работе лишь 6% педагогов»².

Особый интерес вызвали сообщения социологов УрГПУ (**М. Г. Бурлуцкая, Л. Е. Петрова, Л. Я. Рубина и др.**) о результатах очередного этапа международного лонгитюдного исследования «Пути поколения» и сотрудников Института экономики УрО РАН (**Б. С. Павлов, Т. Д. Ишутина, В. Ф. Иванова, В. И. Павлова**) об исследовании проблемы «трудный подросток» в молодом северном городе Надыме.

Значимость X Уральских социологических чтений состояла уже в том, что они состоялись. 20-летняя история чтений стала реальностью. Удалось сохранить связи, научные контакты, сотрудничество между уральскими социологами. И не только сохранить, но и продолжить.

ХІ УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Они проходили в Челябинске 20-21 апреля 1998 г. Большой вклад в организацию этих чтений внесли Уральский социально-экономический институт Академии труда и социальных отношений (ректор **С. И. Кубицкий**) и Челябинский филиал Уральской академии государственной службы (директор **С. Г. Зырянов**). Общая тема и основной ориентир чтений: «Уральский регион как социум»³. Чтения были посвящены памяти **Льва Наумовича Когана**.

На пленарном заседании чтений выступили:

- **Г. Е. Зборовский** (*Социология на Урале: проблемы регионального развития в преддверии XXI столетия*);
- Президент Российского общества социологов **В. А. Мансуров** (*Актуальные социальные проблемы современного российского общества*);
- **М. А. Слюсарянский** (*Рынок труда и занятости в условиях социальной трансформации общества*);
- **Б. С. Павлов** (*Муниципальная власть и население: прямая и обратная связь*);
- **С. Г. Зырянов** (*Возникновение социальной группы стабилизации – предвест-*

¹ Там же. С. 37.

² Там же. С. 43.

³ Уральский регион как социум. Материалы XI Уральских социологических чтений. Челябинск, 1998.

ник среднего класса на Южном Урале);

– **Н. Р. Суденков** (*Роль социологии в государственном управлении и принятии политических решений*);

– **В. Т. Шапко** (*Интеллигенция в посттоталитарном обществе*),

– **Ю. Р. Вишневский** (Молодежь региона: от выживания к развитию);

– **В. С. Цукерман** (Социология культуры и Уральский регион).

– **Э. М. Виноградова** (Национальные отношения в полиэтническом регионе). Это обеспечило и представительство различных научных центров Урала, и участие в работе Президента РОСа, и широкий круг проблем, обсуждавшихся затем на секциях.

На первой секции «Политические процессы в регионе» особое внимание было уделено проблемам политической активности и электорального поведения уральцев (**Г. А. Кабакович, М. В. Макарова, Л. Л. Рыбцова, Ф. М. Садриева, О. Г. Смирнова, В. Е. Хвощев, Д. С. Черных, А. В. Шишмаренкова** и др.). Представляет интерес попытка типологии электоральной культуры индивидов, выявление «стратегических установок» индивидов как потенциальных участников конфликтов, анализ своеобразия общественно-политического поведения женщин. Заметное место в работе секции занимали проблемы перехода к демократическому, гражданскому обществу и правовому государству, преодоление посттоталитаризма и бюрократизма (**Ю. Г. Ершов, Е. Н. Заборова,**

Н. Ю. Сморчкова, В. Т. Шапко).

Примечателен и акцент на проблемы социальной политики – *социальная защищенность, социальная напряженность, социальное самочувствие населения малого города, преодоление социального кризиса, региональная социальная ситуация* (**М. А. Гуревич, И. В. Дунаева, С. И. Железнякова, Д. Б. Иванова, А. Н. Логинова, Е. А. Масленникова, А. В. Меренков**).

На второй секции рассматривались региональные особенности формирования социальной и профессиональной структуры российского общества. Коренные перемены в социальной структуре общества определили интерес социологов к методологии её исследования – особенно к проблемам структурной мобильности, новых критериев стратификации, изменение характера аграрного труда, социальной самоидентификации, дезадаптации, мимикрии (**Ю. В. Акатьев, М. Г. Бурлуцкая, Д. И. Попов, Г. В. Разинский, Г. В. Талаева, Е. А. Трошкова, А. А. Федченко, А. Ю. Черногурских, Е. О. Черногурских**).

Одновременно обращалось внимание и на новые социальные слои и группы – экономическая элита Урала, «группа стабилизации», фермерство (**Г. С. Галиуллина, С. Г. Зырянов, Р. Х. Казакбаева, А. С. Корецкий, М. А. Корецкий**).

На этой же секции обсуждались и этносоциальные проблемы – русские на Урале, национально-культурная автономия, национальные отношения в полиэтническом регионе, миграция и вынужденное переселение (**Е. Ю. Алферова, А. Г. Антипов, Э. М. Виноградова** и др.).

Опыт экономических реформ в Уральском регионе обобщался на третьей

секции. Основные проблемы, обсуждавшиеся на ней, - *социальные аспекты управления и менеджмента* (Т. В. Гневашева, В. М. Зырянова, В. И. Каконин, В. П. Лимушин, Н. А. Ошуркова, Н. Ф. Павлова, Н. Э. Решетова); *социальные проблемы рынка труда и занятости, трудовой адаптации* (Е. М. Алпатов,

С. А. Кустова, В. В. Левченко, Н. Л. Орлова, В. Н. Савин, М. А. Слюсарянский, Л. П. Шушарин), *реформы экономики региона, отрасли и предприятия, изменение экономической ментальности и монетарного поведения* (Т. Л. Александрова, М. А. Гуревич, А. В. Козинский, Н. Ф. Павлова, Т. Ю. Радиловская, О. В. Рыбакова, Е. П. Стародубцева, Е. О. Черногурских).

Самой многочисленной была четвертая секция – *«Роль образования и культуры в развитии Уральского региона»*. Спектр обсуждавшихся на секции проблем был достаточно широк – *общесоциологические проблемы образования* (А. А. Баимбетов, Е. А. Виноградова, Л. А. Журавлева, Н. А. Киреева, И. А. Кузнецова, А. И. Кузьмин, С. Л. Макушева, Т. В. Пермькова, А. Г. Оруджева, А. Ю. Петров, Ю. П. Петров, А. К. Токман, Е. В. Шалагина, Е. А. Шуклина), *институциональные аспекты образования* (Н. Л. Антонова, Г. И. Блюмштейн, А. М. Тихомирова, И. В. Чендева), *социокультурные процессы участников образовательного процесса – учащихся и учителей* (А. М. Баландин, Т. Н. Казакбаева, Т. Д. Прокина), студенчества (В. Я. Авдонькин,

Л. Ф. Бабкина, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский, А. Е. Глущенко, С. И. Кубицкий, В. Я. Кузнецова, Е. А. Рудакова).

Не остались вне поля зрения и разнообразные проблемы *социологии культуры* (М. А. Беляева, Ю. М. Вассерман, Е. В. Грунт, В. Г. Петилов, В. С. Цукерман).

Впервые на чтениях появились новые секции - *пятая*, где обсуждалась *региональная экологическая ситуация* (С. Г. Зырянов, В. А. Иванов, В. Н. Козлов, А. С. Корецкий, Л. П. Мальцева, О. К. Мишина, Д. Г. Пазий, Г. В. Сачко и др.), и *шестая*, на которой рассматривались *актуальные проблемы методики и техники социологических исследований* (С. И. Глущенко, Е. Л. Могильчак,

Л. Е. Петрова, С. Н. Чечулина). Немногочисленные по составу, они были очень значимы – по новизне проблематики и подходов. Выделение этих тематических секций позволило проблемы, о которых обычно на чтениях речь шла вскользь и попутно, рассмотреть обстоятельно, глубоко.

В целом XI Уральские социологические чтения дали серьезный импульс развитию социологии в регионе. Они отразили знаменательный факт: уральская социология вновь становится востребованной – новыми властными структурами, возрождающимися промышленными предприятиями, коммерческими фирмами. Наряду с изучением традиционных для региональной социологии проблем в орбиту ее исследований входят и новые, малоизученные социальные реалии.

ХІІ УРАЛЬСКІЕ СОЦІОЛОГІЧЕСКІЕ ЧТЕНІЯ

Они проходили 14-15 сентября 2000 г. в Пермском государственном техническом университете. Успешному проведению Чтений способствовала большая организационная работа социологов университета (**В. Н. Стегний, М. А. Слюсарянский, Г. В. Разинский, Е. С. Шайдарова** и др.).

Чтения были посвящены памяти Захара Ильича Файнбурга, основателя *пермской школы социологов*. Они фактически совместились с 5-й традиционной конференцией памяти Файнбурга («Файнбургские чтения»), которые каждые два года проводятся в ПГТУ. Созвучной проблематике Уральских социологических чтений стала и традиционная для Файнбургских чтений тема – «Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований»¹. Чтения продолжили традицию комплексного анализа перемен в российском обществе, которые происходили весьма противоречиво, что и отразилось в их материалах.

На пленарном заседании с докладами выступили:

– Президент РОСа **В. А. Мансуров** (Социальная ситуация в России);
– **М. А. Слюсарянский** (Социологические исследования кафедры и лаборатории социологии ПГТУ в 1990-е гг.). Обратившись к характеристике общества переходного периода, докладчик отметил: «Только в свете общего системного подхода к рассмотрению проблем такого перехода с точки зрения выяснения структурно-функциональных особенностей становления новой социальной системы можно правильно понять сущность и значимость конкретных социальных процессов, происходящих в современном обществе». В докладе была обоснована познавательная ценность категории «*социальная трансформация*». «Важными критериями для оценки переходного состояния современного российского общества, характера социальной трансформации являются следующие:

- роль новых и старых социокультурных групп в процессах либерализации и приватизации экономики;
- изменения в трудовых отношениях, мотивациях, поведения различных социальных групп;
- изменения в уровне и качестве жизни населения и отдельных социальных групп;
- характер социальной стратификации и становление среднего класса;
- процессы, стили и результаты адаптации к комплексу проводимых реформ.

Именно эти моменты и определили направленность исследований кафедры и лаборатории в 1990-е гг.²;

– **В. А. Кайдалов** (*Проблемы философии культуры в научном наследии*

¹ Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы XII Уральских социологических чтений, посвященных памяти профессора З. И. Файнбурга (Пятое Файнбургские чтения). Т. 1. Пермь, 2000. 347 с.

² Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы XII Уральских социологических чтений, посвященных памяти профессора З. И. Файнбурга (Пятое Файнбургские чтения). Т. 1. Пермь, 2000. С. 5-11.

З. И. Файнбурга). Опираясь на технологический подход к культуре, развитый Файнбургом, докладчик отметил: «Современное общество характеризуется ярко выраженной тенденцией к *гетерогенности*, которая приводит к нарастающей множественности и плюрализму социальных структур, и потере целостности социума, к децентрализации. На смену социальности традиционного типа с ее солидарностью, рациональностью и целенаправленностью приходит современная социальность с ее фрагментарностью, узостью целей, поверхностностью человеческих отношений, препятствующих образованию устойчивых социальных связей»¹;

– **В. Н. Стегний** (Прогнозирование как форма общественной деятельности): «Обычно прогноз определяют как область, сферу предсказаний, предугадываний, предвидения. Его связывают с антиципаторной функцией сознания. Считается, что прогноз строится на интуиции, аналогии, экстраполяции... Но прогноз это, прежде всего, форма общественной и индивидуальной деятельности человека. И появляется он не где-то, а прежде всего в голове человека как форма интеллектуальной, творческой деятельности человека, обращенной в будущее. Его обращенность в будущее изучена достаточно хорошо, но прогноз направлен на изучение не только будущего (того, чего еще нет), но и на изучение того, чего уже нет, прошлого. Эта сторона прогнозирования еще не изучена и ждет своих исследователей»²;

– **Ю. Р. ВИШНЕВСКИЙ и В. Т. Шапко** (*Межпоколенческий диалог: возможности, границы, перспективы*): «Взаимоотношения двух поколений – молодого и старшего – рассматриваются сегодня как конфликтные. Для современного российского общества острота конфликта усиливается в связи с кардинальными изменениями в социальной жизни». На примере сравнения смысложизненных ориентаций старшеклассников и учителей авторы попытались определить степень межпоколенческих различий. «Выяснилось:

- по большинству жизненных ориентаций позиции младшего и старшего поколений отличаются весьма незначительно;
- достаточно заметные различия в оценках двух поколений проявляются лишь относительно вульгарно-капиталистической ориентации – число выбравших эту позицию среди учащихся довольно значительно превышает число выбравших ее среди их учителей;
- весьма существенны различия между поколениями в удельном весе разных ориентаций;
- содержание смысложизненных ориентаций обоих поколений полно противоречий, процесс их становления еще не принял зрелой, устойчивой формы»³.

– **Г. Е. Зборовский** (*Парадигмы образования: социологический аспект*): «Одна из наименее разработанных теоретических проблем в социологии образования касается спектра вопросов, связанных с его парадигмами. Основными принци-

¹ Там же. С. 59-61.

² Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы XII Уральских социологических чтений, посвященных памяти профессора З. И. Файнбурга (Пятые Файнбургские чтения). Т. 1. Пермь, 2000. С. 70-71.

³ Там же. С. 173-176.

пами построения парадигм в образовании с точки зрения социологии могут быть названы, по меньшей мере, три:

- выход образования на личность, ее обучение, развитие и воспитание;
- соответствие видения путей развития образования, его тенденций и перспектив основным направлением развития общества;
- взаимосвязь образования, рассматриваемого в качестве социального института, с другими социальными институтами: государством, производством, культурой, наукой, семьей»¹;

– **О. Л. Лейбович** (*Концепция модернизации: к определению методологического статуса*): «Теория модернизации – продукт социологической мысли сер. XX столетия. По замыслу ее создателей, новая теория претендовала на объяснение фундаментальных перемен, происходящих в современном мире. Социологи модернизации первыми из людей своей профессии отказались от жесткого противопоставления современности и истории, указали на проницаемость и условность границ между ними и признали допустимость исторического анализа в тех областях, где безраздельно господствовал структурно-функциональный подход. Сближение социальной истории и исторической социологии происходило первоначально в русле концепции модернизации»²;

– **С. П. Парамонова** (Социально-этическое сознание в условиях реформирования общества): «Общество как объективная реальность существенно влияет на сознание и поведение индивидов. Оно может быть адекватно объяснено, исходя из внутренних движущих противоречий. З. И. Файнбург в качестве движущего противоречия в условиях исторической бедности общества называл экономическое противоречие, а в качестве общецивилизационного – противоречие всемирной тенденции: историческое развитие труда и историческое отставание культуры. Итогом «отката» российского общества от социализма явился культ власти, деформировавший и идею социализма, и тип социалистических социальных отношений»³.

– **Е. С. Шайдарова** (Цели российской трансформации и ее место в мировом процессе): «Большое место в научном наследии З. И. Файнбурга занимает разработка категории и теории *коллективности*. В отношениях коллективности видел он сущность социализма, а в их формальности, неразвитости – его недостатки. В то же время он исследовал отношения коллективности и его формы с позиций исторического подхода в границах разных социально-экономических ступеней общественного развития. Он придал научную строгость категории «коллективность», отделив ее научную суть от обыденного употребления, соотнес ее с понятиями «совместность», «корпоративность», разработав вопрос о сущности «формальной» и «реальной» коллективности»⁴.

Вся последующая работа чтений прошла в режиме пленарного заседания

¹ Там же. С. 223-225.

² Там же. С. 26-29.

³ Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы XII Уральских социологических чтений, посвященных памяти профессора З. И. Файнбурга (Пятые Файнбургские чтения). Т. 1. Пермь, 2000. С. 48-51.

⁴ Там же. С. 11-14.

– без разделения на секции. Это позволило сместить акценты от привычного обсуждения широкого круга проблем (которое оказывается недоступным для участников других секций) к углубленному, живому обсуждению наиболее значимых и актуальных тем.

Что же вызвало наибольший интерес у участников чтений? Прежде всего, обсуждали *сущность, характер и направленность российских реформ в социальном контексте* (В. Д. Голиков, Н. Н. Измоденова, Е. В. Накарякова, В. В. Прокин, Т. Д. Пронина, Г. В. Разинский, В. П. Чащин и др.). На этой методологической основе (хотя мнения и оценки высказывались самые разнообразные) рассматривались и более конкретные проблемы. Прежде всего, – *социально-трудовые отношения в изменяющемся российской обществе*. Примечательная черта – шаг вперед в постановке и обсуждении проблем: от общего взгляда на труд и занятость, безработицу – к более конкретному анализу процессов адаптации россиян к рынку труда и занятости, специфики положения молодежи на рынке труда (Ю. Р. Деменева, И. И. Мифтахутдинова, В. Г. Попов,

Л. Э. Пробст, Е. В. Путенихина, Г. Р. Сабирова, В. Н. Савин, А. А. Сарабский, П. Ф. Сироткин, С. Ю. Стен и др.). Иной аспект обсуждения в русле социологии труда касался *проблемы профессии, профессионализма, профориентации* (Г. Б. Кораблева, А. Б. Курлов, Н. В. Кузнецова, Ю. А. Лязина, С. В. Лобанов, А. С. Нода, Н. В. Шушкова и др.).

Продолжился традиционный разговор о трансформации социальной структуры российского общества – о *сущности и характере изменений социальной структуры* (М. Ф. Калашников, Л. И. Оноприенко, О. И. Спесивцева,

И. А. Янкина), о *меняющемся статусе отдельных социально-профессиональных групп* (А. М. Баландин, Е. Н. Заборова, Н. В. Исаева, О. Г. Кочурова,

А. А. Краузе, А. Б. Мактас, А. В. Мезрин, Т. П. Моисеева, Е. К. Шайдарова, О. К. Яковлева). Достаточно активно обсуждались *гендерные проблемы и социальные проблемы семьи* (О. В. Борисова, Ю. М. Вассерман, Н. В. Жуковская, Ю. В. Назарова, Л. А. Хачатрян).

Еще один круг проблем, обсуждавшихся на чтениях, – *личность, культура, ценности трансформирующегося российского общества*. Особый интерес представляло обсуждение проблемы ценностей, ценностных ориентаций и их динамики (В. А. Бурко, Ю. Р. Вишневский, С. С. Назарова, Т. В. Пермякова,

Н. Н. Филиппова, В. Т. Шапко, Е. П. Шарыкина). Ряд новых аспектов был выделен в анализе проблем личности – *«человек массы», лидерские качества, выбор альтернативных путей развития* (Е. А. Андриянова, Л. Ю. Бабенко, Л. Н. Батракова, О. А. Беленкова, М. Р. Бестаева, Н. И. Гайдукова, Л. Н. Курбатова, Г. Н. Литаровский и др.). Традиционно весьма оживленно и заинтересованно обсуждались *социальные проблемы образования* (Н. И. Асанова, Н. Л. Антонова, С. И. Железнякова, М. А. Гуревич, О. В. Нотман, О. Б. Кондратюк, А. А. Махов, Т. Ю. Радиловская, Л. Т. Мазитова, И. И. Чебота-

рева, Ю. П. Петров, Е. А. Шуклина и др.).

И, наконец, - *социология политики*, которая вообще в 1990-е гг. получила на Урале достаточно интенсивное развитие, хотя четкое размежевание социологического и политологического аспектов для нас – задача еще перспективная. Наряду с неплохо изученными в последние годы проблемами (*гражданское общество, политические ориентации населения, электоральное поведение*) рассматривались и менее изученные региональные и местные аспекты политических процессов (*местное самоуправление, горожане и местная власть, политическая культура региональной элиты*) (**К. А. Антипов, С. Г. Зырянов, Т. Ю. Иванова, И. А. Кузнецова, Г. В. Куклин, А. В. Меренков, О.Г. Смирнова, М. А. Старкова, И. Н. Чингилиди и др.).**

ХІІІ УРАЛЬСКІЕ СОЦІОЛОГІЧЕСКІЕ ЧТЕНІЯ

Чтения прошли 13-14 сентября 2001 г. в Екатеринбурге на базе Уральского государственного технического университета – УПИ. Они были юбилейные – посвящены 25-летию Чтений¹. Одновременно Чтения совпали с началом нового века. И это наложило отпечаток буквально на всю работу Чтений, начиная с названия: «Большой Урал – ХХІ век». К Чтениям были подготовлены четыре сборника: два из них были посвящены истории Уральских социологических чтений² и истории социологии на Урале³; два других – содержали доклады и выступления участников Чтений.

Тональность и высокий профессиональный уровень Чтениям задали доклады Президента РОС **В. А. Мансурова** и главного редактора журнала «Социологические исследования» **Ж. Т. Тощенко**.

В. А. Мансуров обозначил *актуальные проблемы российской социологии*. Среди них – «*изменение проблемного поля, содержания исследований*». «Переключение с *моноподхода* на *плюралистический подход*» потребовало от каждого из нас «серьезного изменения своего сознания, своего отношения к этим изменениям. Ряд социологов еще не смог измениться до сих пор. От моноподхода нам досталась в наследство нетерпимость в научных дискуссиях. Но за эти 10 лет у нас появился плюралистический подход, т.е. допущение в сферу наших научных дискуссий других парадигм и точек зрения как равноправных или, по крайней мере, имеющих право на существование». «Второе изменение касается *экстенсивного развития социологии*, ее институционализации. В первой половине 1990-х гг. социология стала модной наукой, было неприлично, выступая с какими-то идеями, не сослаться на данные опросов. Компании стремились иметь социологов в штате. К сожалению, все эти социологи находятся в зави-

¹ Доклад Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапко так и назывался «Уральским социологическим чтениям – 25 лет».

² Большой Урал – ХХІ век. Материалы ХІІІ Уральских социологических чтений. Ч. 3. Люди – идеи – проблемы / Редакторы-составители Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2001. Предыдущая часть данного сборника во многом опирается на эти материалы.

³ Большой Урал – ХХІ век. Материалы ХІІІ Уральских социологических чтений. Ч. 2. Из истории социологии на Урале: Наука – люди науки – научные коллективы. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2001. 220 с. Книга включала статью Л. Н. Когана, Б. С. Павлова, С. А. Анисимова «Из истории социологических исследований на Урале (конец ХІХ в. – 1985 г.)» [С. 4-37]; воспоминания участников Чтений – Н. А. Аитова [С. 37-39]; Л. Д. Митрофанова [С. 39-43]; и др., доклады Г. Е. Зборовского «Уральская социологическая школа в контексте российской социологии» [С. 55-58], Г. Б. Кораблевой «Этапы становления социологии образования на Урале» [С. 58-60], Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапко «Исследовательский проект «Молодежь в обновляющейся России» и его реализация» [С. 60-65]; статьи тех, кто стоял у истоков социологии на Урале, кто активно возрождал социологию в СССР:

Н. А. Аитов «Можно ли управлять социальными процессами?» [С. 69-77]; Ю. Е. Волков «Базисные понятия и логика социологической парадигмы» [С. 77-78]; М. Н. Руткевич «Процессы социальной деградации в российском обществе» [С. 93-101]; Ф. Р. Филиппов «Из рукописного наследия «Социология образования» [С. 132-134]; воспоминания о Л. Н. Когане [С. 78-92] и о З. И. Файнбурге [С. 101-131]. Завершали книгу статьи о научных коллективах социологов Урала – Башкортостана (А. А. Баимбетов, Д. М. Гилязитдинов, Г. А. Кабакович, А. Б. Курлов и др.), Перми (А. Г. Антипов, М. А. Слюсарянский, В. Н. Стегний, Е. С. Шайдарова и др.), Екатеринбурга

(Е. С. Барзгова, Ю. Р. Вишневский, Е. Н. Заборова, Г. Е. Зборовский, А. В. Меренков, Г. П. Орлов, Б. С. Павлов, Л. Я. Рубина и др.), Н. Тагила (Л. А. Марголин, Ю. П. Петров, В. Т. Шапко), Тюмени (В. В. Гаврилюк, Г. Ф. Куцев и др.), Челябинска (Ф. П. Барбаров, С. Г. Зырянов, В. С. Цукерман и др.).

симости, их профессиональная культура невысока. Социолог в таком положении должен удовлетворять интересам структуры. Наша социология характеризовалась *движением снизу*, от реальных проблем до методологических высот. Но его прошли не все». «Еще одна проблема – это постоянная дифференциация социологии по объекту... Социолог должен дать систему понятий, с тем, чтобы люди при анализе явления говорили одинаковым языком и понимали друг друга». «Очень страшна *проблема бонапартизма в современной социологии*, когда люди, только пришедшие в науку, начинают развивать свои идеи, ничего не зная о своих предшественниках». «Еще одна проблема – *атомизация российской социологии по объектам, по подходам и по регионам*. В конце концов мы должны

осознавать себя работающими в поле единой науки»¹.

«Есть ли в современной отечественной социологии научные школы?». С этого вопроса начал **Ж. Т. Тощенко** свой доклад «*Социология: пути научного поиска*»². Его ответ: «Школ, которые бы определяли все многообразие современной отечественной социологии, характеризовали принципиальные отличия между ними, единицы. Среди них можно назвать и уральскую школу». «Одноликость, однобокость российской (советской) социологии особенно бросается в глаза, когда мы знакомимся или исследуем историю западной или дореволюционной отечественной социологии». «Однако если более обстоятельно разобратся в этом вопросе, мы все же не так однолики и однообразны, как может показаться на первый взгляд». Рассмотрев различные точки зрения, докладчик подчеркнул: «разнообразием подходов мы не блещем... Между тем стали появляться и иные трактовки, которые не удовлетворились имеющимися разработками³ и стали высказывать сомнение, а затем и предложения». «Все больше и больше социологов склоняются к необходимости изучать социальную реальность с иных позиций: «Социология – наука, которая, опираясь на эмпирически подтвержденные данные, теоретически *изучает социальную жизнь*, социальное поведение и действия людей, функционирование и развитие общества, его институтов и организаций, взаимодействие индивидов и социальных групп, восприятие и понимание индивидами окружающей действительности в контексте социальных изменений на макро- и микроуровнях»⁴. Охарактеризовав – с позиции главного редактора ведущего профессионального журнала – ситуацию в основных направлениях исследований (экономическая социология, политическая социология, этносоциологические проблемы), докладчик подчеркнул: «Наша наука становится наукой в полном смысле этого слова тогда, когда глубоко и серьезно занимается теоретико-методологическими вопросами. Хорошо,

¹ Большой Урал – XXI век. Материалы XIII Уральских социологических чтений. Ч. 4. Общество – образование – культура – молодежь. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2001. С. 10-11. Правда, завершая выступление, В. А. Мансуров на основе анализа тематики материалов чтений отметил: «Я бы не сказал, что у нас на уровне регионов слабое представительство отраслевых социологий» (Там же).

² Там же. С. 11-18.

³ Докладчик имел в виду не критическое восприятие многими социологами структурно-функционального подхода (прим. ред.).

⁴ См.: Кравченко С. А., Мнацакян М. О., Покровский Н. Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1999. с 29.

когда мы описываем конкретные ситуации, области. У нас до сих пор мало публикаций по социологии города, социологии села, исчезли публикации по социологии труда, мы все реже изучаем, что происходит на промышленных предприятиях, на фирмах и т.п. Но важно преодолевать узость, критически осмыслить методологию социологии. Часто на теоретическом уровне исследований мы не совсем искренни в применении теории к практическим исследованиям... Часто наши рассуждения об обществе находятся на социально-философском уровне... Мы должны сомкнуть эмпирический ряд со средним уровнем обобщения и перейти к обобщениям более широкого плана, который и поможет нам получить новое знание. Потому что дальнейший прогресс нашей науки связан только с серьезными дальнейшими шагами по развитию теории и методологии социологии».

В докладе **Г. Е. Зборовского** *уральская социологическая школа* рассматривалась в контексте *российской социологии*¹. Докладчик поставил вопрос: «Что такое *социологическая школа*?» По его мнению, «для появления научной школы в социологии необходимо наличие нескольких совпадающих по времени, месту, содержанию и направленности обстоятельств. Речь идет о каком-то конкретном периоде и его определенной продолжительности. Как правило, он занимает не менее 20 лет. Это тот срок, когда школа должна сформироваться как некоторое объединенное на основе единых методологических принципов и подходов научно-творческое неформальное сообщество и проявить себя соответствующим образом в социологической деятельности. Школа характеризуется наличием ярко выраженного лидера (лидеров), институционального статуса (к примеру, принадлежности к университету), центра для обмена научными идеями и творческих встреч (теоретический семинар, издаваемый журнал, регулярно выходящие сборники научных трудов), общих профессионально-этических установок ее представителей». «Все эти признаки были характерны для того научно-творческого неформального сообщества, которое мы именуем Уральской социологической школой. Ее признанным лидером стал Л. Н. Коган, к которому позднее «присоединились» на этом статусном уровне Н. А. Аитов – в Уфе и З. И. Файнбург – в Перми». В качестве особенностей Уральской социологической школы в докладе были выделены:

- «в ее рамках шло параллельное развитие сразу трех «ветвей» российской социологии – вузовской, академической, производственной (заводской), причем между ними изначально были установлены и долгое время (вплоть до развала заводской социологии в начале 1990-х гг.) существовали интенсивные творческие связи»;
- «на Урале достаточно быстро происходил процесс институционализации социологии и ее общественного признания»;
- «Уральская социологическая школа, несмотря на широкий спектр исследуемых направлений и проблем, имела явно выраженные приоритеты среди них, которые были обусловлены спецификой социально-экономических и культур-

^{1 1} Большой Урал – XXI век. Материалы XIII Уральских социологических чтений. Ч. 2. Из истории социологии на Урале: Наука – люди науки – научные коллективы. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2001. С. 55-58.

ных процессов в регионе. Ведущей была проблематика социологии труда, культуры, образования, молодежи, социальной структуры, политической социологии и др.»;

- «Известность Уральской школы не простирается далее российской социологической науки. Но в ней она всегда занимала и занимает сейчас ведущие и достаточно заметные позиции».

В выступлениях участников Чтений отразилось и разнообразие проблем, исследуемых уральскими социологами, и стремление осмыслить многие возникшие новые проблемы.

Прежде всего, можно отметить выступления, поставившие ряд *теоретико-методологических проблем*. **Г. П. Орлов** предложил анализ развития глобалистики, отметив противоречивый характер процессов «глобализации» и «локализации» (Think global, act – local / «Думай глобально, действуй локально»/). Его подход: «глобализация – учение об интегрирующемся человечестве». «Не может быть и речи о жестком наборе культурных предпочтений, предписаний, норм. Исторический опыт свидетельствует, что всякая экстенсивная унификация культуры ведет к ее обеднению, крайней абстракции и элиминации разнообразия и выбора»¹.

А. А. Козлов обозначил *выбор стратегии, от которой зависит будущее России*, как своеобразный «треугольник», «системообразующим элементом и основанием которого является *образование*», а две другие стороны – *наука*, «как относительно самостоятельный приоритетный социально-экономический институт и отрасль народного хозяйства, определяющий всю политику государства», и *молодежь*, «как лидирующая группа общества, в основном соответствующая по своим характеристикам позитивным векторным процессам развития России». В выступлении отмечалось: «К сожалению, имеющиеся в настоящее время стратегии (к примеру, проект Грефа) по своим посылам ориентируют страну на безликую интеграцию в европейскую и мировую структуры (в основном экономические), что неизбежно приводит нас к роли сырьевого придатка «золотого миллиарда», в то время как все силы должны быть направлены на по возможности неконфликтное решение собственных национальных проблем на длительную перспективу». Планируемая реформа образования, по оценке социолога, «направлена на решение лишь части внутриинституциональных проблем и лишь закрепляет тот, уже бесспорно ошибочный выбор, который был сделан в конце 1980-х. И главным образом потому, что за основу принимается не лучшая модель американской системы образования». В выступлении обращено внимание на «падение рождаемости, с 2000 г. принявшего катастрофический характер»: «Объективно это ставит под угрозу национальную безопасность страны, провоцирует негативные сценарии развития молодых поколений. Но и повышает в то же время ценность молодежи»².

Продолжая дискуссию *о выборе стратегии*, **В. Н. Стегний** подчеркнул: «Трагедия сегодняшней России в том, что она потеряла *свою* перспективу, *свое*

¹ Большой Урал – XXI век. Материалы XIII Уральских социологических чтений. Ч. 1. Екатеринбург, 2001. С. 14-17.

² Там же. С. 20-22.

социальное будущее». Парадокс сегодняшнего осознания будущего состоит в том, что это сознание «фактически потеряло чувство времени, в нем ориентация на прошлое преобладает над ориентацией на будущее в настоящем»¹.

Выступление **М. М. Акулич** было посвящено *особенностям становления социально-стратификационного согласия в России*. Среди них выделены:

- интенсивная социальная дифференциация, поляризация и маргинализация;
- формирование полярных ценностных систем;
- отсутствие структурно-функционального соответствия;
- происходит не на основе сближения ценностей, а на основе ролевой дифференциации и идентичности².

В центре внимания **Н. Б. Костиной** – соотношение понятий «социальная общность», «социальная организация», «социальный институт», необходимость преодолеть бытующее в нашей литературе их отождествление³.

Л. Н. Боронина подчеркнула важность изучения *социального капитала* как «комплекса концептуальных и инструментальных средств решения теоретических и прикладных задач в объяснении социального поведения и социальных отношений». Ориентир на прикладные исследования определил разработку понятия «надежность персонала», выделение ее критериев и методик измерения степени надежности⁴.

Л. Н. Банникова акцентировала *социальную сущность маркетинга*: «В отечественной и зарубежной литературе достаточно детально проанализированы процессы маркетингового взаимодействия с точки зрения прямых участников, а в обмен потенциальных участников, учет их потребностей и интересов исследованы мало. Признание факта расширения поля действия и маркетинговых технологий, и числа участников обмена косвенно присутствуют в публикациях то в виде предложений отдельных исследователей расширить маркетинговый комплекс («4 Р») до 5-8 и более составляющих, то в форме признания необходимости внутреннего двухстороннего маркетинга, а то и в форме слишком расширительного, на наш взгляд, толкования маркетинга как универсальной технологии социального обмена». **О. В. Нотман** показала применение маркетингового подхода к анализу образовательных потребностей⁵.

Большой интерес вызвало выступление **В. Т. Шапко**, проанализировавшего истоки и перспективы *социокультурного подхода*: «Специфика социокультурного подхода в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человек в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) как фундаментальные, каждое из которых не сводится к остальным и не выводится из них, но при этом они взаимосвязаны и влияют друг на друга. Социокультурный подход связывает цивилизационный и формационный подходы в единое целое... Принцип человека активного – исходный в социокуль-

¹ Там же. С. 23-26.

² Там же. С. 30-31.

³ Большой Урал – XXI век. Материалы XIII Уральских социологических чтений. Ч. 1. Екатеринбург, 2001. С. 31-32.

⁴ Там же. С. 42-43.

⁵ Там же. С. 61-62; 108-109.

турном подходе. Само действие субъекта понимается как компонент взаимодействия с другими субъектами... К изучению общества нужно подходить как к изучению культурных продуктов. Все социальные факты являются ничем иным, как фактами культуры. Культурное видение и социальное видение – это просто два разных аспекта видения одного и того же феномена»¹.

Столь же инновационным было и выступление **Ю. М. Беспаловой**, призывавшей шире использовать в социокультурных исследованиях *биографический метод*: «Значимость таких исследований при изучении процессов культурной истории подчеркивал О. Шпенглер, важным методом познания для которого являлся так называемый физиогномический метод как «решение крови», заменяющий собой голую научную картину и знание дат».

В выступлениях **Н. Е. Васильевой**, **А. И. Кузьмина**, **А. П. Чепайкина**, **В. Г. Попова**, **Р. З. Халиуллина** обосновывалась возможность и необходимость использования как методов и методологии социологического анализа *социального аудита и кейс-стади*. **Д. В. Шкурин** привлек внимание участников чтений к проблеме *математического моделирования*², **А. Я. Пучков** – к проблеме *имитации*.

Ряд новых подходов был продемонстрирован при обсуждении проблем *молодежи, семьи, образования и культуры*. Отметим, в частности:

- *особенности социализации молодежи в современных условиях* – «Пока был простор для экстенсивного экономического развития, социализирующие молодежные процессы протекали в основном бескризисно, так как было обеспечено сравнительно стабильное и неизменное «расширенное воспроизводство» социальной жизни». «Акцент в исследованиях социализации молодежи делается на целенаправленном воздействии на нее со стороны социальных институтов. Недостаточно учитываются реальные социальные перемены, влияние которых сильно изменяет и создает новые формы социализации молодежи, наполняя их новым содержанием» (**Л. Э. Пробст**)³;
- *социально-демографический портрет семьи предпринимателя* (**Е. З. Ободяников**, **А. И. Кузьмин**)⁴; особенности «*семьи северян*» (**А. В. Артюхов**); проблемы *сожительства (гражданского брака)* (**Д. В. Баранова**)⁵;
- *проблемы преемственности в системе школа-вуз* (**Ю. П. Петров**)⁶;
- *коммуникативный метод в образовании*: «Образование – это коммуникация, и необходимо изучать ее механизм, процесс, результат, социальную эффективность социологическими средствами. Проблема особенно актуализируется в условиях смены образовательных парадигм, в процессе перехода к личностно-ориентированному образованию с субъект-субъектным типом взаимодействия». Коммуникативный подход – «совокупность коммуникативных моделей, различающихся по своим функциям: нарративная, дискурсивная, социосемиологиче-

¹ Там же. С. 197-199.

² Большой Урал – XXI век. Материалы XIII Уральских социологических чтений. Ч. 1. Екатеринбург, 2001. С. 51-52; 54-55; 71-73.

³ Там же. С. 125-126.

⁴ Там же. С. 91-93.

⁵ Там же. С. 159-165; 166-168.

⁶ Там же. С. 110-112.

ская (функция организации языковой среды), конструктивистская (функция конструирования социальной реальности), драматургическая, символически-интеракционистская, системная (функция воспроизводства и развития социальных систем) и бихевиористская» (Е. А. Шуклина)¹.

Социально-экономические и социально-политические трансформации 1990-х гг. определили актуализацию *проблематики социологии политики и управления*. Из обсуждавшихся на Чтениях проблем этой тематики выделим:

- исследование *репутационного менеджмента* (Н. В. Устинова)²;
- анализ диалектики *взаимодействия «власть – социология»* (С. Ю. Вишневский): «Власть и знание по-разному встречаются в силовом и информационном поле. «Знание – сила» – это первое слово европейского Возрождения. «Знание – информация» – это не последнее слово XXI в. Соединение энергетического и информационного представлений существенно не только для социологии, но и для власти. Если в режиме господства взаимодействие власти и социологии выглядит как процесс появления еще одного подчиненного с расширенным функционалом, то в информационном поле происходит процесс скорее сотрудничества, равноправия, нежели иерархических связей»³.
- *профессиональные ориентации и профессиональная социализация чиновников* (С. И. Железнякова, Э. Э. Сыманюк, Б. С. Хохряков)⁴;
- *социологические проблемы управления персоналом* (Н. И. Шаталова, П. В. Ивочкин, В. С. Журавлев)⁵.

Наконец, отметим и представленные участникам Чтений материалы ряда эмпирических исследований:

- *город и горожане* – в связи с разработкой стратегического плана развития Екатеринбурга (Е. Н. Заборова)⁶;
- *ориентации студентов на научную деятельность* (З. Х. Саралиева)⁷;
- *адаптация студентов-первокурсников* (Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский, Я. В. Дидковская, С. И. Минеева)⁸

В целом для участия в XIII Уральских социологических чтениях прислали свои материалы более 230 человек. Из них 73 (почти треть!) уже принимали участие в предыдущих Чтениях, в том числе 9 (А. М. Баландин, Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский, Б. С. Павлов, Ю. П. Петров, Б. А. Родионов, А. М. Розенберг, М. А. Слюсарянский, В. Т. Шапко) – еще в I-х в Ижевске.

¹ Там же. С. 200-201.

² Там же. С. 39-42.

³ Большой Урал – XXI век. Материалы XIII Уральских социологических чтений. Ч. 1. Екатеринбург, 2001. С. 37-39.

⁴ Там же. С. 190-192.

⁵ Там же. С. 184-187.

⁶ Там же. С.

⁷ Там же. С. 139-140.

⁸ Большой Урал – XXI век. Материалы XIII Уральских социологических чтений. Ч. 4. Общество – образование – культура – молодежь. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2001. С. 120-143.

XIV УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Они проходили 8-9 сентября 2003 г. в городе Тюмени на базе Тюменского государственного университета (ректор – известный социолог **Г. Ф. Куцев**, один из немногих ректоров-социологов). Тюменские социологи долгие годы плодотворно сотрудничали с уральскими социологами, многие из них принимали участие в Уральских социологических чтениях. С мая 2000 г. *Тюменская область* и два автономных округа *ХМАО* и *ЯНАО* вошли в состав *Уральского федерального округа* (вместе со *Свердловской, Курганской и Челябинской областями*). Этим определялось решение XIII-х Чтений – следующие будут проводиться в Тюмени. К чести наших коллег из *Пермской области* (позднее – края), *Оренбургской области*, *Башкортостана* и *Удмуртской республики*, даже попав в Поволжский федеральный округ, они сохранили научные и человеческие, дружеские отношения с уральскими социологами и активно участвовали в последующих Уральских социологических чтениях.

Особенность XIV Чтений – акцент на *современные парадигмы и стратегии социологического исследования развития регионов*.

Выбору будущего пути развития России как важнейшей стратегической задачи было посвящено выступление **В. Н. Стегния**: «Разработка модели будущего развития страны требует прежде всего работы научных институтов, в том числе социальной науки. Это ее прерогативы, и только она располагает такими возможностями. Государственная политика в этом направлении должна опираться на социальную науку, что, к сожалению, в настоящее время почти отсутствует. Политика тогда эффективна и перспективна, когда она научна, а не наоборот. В политике сегодня снова фиксируется единственно верный курс, безальтернативный вариант развития современной России»¹.

В выступлении **А. В. Меренкова** рассматривались *проблемы социологии в меняющемся мире*: «Ощущается определенный методологический и методический кризис как теоретической, так и прикладной социологии. Многие эмпирические исследования не имеют обоснованной теоретической базы, что не позволяет выстраивать стратегию и тактику тех субъектов, которые до сих пор рассматривают социологию как науку, указывающую наиболее оптимальные пути дальнейшего развития социальной системы в целом, а также ее отдельных регионов». По мнению выступавшего, главная закономерность современных изменений, происходящих в масштабах всего человечества, – «переход от взаимодействия с природой на основе данных ею материалов... к конструированию из «первокирпичиков»: атомов, молекул, клеток новой среды обитания». «Региональная социология, исходя из общемировых тенденций, призвана обеспечить создание тех программ и социальных технологий, которые поддерживают высокий уровень интеграции, прежде всего, на основе глубоких научных исследований создания искусственных материалов, новых способов обработки и использования природных ископаемых, обеспечения психофизического здо-

¹ XIV Уральские социологические чтения / Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 3-4.

ровья населения, увеличения его продолжительной продуктивной жизни»¹.

В ряде выступлений характеризовались важные (и малоизученные) социологические категории – *социальное пространство* (Г. М. Заболотная); *человеческий* (О. С. Елфимова, В. В. Зыков) и *социальный капитал* (Л. Н. Борогина), *качество жизни* (Н. Л. Антонова)².

В. В. Прокин на примере субъектов УрФО РФ обосновал проблематику реализации *принципа системности управления регионом*: «Анализ практики управления региональным развитием показывает, что принцип системности управления не реализуется в полной мере ни по отдельным блокам и уровням, ни в целом». «Стратегическое управление развитием федеральных округов и субъектов РФ должно быть нацелено, в первую очередь, на повышение комплексности этого процесса, сбалансированности экономического роста и социального развития, повышение социальной эффективности региональной экономики»³.

На примере *Тюменской области* конкретно и обстоятельно (с широким использованием материалов опроса, проведенного тюменскими социологами совместно с ИС РАН) *процесс трансформации российских регионов* был проанализирован Г. Ф. Ромашкиной: «Ответы на все вопросы социально-политического, социально-экономического и блока внутрирегиональных проблем свидетельствуют о низком уровне доверия практически ко всем структурам и политической апатии. В восприятии населения преступные группировки имеют большее влияние, чем представители государственных, политических и общественных институтов. Распределение ответов достаточно четко коррелирует по оси «личность – группа». Доверие к личности и, в первую очередь, мезоуровню управления заметно выше, чем доверие к «группе», которая населением на данном этапе практически не воспринимается»⁴.

Столь же аргументировано, опираясь на результаты исследований в *Республике Башкортостан* в 2001-2002 гг., рассмотрел *проблемы межнациональных отношений* Ф. С. Файзуллин. Ссылаясь на мнение респондентов, он выделил ряд причин обострения межнациональных отношений:

- общее ухудшение экономической ситуации в стране и республике (34%);
- низкая культура межнационального общения и нарушение принципов социальной справедливости (33%);
- провокационные действия экстремистов (16%);
- воздействие происходящих в обществе процессов по углублению национальной обособленности (11%);
- руководители предприятий, хозяйств не владеют или слабо владеют умением регулировать межнациональные отношения (5%)⁵.

Особенности *социального развития малых и средних городов Западного*

¹ Там же. С. 4-6.

² Там же. С. 6-18.

³ XIV Уральские социологические чтения / Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 19-22.

⁴ Там же. С. 42-45.

⁵ Там же. С. 45-47.

Урала стали темой выступления **Г. В. Разинского**¹.

В. А. Чурсина и **В. Ф. Утяшева** остановились на актуальных проблемах *местного самоуправления*: «Органы местного самоуправления имеют принципиально иную природу и значение, чем институты государственной власти, и тяготеют к гражданскому обществу. Они не являются субъектами государственной власти, а входят в группу субъектов власти общественной. Отсюда необходимость принципиально новой модели социального контроля в системе местного самоуправления, которая должна идти снизу и исходить из цели самоорганизации и свободного волеизъявления народа»².

Разные аспекты *совершенствования властных структур* рассматривались в выступлениях **Б. В. Винникова** (*взаимодействие науки, бизнеса и власти*) и **Т. Е. Зерчаниновой** (*отношение россиян к органам власти*). Опираясь на материалы социологического центра РАГС (опрос в 25 субъектах РФ, октябрь 2002 г., N = 1930 человек в возрасте 18 лет и старше), Зерчанинова отметила: «Примерно половина взрослого населения сталкивается с нарушением своих прав органами власти. Основными причинами ущемления прав граждан респонденты считают бюрократический произвол чиновников, несоответствие законов условиям реальной жизни и незнание населением законов, постановлений и других документов». «Изменить сложившуюся ситуацию можно, лишь коренным образом преобразовав систему государственного управления. Однако провозглашенная реформа государственной службы на сегодняшний день слабо реализуется»³. Близким по теме к этим выступлениям был и анализ **Н. А. Костко** особенностей *социального управления на местном уровне*: «Тенденция, наметившаяся в мире, свидетельствует о переносе части функций, обязанностей, ответственности и, главное, управления на более низкие уровни, где при определенных условиях можно более эффективно и рационально использовать имеющиеся ресурсы, в частности, определяющий, доминантный ресурс современности – человеческий. Именно на уровень данного ресурса спускается модель и структура управления, которая требует не безликого использования ресурса как такого, а именно его личностную, творческую, новаторскую составляющую»⁴.

Вторым важным направлением дискуссии на Чтениях были проблемы динамики социально-экономического изменения регионов Урала и Западной Сибири. Исходным было выступление **З. Т. Голенковой** о *динамике социальной стратификации российского общества*: «Развитие процессов, связанных с трансформацией всех отношений в российском обществе, выдвинуло на первый план проблемы социальной интеграции и дезинтеграции, согласия и конфликта, являющихся ключевыми в классической социологической теории и основным полем социологического анализа». «Формирование представлений населения о складывающейся системе отношений, безусловно, зависит прежде всего от объ-

¹ Там же. С. 50-52.

² Там же. С. 27-30.

³ XIV Уральские социологические чтения / Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 37-42.

⁴ Там же. С. 52-54.

ективного состояния социальной структуры общества, от масштаба тех изменений, которые произошли за время реформ в экономике, политике, социокультурной сфере. Обнаружение этих изменений на эмпирическом уровне дает возможность не только оценить их позитивные и негативные последствия, но и проследить динамику социальных ожиданий различных групп, их субъективные представления о равенстве (неравенстве), справедливости (несправедливости) происходящих социально-культурных сдвигов»¹.

В сообщениях **Т. П. Волковой** и **Е. В. Прокопчук** была представлена *динамика уровня жизни и человеческого потенциала* в субъектах УрФО².

Трудовые отношения как предмет исследования – тема выступления **М. А. Слюсарянского**: «В качестве основного предмета трудовых отношений в некоторых исследованиях выступают трудовые конфликты (конфликтные ситуации), прежде всего, между рабочими и руководителями всех уровней и собственниками. Такое акцентирование предмета трудовых отношений вряд ли может стать универсальным, поскольку палитра отношений намного богаче. Помимо конфликтных, эти отношения могут быть и партнерскими, и патерналистскими, и формально бюрократическими». «Почему наиболее актуальным предметом социологических исследований становятся сегодня трудовые взаимоотношения на предприятии (организации), а не социальные характеристики процесса труда, его условия, организация и другие элементы производственной ситуации? Это обусловлено динамизмом произошедших в 1990-е гг. изменений в сфере отношений собственности, занятости и оставшимися почти неизменными технико-технологическими, санитарно-гигиеническими и другими вещными факторами условий труда»³. Этот общий методологический подход был конкретизирован в выступлении **Т. А. Прокиной** «*Социально-трудовые отношения на предприятиях Пермской области*»: «Большинство респондентов (72%) не имеют отношения к собственности предприятия, 22% – являются держателями небольшого количества акций. Большинство респондентов (66%) ощущают себя наемными работниками, 22% – эксплуатируемыми, 5% – собственниками, совладельцами, акционерами, лишь 3% – партнерами работодателя». Только 11% чувствуют себя социально защищенными на своем предприятии, 56% – лишь отчасти, 30% – не чувствуют никакой защищенности»⁴.

Важному аспекту формирующегося рынка труда – *стратегиям поведения безработных* – было посвящено выступление **А. М. Баландина**, сопоставившего результаты опроса безработных Пермской области за 1992 и 2002 гг.⁵.

А исследования **Н. Р. Москвиной** позволили выявить, как *формируется слой нищих в условиях городской среды* (Тюмень), где его численность постоянно растет⁶.

Интересен ракурс анализа *современной семьи* в материалах Чтений – со-

¹ Там же. С. 60-61.

² Там же. С. 68-74.

³ XIV Уральские социологические чтения / Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 76-78.

⁴ Там же. С. 78-80.

⁵ Там же. С. 80-82.

⁶ Там же. С. 82-84.

общения **О. А. Лебедевой, Т. А. Ишутиной и В. Д. Разинской** были посвящены функциям семьи (экономической и репродуктивной)¹.

Важное направление исследований, представленных на Чтениях, – *социокультурные изменения в регионах*. В частности, отметим:

- *анализ социокультурного пространства Западносибирского региона (Ю. М. Беспалова, В. А. Кондаков)*²;
- *имидж региона (Л. Г. Скульмовская)*³;
- *роль историко-культурного наследия в развитии современного города (Н. А. Костко, А. Г. Полякова)*⁴;
- *этнокультурная ситуация на Тюменском Севере (Н. Г. Хайруллина)* – выявлены причины, вызывающие опасность для существования аборигенных народов Севера: рост пьянства и алкоголизма (21%); разрушение природной среды обитания в ходе промышленного освоения региона (20%); рост смертности, снижение рождаемости (17%); широкое распространение межэтнических браков (14%); утрата национальных традиций (12%); снижение интереса к традиционному труду (8%); утрата национального языка (8%)⁵.

Весьма представительной была на XIV Чтениях секция «*Молодежь и образование в региональных социумах*».

В сообщении **Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапко** рассматривались *проблемы и ориентиры молодежной политики*: «Сегодня важно точно определить масштабы и возможности молодежной политики. Порой они толкуются расширительно – молодежная политика рассматривается как удовлетворение всех жизненных потребностей молодого человека, но недооценивается: многие потребности молодые люди могут и должны обеспечивать самостоятельно, а молодежная политика должна лишь создавать для этого благоприятные условия. С другой стороны, неправомерно под предлогом преодоления «иждивенчества» и «патернализма» заметно сужать возможности молодежной политики. Не снят с повестки дня вопрос о субъектах осуществления молодежной политики»⁶.

Г. Б. Кораблева представила интересный анализ *состояния и тенденций развития молодежного рынка труда Свердловской области*⁷. **Л. Ф. Беликова** конкретизировала эту проблему в отношении выпускников учреждений профессионального образования⁸.

Весьма критично прозвучало выступление **В. Н. Турченко**, начиная от названия (*регионам – революционные стратегии образования*) и кончая содержанием: «Весьма противоречивые, во многом крайне негативные результаты реформ российской системы образования обязывают наше научное сообщество: критически переосмыслить пройденный путь; найти новые источники и ресур-

¹ Там же. С. 112-120.

² Там же. С. 120-122.

³ Там же. С. 124-126.

⁴ Там же. С. 126-128.

⁵ XIV Уральские социологические чтения / Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 140-144.

⁶ Там же. С. 159-163.

⁷ Там же. С. 165-167.

⁸ Там же. С. 174-176.

сы развития этой универсально жизненно важной сферы; определить наиболее перспективные пути повышения ее эффективности как фактора научно-технического, социально-экономического и духовного прогресса. Особое значение приобретает поиск оптимального соотношения централизованного управления и местной инициативы»¹.

С. А. Шаронова в рамках историко-социологического и сравнительного анализа рассмотрела *развитие зарубежной и отечественной социологии образования*².

Социология образования и социология молодежи традиционно были приоритетными в развитии Тюменской социологической школы. Обобщая результаты многолетних исследований, **В. В. Гаврилюк** обратилась к проблематике *эффективности и качества высшего образования*: «Традиционно сильными сторонами российского образования являются его фундаментальность и хорошая естественнонаучная подготовка. Но в последние годы накопленный потенциал российского образования стал разрушаться. Одной из причин этого является несоответствие структуры подготовки специалистов потребностям рынка труда и недооценка специалистов с высшим образованием в экономике России (несоответствие заработной платы работников уровню их образования, большое число специалистов, работающих не по специальности, высокий процент безработных специалистов с высшим образованием»³.

В ряде выступлений (**И. В. Шулер**, **Ф. Ю. Фомичев**) были раскрыты региональные особенности *подростковых субкультур, маскулинных субкультур*⁴. Конкретизацией этой проблематики были выступления *о девиантном и делинквентном поведении подростков и молодежи* (**А. Н. Григорьева**, **Л. Н. Курбатова**)⁵ и *о проблемах молодежной наркомании* (**Л. А. Журавлева**, **Г. Н. Шевченко**, **Д. В. Шкурин**)⁶.

XV УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Они проходили 17 марта 2005 г. в Уральском государственном техническом университете (Екатеринбург). Тема XV Чтений – «Возрождение России: общество – управление – образование – культура – молодежь». Впервые материалы чтений были опубликованы в «ваковском» журнале – «Вестнике Уральского государственного технического университета – УПИ»⁷.

Чтения были посвящены 60-летию Победы и 85-летию УГТУ-УПИ. Этим датам в материалах чтений были посвящены статьи **Л. Д. Митрофанова** (*«Вклад ветеранов Великой Отечественной войны в управление и развитие*

¹ Там же. С. 163-165.

² Там же. С. 167-169.

³ XIV Уральские социологические чтения / Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 180-183.

⁴ Там же. С. 204-209.

⁵ Там же. С. 210-211.

⁶ Там же. С. 152-158.

⁷ Трансформация российского общества и актуальные проблемы социологии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции // Вестник ГОУ ВПО УГТУ-УПИ. 2005. № 3 (55). Ч. 1. 363 с.

УГТУ-УПИ») и **В. В. Запария** («Гуманитарный факультет в техническом вузе»:

итоги развития и перспективы»)¹. Публикацию докладов и тезисов чтений открывал раздел «Они стояли у истоков», в котором были опубликованы материалы, посвященные **Льву Наумовичу Когану** («Человек эпохи Возрождения» в советские времена)², **Нариману Абдрахмановичу Аитову** и **Захару Ильичу Файнбургу**. Особо отметим воспоминания **Г. З. Файнбурга** о своих родителях и **Е. Н. Икингрин** «Мой Аитов»³.

На пленарном заседании с докладами выступили:

- **Г. Е. Зборовский** (*Проблема социального сравнения в социологии*). На основе историко-социологического анализа постановки проблемы в докладе уточнялось понятие социального сравнения: «Социальное сравнение можно рассматривать в самых различных ипостасях: как познавательную процедуру, как общественный и индивидуальный феномен, как метод познания, как социальный факт повседневного поведения, как закон социальной жизни и науки». «Закон социального сравнения – необходимая связь, устанавливаемая (вскрываема) социальным субъектом между сходными, либо различающимися сторонами (объектами) общественной жизни с целью описания и объяснения количественных и качественных характеристик их отношений»⁴;
- Президент РОС **В. А. Мансуров** (*Теоретические подходы к изучению профессиональных групп в России и на Западе: тенденции и перспективы*): «В советской социологии включение профессии в категорию интеллигенции указывало на внутренние характеристики группы: сложность труда, его творческий характер, призвание индивидов, их особую социокультурную миссию». «Для советско-российских социологов интерес представляли индивидуальные профессионалы. Напротив, англо-американские исследователи в основном изучали профессионалов как корпоративных акторов, сосредоточившись на исследованиях профессиональных сообществ»⁵.
- **Е. С. Баразгова** (*Современная социология личности: потенциал развития*): «В социологии личности традиционно рассматривается социализация, но игнорируется индивидуализация процесса», что на рубеже XX – XXI вв. «вступает в противоречие с изменяющимися в ходе российской трансформации общественными практиками, с изменяющимися социологическими практиками и с выводами и обобщениями, порожденными открытиями в науках о человеке»⁶.

¹ Там же. С. 3-9.

² Позднее был подготовлен и издан трехтомник, посвященный Л. Н. Когану: Л. Н. Коган. Феномен многогранной творческой личности. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2008. 251 с.; Л. Н. Коган. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961-1987 гг. / Ред.-составители Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский, В. Т. Шапко. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2009. 324 с.; Л. Н. Коган. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961-1987 гг. / Ред.-составители Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский, В. Т. Шапко. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2009. 324 с.; Л. Н. Коган. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1988-1997 гг. / Ред.-составители Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский, В. Т. Шапко. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2009. 382 с.

³ Трансформация российского общества и актуальные проблемы социологии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции // Вестник ГОУ ВПО УГТУ-УПИ. 2005. № 3 (55). Ч. 1. С. 10-15.

⁴ Там же. С. 16-23.

⁵ Там же. С. 72-74 (доклад подготовлен совместно с О. В. Юрченко).

⁶ Там же. С. 23 – 28 (доклад подготовлен совместно с М. Н. Вандышевым).

- **Ф. С. Файзуллин** (*О совершенствовании системы регулирования межнациональных отношений*): «Обобщение общественной практики приводит к выводу: реформы региональных отношений, изменение во взаимоотношении центра и регионов оказались шагом в сторону формирования не федерального, а унитарного государства; происходит не расширение границ демократии, а усиление принципов автократизма»¹.
- **Ю. Р. Вишневский** (*Методологические проблемы социологии культуры*)²: «Эмпирическое исследование культурных запросов жителей Свердловской области³ актуализировало наше обращение к теоретико-методологическим проблемам социологии культуры. Сегодня важно осмыслить и преодолеть основные недостатки социологических исследований культуры: теоретизирование (неразработанность проблематики культуры и ее операциональных определений); институционализм (больше внимания учреждениям и институтам культуры, чем культурной деятельности человека); урбанизм (больше внимания городской культуре, чем культуре селян); регионализм (неравномерность исследований по разным регионам); маниловщина (иллюзорность многих практических рекомендаций)».
- **М. А. Слюсарянский** (*Социально-трудовые отношения в постсоветской России: состояние и тенденции развития*): «Социально-трудовые отношения, включающие в себя отношения найма и отношения, связанные с использованием наемного труда, представляют собой важнейший элемент системы общественных связей в любой современной стране. Уровень и характер развития этих отношений оказывает самое непосредственное влияние на экономическое и социальное развитие общества, на общественно-политическую ситуацию. В свою очередь сама система социально-трудовых отношений во многом складывается под воздействием как политических, экономических, так и социальных условий. Как показывают результаты многих исследований, отношения между работниками и работодателями на отечественных предприятиях после разгосударствления собственности далеки от оптимальных. Более того, положение работников в значительной части случаев заметно ухудшилось по сравнению с дореформенным, т. е. социально-трудовые отношения не соответствуют новым социально-экономическим условиям, не отвечают требованиям современной рыночной экономики даже в ее «начальном российском» варианте»⁴.
- **В. В. Гаврилюк** (*Взаимосвязь качества образования в регионе и уровня функциональной неграмотности в условиях модернизации высшей школы*): «Современная социальная реальность характеризуется возрастанием уровня образования населения, превращением глобального мира в основанное на знаниях общество и — одновременно — появлением в сфере образования новых противоречий и процессов. Наиболее остро эти противоречия проявляются в состоянии

¹ Там же. С. 97-98.

² Там же. С. 293-296 (доклад подготовлен совместно с С. Ю. Вишневским и В. Т. Шапко).

³ Вишневский Ю. Р. Коробейникова А. П., Шапко В. Т. Культурные запросы населения и оптимизация управленческой деятельности учреждений культуры. М., 2004. 141 с.

⁴ Трансформация российского общества и актуальные проблемы социологии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции // Вестник ГОУ ВПО УГТУ-УПИ. 2005. № 3 (55). Ч. 1. С. 142-145.

элементарной грамотности в мире и в возникновении, распространении нового явления – функциональной неграмотности, принявшей в развитых странах, в т. ч. и в России, неожиданно большой размах». «Функциональная неграмотность – неспособность работника или гражданина эффективно выполнять свои профессиональные/социальные функции, несмотря на полученное образование»¹.

• **С. Г. Зырянов** (*Особенности отношения к выборам в Госдуму в условиях слабой сформированности региональных институтов власти*): «Если говорить о причинах зыбкости властных институтов, то их как минимум три: отсутствие у властвующей элиты привычки (правила) не нарушать те законы, которые она сама и принимает; погоня за имиджем активно действующей власти, приводящая к выдвиганию и быстрой смене стратегических целей деятельности власти; постоянное стремление властвующей элиты создавать и использовать внеконституционные центры власти»².

Тезисы XV чтений были скомпонованы по тематическому (секционному) принципу в пяти разделах.

В рамках первого из них были сгруппированы материалы по теме «*Общество: теория и методология. Социальная структура – социальная политика*». Среди них отметим: осмысление проблем стихийного социологического воображения (**К. М. Ольховиков**), социального взаимодействия (**В. А. Мансуров**), смыслового единства (**С. Ю. Вишневский**), витасоциологии и танатосоциологии (**И. Е. Левченко**), социального прогнозирования (**В. А. Костин, В. Н. Стегний**), рефлексии в научно-историческом познании (**М. М. Акулич, Е. М. Акулич, Л. П. Гербер**), социального капитала (**Л. Н. Боронина**) и др.

Во втором разделе были собраны материалы по социологии экономики, труда, управления. В центре внимания авторов: экономическая стратификация российского общества и его измерение (**А. Б. Довейко**), концептуальная модель маркетинга (**Л. Н. Банникова**), конкуренция (**Л. А. Лесина**), инвестиционное и потребительское поведение (**В. А. Давыденко, Е. П. Данилова, А. В. Мезрин**), разнообразные аспекты трудоустройства, занятости и безработицы

(**В. Н. Савин, Н. В. Мальцева, Е. В. Масленникова, А. Н. Тарасова**) и др.

В материалах раздела III (*Образование*) рассматривались общие проблемы образования в связи с вызовами XXI в. (**Б. П. Дементьев, Р. К. Стерледев и Т. Д. Стерледева, Е. Н. Нархова, З. В. Сенук** и др.), перспективы модернизации, демократизации и реформирования российского образования (**В. В. Мельник, А. Г. Кислов, Т. Е. Зерчанинова, Е. Н. Заборова, О. М. Дудина**), образовательные потребности (**О. В. Нотман, Н. Б. Тейтельман, Е. А. Шуклина**).

Раздел IV (*Молодежь – семья*) охватывал материалы, в которых исследовалась молодежь в полиэтническом обществе (**Л. А. Гегель, С. П. Бабочкина**), проблемы самореализации и профессионального самоопределения молодежи (**Л. В. Власенко, Л. Э. Пробст, Я. В. Дидковская**), молодежь как социальный конструкт и особая социальная группа (**Е. В. Лобова, Л. В. Русских**), ре-

¹ Там же. С. 215-216.

² Трансформация российского общества и актуальные проблемы социологии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции // Вестник ГОУ ВПО УГТУ-УПИ. 2005. № 3 (55). Ч. 1. С. 88-91.

гиональные аспекты молодежной политики (С. И. Железнякова, И. Л. Грошев, И. А. Грошева). Менее представленной оказалась проблематика семьи – общая характеристика брачно-семейного поведения молодежи, социальная среда семьи, потенциал семейной политики на Кольском Севере (М. Ю. Суслова, Э. С. Клюкина И. Г. Неудачина).

В разделе V (Социология культуры и личности) были опубликованы тезисы, посвященные проблематике *политической, экономической, экологической, корпоративной и организационной культуры (Б. Б. Багиров, Е. С. Казаков, Е. В. Грунт, В. Н. Давыдов, Л. Д. Митрофанов), рекламы как социокультурного феномена (Е. Н. Заборова, Е. А. Шуклина, Е. А. Широкова), интеллигенции (Л. А. Марголин, В. В. Черданцев)* и др.

Впервые на XV чтениях не было секционных заседаний, но были проведены круглые столы: *«Россия – 2005: Социокультурное измерение (ведущие – Г. Е. Зборовский, В. Н. Стегний, В. Т. Шапко)* и *«Социальные реформы в современной России: природа, проблемы, последствия» (ведущие – Е. Н. Заборова, Ю. Р. Вишневский, А. В. Меренков).*

XVI УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

XVI Уральские социологические чтения проходили в Челябинске 7-8 апреля 2006 г. в Южно-Уральском государственном университете. Тема чтений была определена как *«Социальное пространство Урала в условиях глобализации – XXI век»*. Они проводились в ранге международной научно-практической конференции. К пленарному заседанию и к работе секций было подготовлено более 240 тезисов докладов и сообщений, которые были опубликованы в двух книгах (Ч.1,2). Кроме того, материалам чтений был посвящен специальный выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета», в котором в рамках серии «Социально-гуманитарные науки» был опубликован ряд статей участников чтений. Откликнулся на чтения и журнал «Социум и власть», который также на своих страницах разместил ряд статей участников форума уральских социологов.

Примечательно, что XVI Уральские социологические чтения проходили в год 30-летия чтений, когда было уже ясно, что принятие любого важного решения без предварительного проведения социологических исследований будет иметь ограниченное значение, что выработать стратегию и тактику действий по самым острым общественным явлениям и процессам без их обоснования научными данными будет непродуктивно.

На чтениях отмечалось, что перед российским, в том числе и уральским, социологическим сообществом стоит много острых и сложных вопросов. Это: формирование глобального человеческого сообщества; мера и характер включенности России, в том числе и Уральского региона, в мировое сообщество, процессы и явления, происходящие в нем; анализ глобализации с точки зрения идентификации современного российского социума; оценка состоятельности мнения о том, что Россия превращается в полигон мирового глобализационного

эксперимента; определение векторов во многом противоречивого мультицивилизационного процесса в масштабах современной цивилизации, России, ее регионов (в том числе Уральского); рефлексия основных тенденций процесса проникновения мультикультурных традиций в российское пространство и немало других, меньших по масштабу, но не по актуальности проблем. Об этом говорили в своих выступлениях Президент Российского общества социологов **В. А. Мансуров** (Институт социологии РАН, г. Москва) и Председатель бюро Челябинского областного отделения Российского общества социологов **С. Г. Зырянов**.

Отличительной особенностью XVI Уральских социологических чтений было рекордное количество секций – 11. Традиционно первая из них была посвящена вопросам *методологии, теории и истории социологии*. Здесь особое внимание было уделено различным аспектам методологического анализа понятия *«социальное пространство»*. Среди материалов на эту тему – *«Об особенностях регионального социального пространства»* (**Г. Е. Зборовский**), *«Концепции социального пространства П. Сорокина и П. Бурдьё»* (**С. П. Бутакова**), *«Методологические основания исследования понятия «социальное пространство»*

» (**Л. Г. Скульмовская**), *«Социологическая концептуализация постсоветского пространства»* (**Л. Г. Титаренко**), *«Модель социального пространства, отражающая его геометрию»* (**В. С. Ткаченко**), *«Научно-образовательный потенциал как фактор изменчивости социального пространства»* (**М. Т. Шафиков**), *«Теоретико-методологические проблемы изучения и проектирования социального пространства»* (**В. В. Прокин**), *«Социальное пространство городского поселения»* (**Г. Ф. Гонцова, С. А. Биртолан**) и др.

На секции были представлены и иные темы. Это исследования: *темпоральной субъективности* (**Н. В. Веселкова**), *отношений гомоморфизма между Россией и Западом* (**Н.А. Комлева**), *методологических аспектов социально-трудовых отношений* (**М. А. Слюсарянский**), *роли обществоведов с позиций конструкционистского подхода* (**И. Г. Ясавеев**), *интуитивно-рациональной парадигмы в российской социологии государственного и муниципального управления»* (**В. П. Бабинцев**) и др.

Особый интерес на чтениях был замечен к проблематике региональной экономики в зеркале российских и глобальных процессов и ее социологическому анализу. В этой связи назовем некоторые темы докладов и выступлений: *«Институциональные факторы процесса трансформации домашних хозяйств в активный экономический субъект»* (**И. В. Баскакова**), *«Кризис управленческого лидерства в условиях глобализации»* (**А. В. Бехтерев**), *«Работник в трудовой ситуации: возможности влияния»* (**М. Н. Вандышев, Е. В. Прямикова**), *«Возрождение социального планирования как общественная необходимость»* (**А. А. Баимбетов**), *«Труд как ценность: экономические и социологические проблемы»* (**Т. П. Волкова**), *«Влияние стереотипов на трудовое поведение»* (**О. Н. Шестопалова**), *«Социально-экономический потенциал региона – основа сбалансированной социальной политики»* (**В. Ф. Кузнецов**), *«Интернет-исследование рынка труда в г. Екатеринбурге: Специфика адаптации ино-*

странной рабочей силы» (**Н. В. Шаброва**), «Влияние деловых сетей на организацию рынков» (**М. В. Худякова**), «Социологический анализ профессиональной социализации» (**Л. Э. Пробст**), «Потребительское поведение горожан в локальном социальном пространстве уральского города» (**В. С. Нифонтов**), «Социологический подход к рассмотрению сущности социального партнерства» (**С. И. Кубицкий**), «Особенности потребительского поведения в сфере туристических услуг» (**А. Н. Новгородцева**), «Управленческий потенциал прогноза потребления в городском домохозяйстве» (**А. А. Кийко, А. А. Тараданов**), «Новая экономическая социология: ограничения и возможности» (**Ю. А. Макрушина**), «К вопросу о социологическом прогнозировании» (**А. И. Кузьмин**), «Политические и экономические процессы в условиях глобализации современного мира» (**Д. А. Миронов, Н. Н. Баталова**), «Роль внешнего фактора в развитии Уральского региона на новой стадии развития мировой цивилизации» (**М. Г. Суслов**), «Опыт социального прогнозирования крупного северного города» (**А. А. Бадина**), «Социальная ответственность предпринимательства в российском регионе: проблемы формирования и управления» (**Н. В. Исаева**), «Современный руководитель: проблема имиджа» (**Л. П. Гербер**) и др.

Традиционно на Уральских социологических чтениях широко отражается молодежная проблематика. Не были исключением и XVI чтения. Особенности молодежной секции заключались в том, что социальные проблемы уральской молодежи рассматривались в ней через призму общероссийских процессов и, вместе с тем, в контексте глобализации. В первую очередь следует назвать фундаментальный по своим постановкам доклад «Молодой россиянин: становление гражданина» **Ю. Р. Вишневского** и **В. Т. Шапко**. Интерес представили результаты исследований **Ю. М. Беспаловой** «Социально-культурные основы региональной молодежной политики», **Я. В. Дидковской** «Профессиональное самоопределение и карьера выпускников вузов», **С. И. Железняковой** «Молодежь уральского города: особенности ценностных ориентиров», **Н. С. Комаровой** «Современная французская молодежь: социальное пространство поколения», **О. С. Шаронина** «Молодежь и политика: Социологические аспекты взаимодействия молодежных организаций и власти», **Н. Ю. Масленцевой** «Проблема молодежи в современном мире», **Л. Е. Петровой** «Молодые взрослые: типология стратегий совладания с жизненными трудностями», **Т. В. Воецкой** «Социализация и самореализация молодежи», **Ю. Г. Хисматуллиной** «Особенности изучения молодого поколения в рамках социологии молодежи», **Е. О. Чухванцевой** «Занятость сельской молодежи как один из факторов ее социальной защищенности», **С. В. Одякова** «Ценностные ориентации молодежи (на примере студентов ЮУрГУ)», **Е. И. Салгановой** «Ценностные ориентации учащейся молодежи», **Г. М. Муталовой** «Аксиологическая проблема молодого поколения», **О. И. Власовой** «Актуальные проблемы молодежи в сфере труда», **М. Э. Бочко** «Молодежь и риски на региональном рынке труда», **Е. Б. Константиновой** «Жизненное проектирование молодежи: исторический аспект», **А. С. Кашириной** «Ориентации на профессиональную деятельность учащейся молодежи:

определяющие факторы», **Э. Г. Колуниной** «Преемственность поколений: прошлое, настоящее, будущее», **И. В. Сибирякова** «Современная молодежь России об И. В. Сталине (взгляд социологов)», **Е. А. Красновой** «Идеологическая социализация современной российской молодежи» и др.

С учетом того, что в последнее время именно Челябинск стал своеобразным центром в развитии *социологии политических процессов*, особенно в исследованиях электорального поведения, была выделена специальная секция, посвященная этим процессам и собравшая значительное число участников – более 30 человек. В первую очередь хотелось бы отметить такие темы выступлений: «Социальная потребность в гражданском участии – фактор институционализации демократической политической системы» (**С. Г. Зырянов**), «Отношение населения к государственной власти: тенденции формирования и обуславливающие их факторы (результаты социологического мониторинга)» (**В. Э. Бойков**), «Социологические аспекты взаимодействия общества и органов власти» (**Т. Е. Зерчанинова**), «Российская практика становления и взаимодействия институтов гражданского общества и государства» (**И. В. Демидова**), «Демонтаж социального государства и формирование рынка социальных услуг: к постановке проблемы» (**А. Б. Франц**), «Роль элит в становлении политической системы» (**Р. И. Нигматуллина**), «Система государственной гражданской службы в контексте синергетического подхода» (**Г. А. Банных**), «Сделают ли реформы госслужбу эффективной?» (**В. И. Чуев**), «Социально-политический выбор как свобода неучастия» (**Г. В. Соколова**), «Особенности политической социализации современной молодежи» (**В. Г. Юдина**), «Общественные объединения в системе гражданской адаптации» (**Т. А. Лугинина**) и др.

Ни одни Уральские социологические чтения не проходили без оживленного обсуждения *проблем культуры и образования*. Не были исключением в этом отношении и XVI чтения. На обсуждение был выдвинут целый ряд интересных тем. Среди них: «Культурный ландшафт региона. Опыт историко-географической реконструкции» (**Р. Ю. Федоров**), «Особенности культурно-символической глобализации» (**Т. Ю. Саталкина**), «О подходах к определению корпоративной культуры» (**Е. А. Терещук**), «Корпоративная культура и эффективность управления фирмой» (**В. Ф. Кузнецова**), «Ценности организационной культуры» (**Л. И. Белова**), «Социологические аспекты социализации и социальной адаптации молодых педагогов в системе образования российского общества» (**А. И. Матвеева**), «Специфика театрального спектакля с точки зрения маркетинга» (**О. С. Копалова**), «Библиотеки в социокультурном пространстве Югры» (**Е. Н. Икингрин, С. Ю. Волженина, Н. Е. Швыркова**), «Место ночного клуба в пространстве культуры» (**Е. А. Адаховская**) и др.

В целом XVI Уральские социологические чтения продемонстрировали хорошо заметную траекторию роста достижений их участников в исследованиях наиболее актуальных проблем экономической, социальной, политической, духовной жизни региона Большого Урала. В сравнении с несколькими предшествующими социологическими чтениями применительно к рассматриваемым можно было бы использовать в качестве подводящих общих итог XVI чтениям

два обобщения, каждое из которых имеет право на существование», – «*Уральская социология на марше*» и «*Уральская социология на подъеме*».

XVII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Они проходили 17-18 марта 2008 г. на базе Уральского государственного технического университета–УПИ (в тесном сотрудничестве и взаимодействии с Гуманитарным университетом). Тема чтений: *«Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект»*. Это позволило сохранить традиционный для всех предыдущих чтений *проблемный подход* к социологическому исследованию различных сфер социальной жизни, сочетать разработку глобальных и общероссийских социальных процессов с региональными особенностями Большого Урала.

Такое сочетание было характерно уже для пленарного заседания. Своеобразным итогом многолетних исследований уральских социологов были доклады **Ю. Р. Вишневого** и **Г. Е. Зборовского** *«Социологи Урала – к 50-летию Советской социологической ассоциации и Российского общества социологов»* и **Ю. Р. Вишневого** и **В. Т. Шапко** *«История Уральских социологических чтений»*¹.

Обобщением многолетних исследований проблем *теоретической социологии* явился доклад **Г. Е. Зборовского**: «Поскольку реальное существование отечественной теоретической социологии имеет смысл связывать, прежде всего, с последними двумя десятилетиями, необходимо отметить некоторые особенности ее развития в рамках обозначенного периода. В первую очередь, речь идет о появлении в российском обществе нового социологического мышления, основным принципом которого стало преодоление традиционного для нашей страны в прошлом разделения социологии на марксистскую и немарксистскую, буржуазную и социалистическую, западную и восточную. Разумеется, складывание нового социологического мышления вовсе не означает исчезновения своеобразия различных социологических линий, течений и направлений, многовариантности путей достижения поставленных целей. Многообразие в социологии – это тоже принцип меняющегося социологического мышления»².

Сходные мотивы прозвучали и в докладе **В. А. Мансурова** (*Социология и общество: проблемы взаимодействия*): «На протяжении всей истории существования социологии отмечалось ее стремление изучить и объяснить причины и механизмы изменения основного объекта ее исследования – общества. Но в силу сложности и многоаспектности общества, а также его непрерывного и постоянного изменения все попытки создать единую социологическую теорию не привели к желаемому результату. Казалось бы можно отметить определенные достижения на этом пути – в виде построения нескольких социологических

¹ Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект / Материалы Всероссийской конференции «XVII Уральские социологические чтения» / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, Г. Е. Зборовского, В. Т. Шапко. Т. I. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. С. 4-10; 10-15. Позднее – по итогам работы III Всероссийского социологического конгресса (Москва, 2008. 21-24 сентября) – был издан сборник докладов и выступлений уральских социологов на конгрессе – Уральские социологи в общероссийском социологическом пространстве / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, Г. Е. Зборовского, В. Т. Шапко. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. 212 с.

² Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект / Материалы Всероссийской конференции «XVII Уральские социологические чтения» / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, Г. Е. Зборовского, В. Т. Шапко. Т. I. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. С. 42-48.

теорий: марксизм, понимающая социология, структурный функционализм, символический интеракционизм, а также постклассические, модернистские (социологическая феноменология, этнометодология) и постмодернистские (теория самореферентных систем, структурационная социология) теоретические концепции. И все же очевидно, что ни одна из этих теоретических систем, взятая отдельно, не может претендовать на роль социологической метатеории. Напрашивается очевидный вывод, что следует объединить возможности всех уже разработанных теорий и создать общую социологическую метатеорию, хотя, как показывает опыт, эта цель недостижима»¹.

Е. Н. Заборова рассмотрела – в контексте глобальных процессов – *актуальные проблемы города*. Из разнообразия поднятых ею вопросов выделим один: «Стратификационная система города в настоящее время отличается глубокой дифференциацией в положении различных социальных групп. При этом важнейшей задачей является поиск эффективной социальной политики. Социальная политика является формой реагирования общества на объективный факт существования социального неравенства... Исторический спектр проявлений форм социальной политики многообразен: от уничтожения слабых до их всемерного сохранения, от одобрения неравенства до его решительного осуждения, от попыток сохранить неравенство как предпосылку прогресса до желания его безусловной ликвидации как фактора того же прогресса»². *Крупным городам как объекту теоретико-социологического анализа* был посвящен доклад **В. Г. Попова**³.

В докладе **А. В. Меренкова** обосновывалась трактовка *социализации как взаимосвязи природного и социокультурного в человеческой деятельности*: «Социализация становится постоянно идущим процессом, вызывая противоречия между уже освоенными индивидом предписаниями и новыми требованиями к его повседневной жизнедеятельности... Организм людей уже не выдерживает той нагрузки, которая предлагается, а часто просто навязывается современной культурой»⁴.

М. А. Слюсарянский углубил свою *концепцию социально-трудовых отношений*, обозначив возможность и необходимость применения к их исследованию *социокультурных подходов*: «Обращение к опыту работников различных социально-профессиональных групп и функционированию предприятий с разными формами собственности в условиях формирующегося рынка требует выделения и детального рассмотрения не только актуальных социальных проблем труда, но и социокультурных процессов, протекающих при формировании новых правил в сфере трудовых отношений»⁵.

О развитии авторской концепции можно говорить и применительно к докладу **Ф. С. Файзуллина**, подчеркнувшего *роль национальных ценностей и*

¹ Там же. С. 53-59.

² Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект / Материалы Всероссийской конференции «XVII Уральские социологические чтения» / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, Г. Е. Зборовского, В. Т. Шапка. Т. I. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. С. 32-38.

³ Там же. С. 68-72.

⁴ Там же. С. 64-68.

⁵ Там же. С. 72-75.

ценностных ориентаций: «Изучение многочисленных этносов, находящихся на разных ступенях формирования и развития, убеждает, что единство членов этноса, кроме всего прочего, обеспечивается наличием определенных черт психики, единым восприятием и оценкой одних и тех же поступков и событий, единым отношением к тем или иным ценностям. Именно с позиций сочетания совокупности таких чувств и отношений и надо подходить к понятию нации и национальных ценностей¹.

В период распространения междисциплинарных исследований социологи с интересом отнеслись к выступлению историка **В. В. Запария**², раскрывшего роль *модернизационного подхода как инструмента социокультурного исторического анализа*.

Как и на предыдущих чтениях, доклады по тем или иным аспектам *социологической теории* сочетались с обобщением результатов *эмпирических исследований*.

Интересными и аргументированными были материалы исследований Института социологии РАН, представленные **М. К. Горшковым**. Прежде всего, это распределение россиян на 10 страт по уровню и качеству жизни: «В России на сер. 2007 г. не менее 60% населения характеризовалось тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности» Основное недовольство россиян связано не с отдельными проявлениями социальных неравенств или низким уровнем личных доходов. Недовольство такого типа, оставаясь на микроуровне, обычно не генерирует глубокого и агрессивного протеста. В современной России социальное недовольство замыкается на базовые ценностно-мировоззренческие позиции россиян и в результате приобретает характер недовольства сложившимися в стране за годы реформ социально-экономическими отношениями, включая и распределение собственности, и распределение доходов. При этом протест переходит на макроуровень, превращаясь в недовольство новой системой отношений в целом»³.

В докладе **Ю. Р. Вишневого** и **В. Т. Шапка** подводились итоги 12-летнего мониторинга свердловского студенчества⁴.

В. В. Мельник представил участникам чтений результаты полномасштабного исследования «*Социокультурный портрет региона*» (N = 4000 человек), проведенного в 2006 г. на территории Тюменской области, ХМАО, ЯНАО и являвшегося частью федерального исследования «Проблемы социокультурной эволюции России» (руководитель – Н. И. Лапин). Основное внимание докладчик уделил проблеме социального самочувствия населения Тюменской области (самооценки незащищенности от опасностей-проблем, удовлетворенности жизнью, уровень оптимизма)⁵. Конкретизацией доклада были и выступле-

¹ Там же. С. 75-79.

² Там же. С. 38-42.

³ Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект / Материалы Всероссийской конференции «XVII Уральские социологические чтения» / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, Г. Е. Зборовского, В. Т. Шапка. Т. I. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. С. 28-32.

⁴ Там же. С. 16-28.

⁵ Там же. С. 59-64.

ния **В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкиной, Г. С. Корепанова**¹.

Традиционно – в докладах **С. Г. Зырянова** на чтениях – рассматривались на обширном и репрезентативном материале исследований в Челябинской области различные аспекты важного раздела социологии политики – электоральной социологии. На XVII чтениях темой его выступления стала *мотивация партийно-политического выбора избирателей*².

Социологи Гуманитарного университета (**Г. Е. Зборовский, А. Е. Кантор, Е. А. Шуклина, Е. А. Широкова**)³ рассказали об опыте *социологического исследования целевой аудитории регионального телевизионного образовательного канала*.

Доклады на пленарном заседании задали тон и во многом определили направленность и характер последующих дискуссий на секциях и круглых столах.

В рамках обсуждения теоретико-методологических проблем отметим выступления **Н. Л. Антоновой** (*Институты: социологическое осмысление*), **Л. Н. Банниковой** (*Социальный маркетинг*), **Г. А. Банных** (*Виртуальные сообщества: возможности социологического анализа*), **С. Ю. Вишневого** (*Призвание: единство предметности и процессуальности*), **Т. Е. Зерчаниновой** (*Внешние и внутренние факторы профессиональной деятельности социолога*), **Н. Ю. Игнатовой** (*Феноменологические методы в социологии*), **И. А. Коха** (*Объединительные парадигмы в социологии*), **А. Б. Курлова** (*Образ жизнедеятельности населения как критерий развития регионального социума*), **К. М. Ольховикова, С. В. Ольховиковой** (*Социальные мифы и региональные особенности городов России*), **В. Д. Паначева** (*Социальные проблемы качества жизни человека*), **Г. В. Талалаевой** (*Особенности самоактуализации личности*), **Н. И. Шаталовой** (*О понятии «социальная организация предприятия»*).

Теоретическим и прикладным исследованиям проблем социологии политики и права были посвящены выступления **М. М. Акулич** (*Харизматическое лидерство*), **К. А. Антипьева** (*Социальные составляющие местного самоуправления*), **А. С. Ваторопина** (*Политические форс-идеи в России и регионах*), **Ю. М. Вассермана** (*Разработка концепции и основных направлений региональной социально-демографической политики*), **С. Г. Ермолаевой, Т. К. Коваленко** (*Коррупция и использование «прорех» в законодательстве*), **Н. Н. Куделькина** (*Бизнес и власть: региональный аспект*).

Достаточно представительной была секция *социологии молодежи*: **М. А. Арапова** (*Размышления о социологии молодежи*), **В. П. Бабинцев** (*Проблема духовной безопасности молодежи в обществе риска*), **А. А. Баимбетов** (*Состояние беспризорности и безнадзорности в современной России*), **Е. Н. Бондаренко** (*Проблемы формирования жизненных планов молодежи в ЗАТО*), **Я. В. Дидковская** (*Динамика профессионального самоопределения студентов*), **Н. В. Дулина, Н. А. Овчар** (*Патриотизм: смена поколений и смена приоритетов*), **Е. Н. Икингрин** (*Проблемы жизнедеятельности молодых се-*

¹ Там же. С. 107-115, 136-142.

² Там же. С. 48-53.

³ Там же. С. 122-124.

мей), **М. И. Кивилев** (Молодежные движения в городе Перми), **Н. С. Комарова** (*Аполитичность французской молодежи: иллюзия или реальность*), **О. С. Копалова** (Ценности представителей субкультуры ролевого поведения), **Е. И. Пронина** (*Особенности формирования ценностей молодежи и подростков*), **Л. Г. Скульмовская** (*Проблемы молодежи новых северных поселений*).

Широко и всесторонне на Чтениях обсуждались актуальные проблемы социологии образования и социологии культуры. В дискуссии приняли участие **Т. Б. Багирова**, **В. С. Каташинских** (*Представления студентов о качестве высшего образования*), **Л. Н. Боронина**, **З. В. Сенук** (*Управление качеством образования будущих управленцев*), **Е. Н. Бочканова** (*Оптимизация социального самочувствия горожан*), **Т. Н. Бочкарева** (*Некоторые аспекты духовной культуры студенческой молодежи*), **В. Н. Давыдов** (*Роль корпоративной культуры профсоюзной организации*), **Н. Ю. Мочалова** (*Проблемы высшего образования в России*) и др.

XVIII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

XVIII Уральские социологические чтения проходили 28-29 октября 2010 г. в Челябинске в помещении Законодательного Собрания Челябинской области (пленарное заседание) и в Челябинском институте Уральской академии государственной службы (работа секций). Тема чтений – *«Управление социальным развитием регионов в условиях выхода из кризиса в современной России и странах СНГ»*. Прошли они в формате Международной научно-практической конференции с аналогичной темой. Было подготовлено около 160 докладов и сообщений, а по материалам чтений (конференции) изданы труды их авторов в двух томах общим объемом более 42 п.л.

Большую роль в организации и проведении Уральских социологических чтений сыграл коллектив Челябинского института Уральской академии государственной службы и его директор проф. **С. Г. Зырянов**. В работе Уральских социологических чтений принял участие и выступил с докладом их, можно сказать, бессменный участник Президент Российского общества социологов проф. **В. А. Мансуров** (Москва, Институт социологии РАН).

Важной особенностью чтений было проведение *научной школы для молодежи, включая лекции и мастер-классы для молодых исследователей*. Наряду с Пленарным заседанием, на чтениях работало 5 тематических секций, которые конкретизировали основную тематику пленарных докладов. Вот темы секций: 1. *Теория, методология и история социологии*. 2. *Социальное пространство регионов как социологический феномен*. 3. *Социальные институты и процессы в современном обществе: методология, опыт эмпирического исследования*. 4. *Социально-экономические и политические проблемы развития российских регионов*. 5. *Культура, молодежь, образование в меняющемся мире*.

На Пленарном заседании были заслушаны доклады **Г. Е. Зборовского** «*Социальное пространство региона как социологический феномен*», **С. Г. Зырянова** «*Посткризисный синдром: социально-экономическое самочувствие*

и ожидания населения Челябинской области», О. Ф. Русаковой «Социетальные ресурсы политической власти», А. В. Меренкова «Проблемы теоретического обоснования прикладных исследований в социологии», Г. Б. Кораблевой «Российская интерпретация полипарадигмальности современной социологии», И. А. Шамеса «Профессиональная мудрость социолога», М. А. Слюсарянского «Генезис социальной ценности труда», А. А. Тараданова «Генетический метод социологического анализа», В. С. Цукермана «Советская цивилизация: территориальный и временной аспекты», Ф. С. Файзуллина «Актуализация решения проблем социальной справедливости в современных межнациональных отношениях», А. С. Ваторопина «Православные фашисты как социально-политическое движение: генезис и перспективы», Е. Н. Икингрин «Проблемы и перспективы взаимоотношений власти и общества», В. Д. Попова «Алгоритм формирования образа будущего России», Ю. Р. Вишневого «Сравнительный анализ в межрегиональных исследованиях профессионального выбора студенчества»,

С. П. Парамоновой «Тропы молодежи на рынке труда».

Даже судя по тематике пленарных докладов, их основным направлением (как, впрочем, и на всех предшествующих социологических чтениях) были социальные, политические, экономические, культурные, молодежные, образовательные проблемы развития Урала и регионов, в него входящих. Причем это были регионы и «старые», традиционные для социологического Урала (Свердловская, Челябинская, Пермская, Оренбургская, Курганская области, республики Башкортостан и Удмуртия), и новые, вошедшие в Уральский федеральный округ и недавно начавшие подключаться к его социологической жизни (Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа). Среди основных докладчиков были социологи из Екатеринбурга, Челябинска, Перми, Уфы, Нижневартовска, Николаева (Украина).

География участников чтений была очень широкой. Помимо представителей городов Уральского федерального округа и выходящего за его пределы Большого Урала, на чтениях выразили готовность участвовать и прислали тексты своих выступлений исследователи из многих регионов России и Зарубежья. Это были Москва, Ростов-на-Дону, Орел, Белгород, Геленджик, Якутск, Воронеж, Волгоград, Апатиты, Северодвинск, Грозный, Даугавпилс (Латвия), Катовице, Пётркув-Трыбунальский (Польша) и др. Что касается уральских городов, то помимо названных выше, на чтения прислали материалы и выступили на секциях социологи Тюмени, Сургута, Ханты-Мансийска, Н.Тагила, Магнитогорска, Шадринска, Копейска, Краснокамска, Сатки и др.

В докладах и выступлениях ставились важные теоретико-методологические проблемы социологического исследования региона. Среди них – *проблема регионального социального пространства и его конкретизация в рамках процессов, в нем происходящих*. Отметим в этой связи интересные идеи, касающиеся разработки образовательного пространства региона в контексте политики (В. Б. Куликов), социокультурного образовательного пространства регионов (Л. А. Липская), социально-культурного пространства становления

личности

(**С. Н. Чечулина**), *партнерства СМИ и социальных служб как фактора стабилизации социального пространства Уральского региона* (**Н. Б. Качайнова, М. В. Певная**), *влияния социокультурного развития региона на духовный облик нового поколения* (**В. В. Гаврилюк**), *социального пространства современных межпоколенческих отношений* (**Н. А. Майн**), *социологических аспектов взаимодействия регионального бизнес-сообщества и власти* (**Л. И. Воронина**), *анализа сущности и границ пространства успеха* (**Н. В. Нестерова**), *экологического пространства региона в зеркале общественного мнения* (**Б. С. Павлов**), *информационного пространства региона, его сегментов, факторов, особенностей функционирования* (**С. Г. Зырянов**), *условий инновационного развития региона* (**Н.А. Костко**) и др.

В разработке регионального социального и социокультурного пространства заметное место заняли вопросы *городского социального пространства*. В этой связи хотелось бы обратить внимание на такие темы, как «*Стратегический план Екатеринбурга: прошлое и настоящее*» (**Е. Н. Заборова**), «*Управление социальным развитием северного города: проектный подход* (на материалах исследования в г. Сургуте)» (**Е. А. Волосникова**), «*Молодежь об актуальных проблемах моногорода*» (**С. И. Железнякова**), «*Социально-экономические и социокультурные проблемы развития монопрофильных городов Архангельской области*» (**Е. В. Микляева**), и др.

С проблемами регионального социального и социокультурного пространства оказались тесно связанными вопросы *власти, социального управления и становления гражданского общества*, включая проблематику самоуправления. В этой связи необходимо выделить следующие темы: «*Инновационные аспекты управления регионом*» (**В. Н. Стегний**), *Россия – социальное государство: реальность или миф*» (**В. В. Трухачев**), «*Региональные институты исполнительной власти в условиях реформирования системы государственного управления*»

(**О. Е. Томазова**), «*Опыт комплексной оценки работы органов местного самоуправления: социологический и статистический подходы*» (**В. А. Бурко**), «*Власть и общество в России: проблемы взаимодействия*» (**Н. В. Устинова**), «*О методологических основаниях кризиса современной модели социальной организации*» (**И. А. Самкова**), «*Проблема субъектности российской политики в XXI веке*» (**А. Л. Непрозванных**), «*Факторы, препятствующие проявлению гражданской активности россиян*» (**Н. Н. Маликова**), «*Об основных принципах и приемах управления толпой*» (**Г. Ю. Чернов**), «*Благотворительность как социальный институт современного гражданского общества*» (**А. П. Кушнрук**), и др.

Большое внимание на чтениях уделялось анализу проблем на «стыке» социологии и экономики, что было совершенно естественно в условиях кризисного развития российского общества: «*Социальная поддержка безработных граждан в условиях кризиса развития как фактор стабилизации регионального рынка труда*» (**Н. В. Коваленко**), «*Социально-трудовые отношения в условиях мирового финансово-экономического кризиса*» (**С. В. Одяков**), и «*Некоторые*

итоги социально-экономической трансформации в России» (А. М. Быковских), «Использование сбалансированной системы показателей для оценки уровня социально-экономического развития региона» (А. В. Ивлев), «Повышение уровня жизни работника в контексте борьбы с экономической бедностью» (Т. П. Волкова), «Основные условия преодоления негативных социальных последствий развития неформальных трудовых отношений в современном российском обществе» (Г. С. Латыпова), и др.

Уральские социологические чтения не выполнили бы своего традиционного предназначения, если бы не было представлено достаточно много докладов и выступлений по социологии молодежи, социологии культуры и социологии образования.

Большой интерес вызвали материалы Л. Г. Скульмовской и Н. М. Казначеевой «Специфика региональной культурной политики в условиях нестабильной экономики (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)», И. В. Тесленко «Социокультурные проблемы развития российских регионов через тенденции в молодежной среде», Ю. М. Вассермана «Модернизация культуры и ценность человеческой жизни», П. А. Амбаров «Межкультурный компонент в подготовке специалистов в области государственного и муниципального управления», Э. М. Валеевой «Мода как один из механизмов социальной регуляции», Ю. Н. Круглова «Театр в жизни студентов», О. Ю. Фрост «Читательская культура молодежи Челябинской области: мифы и реальность», Е. Н. Бондаренко «Трансформация ценностных ориентаций молодежи «закрытых» городов в период социально-экономического кризиса 2008-2009 гг.», и др.

Говоря о социологических исследованиях образования, предложенных участникам социологических чтений, назовем некоторые работы по студенчеству. Это: «Изучение ценностных ориентаций уральского студенчества на стыке психологического и социологического подходов» (А. Ю. Петров), «Сравнительный анализ в межрегиональных исследованиях профессионального выбора студенчества» (О. Р. Белова), «Отношение современных студентов к избирательному процессу» (М. М. Акулич, М. В. Батырева), «Влияние экономического кризиса на профессиональные планы студентов» (Л. Н. Банникова, Л. А. Казанцева), «Межнациональные отношения и установки студентов» (Н. В. Шаброва), «Бакалавриат в России в оценках студентов» (В. С. Каташинских).

Что касается проблематики социологии образования, то здесь нужно назвать такие темы, как «Реализация национального проекта «Образование»: к проблеме оценки эффективности управленческих решений» (Е. А. Шуклина), «Педагогическое образование в регионе и управление его развитием (в оценках экспертов)» (В. П. Засыпкин), «Проблема создания и развития университетских комплексов» (А. В. Рыбьякова), «Интеллектуализация управления образовательными системами региона» (Н. Н. Хридина), «Риски функционирования УрФУ как новая угроза национальной безопасности на региональном уровне»

(Н. Г. Привалов), «Контроль и оценивание в образовательном процессе вуза в

условиях балльно-рейтинговой системы» (Е. К. Шибанова), «Роль высшего профессионального образования в подготовке современных менеджеров» (В. Д. Паначев), «Подготовка инновационных кадров в сфере государственного и муниципального управления» (Л. Н. Боронина, О. Л. Сухинина) и др.

В целом XVIII Уральские социологические чтения продемонстрировали неослабевающий интерес исследователей к актуальной социальной проблематике региона Большого Урала, равно как и всего российского общества в период его выхода из социально-экономического кризиса. На чтения было представлено немало текстов, выполненных *студентами уральских вузов*. Это вселяет надежду на появление нового, молодого поколения отечественных социологов, готового включиться вместе со своими более опытными старшими коллегами в процесс изучения острых проблем функционирования современного общества, выявления реальных перспектив его развития.

ХІХ УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Они состоялись 14-16 марта 2013 г. на базе Уральского федерального университета. Тема чтений: «Региональные особенности разработки и реализации социальной политики». В сборнике материалов чтений и в сборнике «Актуальные проблемы социологии», подготовленном к началу чтений, были опубликованы статьи и тезисы почти 200 участников¹. Поскольку от XIX чтений нас отделяют менее двух лет, можно ограничиться очень кратким обзором материалов этих чтений.

Начнем с *теоретико-методологических проблем*. Их обсуждению посвятили свои доклады и выступления: **П. А. Амбарова** (*Проблема социального времени в работах уральских социологов*), **Л. Н. Банникова** (*Услуга как социальный феномен*), **Л. Н. Боронина** (*О категории возможности в истории социологии*), **С. Ю. Вишневский** (*Социокультурная теория призвания Л. Н. Когана*), **Г. Е. Зборовский** (*Возможна ли публичная социология в регионе?*), **А. В. Меренков** (*Жизнь и смерть стереотипов в современных условиях*), **Г. В. Мокроносов** (*Понятие «материальные общественные отношения»: два смысла*), **К. М. Ольховиков, С. В. Ольховикова** (*Идентичность в структуре социальной регуляции: мифологический аспект*), **М. В. Певная** (*Потенциал современной социологической теории в исследовании волонтерства как социального феномена*), **В. В. Проказин** (*Типология прогресса в русской социологии XIX – начала XX вв.*), **Г. В. Разинский, М. А. Слюсарянский** (*Социальная мобильность и патернализм*), **Ж. Т. Тощенко** (*Имитация, новые лики деятельности*), **Ф. С. Файзуллин** (*Социальное равенство и неравенство как основа этнической стратификации*), **Ю. М. Беспалова** (*Региональное пространство в русле проблем социальной экзистенции*), **Т. П. Волкова** (*Уровень и качество жизни в*

¹ XIX Уральские социологические чтения: Региональные особенности разработки и реализации социальной политики: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 14–16 марта 2013 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 367 с.; Актуальные проблемы социологии. Сборник научных статей. Екатеринбург: УрФУ, 2013. 525 с.

социологическом измерении), **М. А. Геташвили** (Связь социально-трудовых отношений и патернализма), **Е. Е. Горяченко, Мосиенко Н. Л.** (Социальное пространство городской агломерации), **Н. В. Дулина** (Социальное самочувствие как один из факторов формирования социального пространства региона), **О. А. Копцева** (Гармонизация социального времени и социальное творчество), **М. А. Кучкильдина** (Поколение как исследовательский конструкт).

Представительным было и обсуждение различных аспектов социальной политики:

- нормативно-правовая база и управление – **М. М. Акулич, М. В. Батырева** (Социологическое исследование качества муниципальной услуги «Обеспечение жильем молодых семей и молодых специалистов»), **Б. Ю. Берзин** (Социология управления: кризис жанра или новая парадигма), **А. С. Ваторопин** (Исламисты в современной России: генезис и перспективы развития социально-религиозного движения), **Г. Б. Кораблева** (Роль социальных технологий в оптимизации государственного и муниципального управления), **Н. Г. Чевтаева, С. А. Яковлева** (Управленческие технологии проведения конкурсных процедур в органах государственной власти Свердловской области: социологический анализ), **А. А. Баимбетов, В. А. Баимбетов** (Асоциальные явления и девиантное поведение в системе социального управления), **А. И. Ворошилова** (Стимулирование количественного и качественного роста человеческого капитала в РФ), **Г. Т. Галиев** (Роль социального аудита в оптимизации социально-трудовых отношений), **Т. Е. Зерчанинова** (Социальный аудит как технология оценки эффективности региональной социальной политики), **Е. Ю. Иванова** (Качественная трансформация системы управления дошкольными образовательными учреждениями в современной России: проблемы, тенденции, решения), **В. В. Килин** (Экономические и социальные последствия вступления России в ВТО), **А. Л. Непрозванных** (Роль нравственности в профессиональной культуре государственных и муниципальных служащих), **А. С. Никитина** (Социальное взаимодействие государственных служащих в условиях инновационных преобразований), **Л. Э. Панкратова** (Оценка качества социальных услуг как механизм повышения эффективности социальной политики региона), **Л. Г. Скульмовская** (Проектирование как инструмент реализации социальной политики региона – на примере ХМАО – Югры), **В. В. Токарев** («Волгоградский омнибус» как технология оценки эффективности регионального управления), **И. В. Цветкова** (Качество социальных отношений в оценке жителей моногорода);
- изменение социальной структуры общества – **З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян** (Рабочие России: статусные характеристики), **М. К. Горшков** (Опыт социологического измерения «русской мечты»), **Е. Н. Заборова** (Городские жители Свердловской области: социально-политические и социокультурные черты), **В. А. Мансуров, О. В. Левченко** (Становление социологии профессиональных групп в России: история и перспективы), **Е. А. Волосникова** (Активность социальных общностей как центральная проблема успешного развития города Сургута), **И. Р. Комарова, Т. Д. Яно** (Внутренний аутплейсмент как современная технология высвобождения персонала в условиях социально-

экономической модернизации страны), **В. В. Прокин** (Организационные факторы инновационного поведения работников предприятий);

• образование – **А. Г. Антипьев** (Проблемы гуманизации и гуманитаризации российского образования), **Е. С. Баразгова, А. Х. Хузина** (Институт профессионального образования: к вопросу о некоторых типологических особенностях); **В. В. Гаврилюк** (Профессиональный потенциал преподавателей вуза), **Г. Е. Зборовский** (Проблемы знания и образования в творчестве К. Манхейма), **А. Г. Кислов** (О политике в области профессионального образования), **Д. Ю. Нархов** (О ресурсном потенциале общности преподавателей высшего профессионального образования), **А. Ю. Петров** (Потребность человека в непрерывном образовании в качестве объекта исследования и обсуждения), **Л. Н. Банникова, В. Н. Согрина** (Предпринимательская деятельность в профессиональных планах уральских студентов), **Г. А. Банных, С. Н. Костина** (Мониторинг качества предоставления образовательной услуги: опыт разработки), **О. В. Власова** (Ориентация на неформальное образование молодежных субкультур в северном городе), **В. В. Воронов** (Проблемы и возможности модернизации высшего образования в Латвии), **В. Ю. Колчинская** (Проблемы формирования учебной мотивации студента-социолога), **Л. А. Лесина** (Формирование инновационной личности будущего специалиста в вузе), **Л. В. Русских** (Социологический подход к оценке качества высшего образования), **Т. С. Фирсова** (Парадокс социологии образования), **О. В. Хомова** (Модернизация среднего профессионального образования в современной России);

• молодежная политика – **Е. В. Грунт** («Законопослушный гражданин» в представлениях российского студенчества), **Е. В. Зайцева** (Электоральное поведение студенчества накануне выборов Президента России), **С. Г. Зырянов, В. М. Зырянова, Д. В. Богданова** (Молодежь Челябинской области: особенности социокультурного портрета), **А. В. Бетехтина, Н. В. Олухов** (Отношение молодежи к избирательному процессу), **М. Н. Большакова** (Социологическое сопровождение молодежных проектов социальной направленности в регионе), **Е. Н. Икингрин** (Социальные компетенции в оценках работодателей и самооценках работающей молодежи и студентов), **О. И. Пименова** (Сложности идентификационных процессов в среде современной российской молодежи), **В. Д. Разинская** (Реализация потенциала молодежи в аспекте региональной социальной политики), **И. Ю. Рассохина** (Информационное пространство молодежи Кузбасса), **Е. О. Чухванцева** (Работа с молодежью как одно из направлений реализации регионального соглашения в системе социального партнерства);

• культура и досуг – **Д. В. Гуськов** (Положительные аспекты экстремизма как социокультурного явления), **А. А. Дзевенис** (Человек и наука), **В. В. Запарий, Е. С. Лахтинова** (Движение за сохранение индустриального наследия как один из факторов формирования патриотизма), **А. С. Вавилова** (Ключевые параметры организационной культуры и методы их анализа), **Ю. М. Вассерман** (Политические последствия культурной дифференциации регионального соци-

ального пространства), **М. А. Васьков** (*Методологические проблемы изучения проявлений идеологии гражданской идентичности в социальном пространстве крупного российского города*), **Р. С. Истамгалин, Ю. В. Бакулина** (*Социальные идеалы, потребности и ценностные установки в социокультурном пространстве региона*), **Н. Г. Хорошкевич** (*Риски индивида в «обществе потребления»*);

• *формирование здорового образа жизни* – **Н. Л. Антонова** (*Мошенничество в системе обязательного медицинского страхования*), **Л. Н. Боронина** (*Физическая культура и спорт как фактор профилактики саморазрушительного поведения*), **В. В. Митькина** (*Здоровье наемных работников промышленных предприятий и проектирование региональных здоровьесберегающих программ*), **Н. И. Скок** (*Социологическое исследование здоровья молодых преподавателей вузов*);

• *демографическая политика* – **А. П. Багирова** (*Родительский труд как новый объект и предмет социологии*), **Н. Б. Качайнова, Г. В. Талалаева, В. В. Трухачев** (*Развитие института семьи в условиях информационного общества*), **З. Х. Саралиева** (*Двое на качелях: семья vs. социум*), **Е. А. Шуклина** (*Социокультурная адаптация детей мигрантов в условиях межнациональной интолерантности*), **В. Т. Ананьина** (*Трансформация современной семьи: современные подходы к исследованию*), **А. В. Винокурова** (*Влияние материальных и жилищных условий на репродуктивные установки студенческой молодежи*), **А. В. Данилова** (*Трансформации представлений о социальном пространстве как детерминанта миграционной биографии жителя закрытого города*), **Н. С. Каташинских, М. В. Певная** (*Ключевые проблемы информационной репрезентации государственной демографической политики*), **Л. А. Осьмук, И. В. Жданова** (*Супервизия как управленческий механизм развития системы профилактики семейного неблагополучия*), **Е. В. Попова, А. П. Коробейникова** (*Семейственность: концептуализация понятия*), **Т. Н. Протасова** (*Особенности демографической политики Кемеровской области*), **С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова,**

О. В. Чудаева (*Воспроизводство населения сибирского приграничья: демографическая, национальная структура*), **В. Н. Стегний** (*Особенности демографической ситуации в Уральском регионе*), **И. Д. Тургель** (*Монофункциональные системы расселения: специфика социально-пространственной стратификации*), **О. А. Якимова** (*СМИ как механизм регулирования миграционных процессов – на примере печатных СМИ Свердловской области*) и др.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Прошло почти 40 лет со времени первых Уральских социологических чтений. 40 лет с точки зрения жизни человеческого организма – это время его зрелости. Социология – это тоже организм, только не человеческий, а социальный. И у нас есть все основания сказать сегодня – уральская социология вышла на уровень социальной зрелости. Она получила общественное признание, приобрела статус социального института, завоевала заслуженный авторитет в стране. У ее истоков стояли крупные социологи и большие личности. Социологическое «тесто», которое они «замесили», возшло как на дрожжах, и быстро дало свои результаты в виде Уральской социологической школы. Хорошо известны два ее поколения, третье приходит в социологическую жизнь в наше совсем не простое время. Но ему уже не придется делать то, чем были заняты их старшие товарищи и коллеги, – доказывать необходимость социологии как науки и практики. Она состоялась, она есть, и мы надеемся, будет еще долгие годы. Мы надеемся, что будут все новые и новые Уральские социологические чтения, которым предстоит и дальше выполнять функцию консолидации и интеграции социологов и социологии Большого Урала.

Накануне Юбилейных, XX-х Уральских социологических чтений и в преддверии V Всероссийского социологического конгресса, который должен состояться в Екатеринбурге осенью 2016 г., идея развития уральской и, более широко, всей отечественной социологии, призванной способствовать созданию и укреплению гражданского общества в России, приобретает особенное значение. Наши надежды – на то, что социологи Урала внесут свой достойный вклад в реализацию этой идеи.

Оглавление

ЧТЕНИЯ НАЧИНАЛИСЬ ТАК	3
I УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	6
II УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	14
III УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	27
IV УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	47
V УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ.....	65
VI УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	70
VII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	88
VIII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ.....	98
IX УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	117
X УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ.....	123
XI УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	134
XII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	137
XIII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ.....	142
XIV УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	149
XV УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ.....	154
XVI УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	158
XVII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	163
XVIII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ.....	167
XIX УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	171
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	175

Научное издание

**УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ:
ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Монография

Авторы:

Вишневский Юрий Рудольфович

Зборовский Гарольд Ефимович

Ответственный за выпуск *С.В. Кульпин*

Редактор *Р. В. Шаповал*

Компьютерная верстка *Р. В. Шаповал*

Для заметок

Подписано в печать 16.02.15
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 7,75. Усл. печ. л. 10,71. Тираж 500 экз. Заказ 75.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии ИГУП УрФУ
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 13Б
Тел.: + 7 (343) 371-10-03, 371-56-04
Факс: +7 (343) 371-56-04
E-mail: igup@urfu.ru

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок
